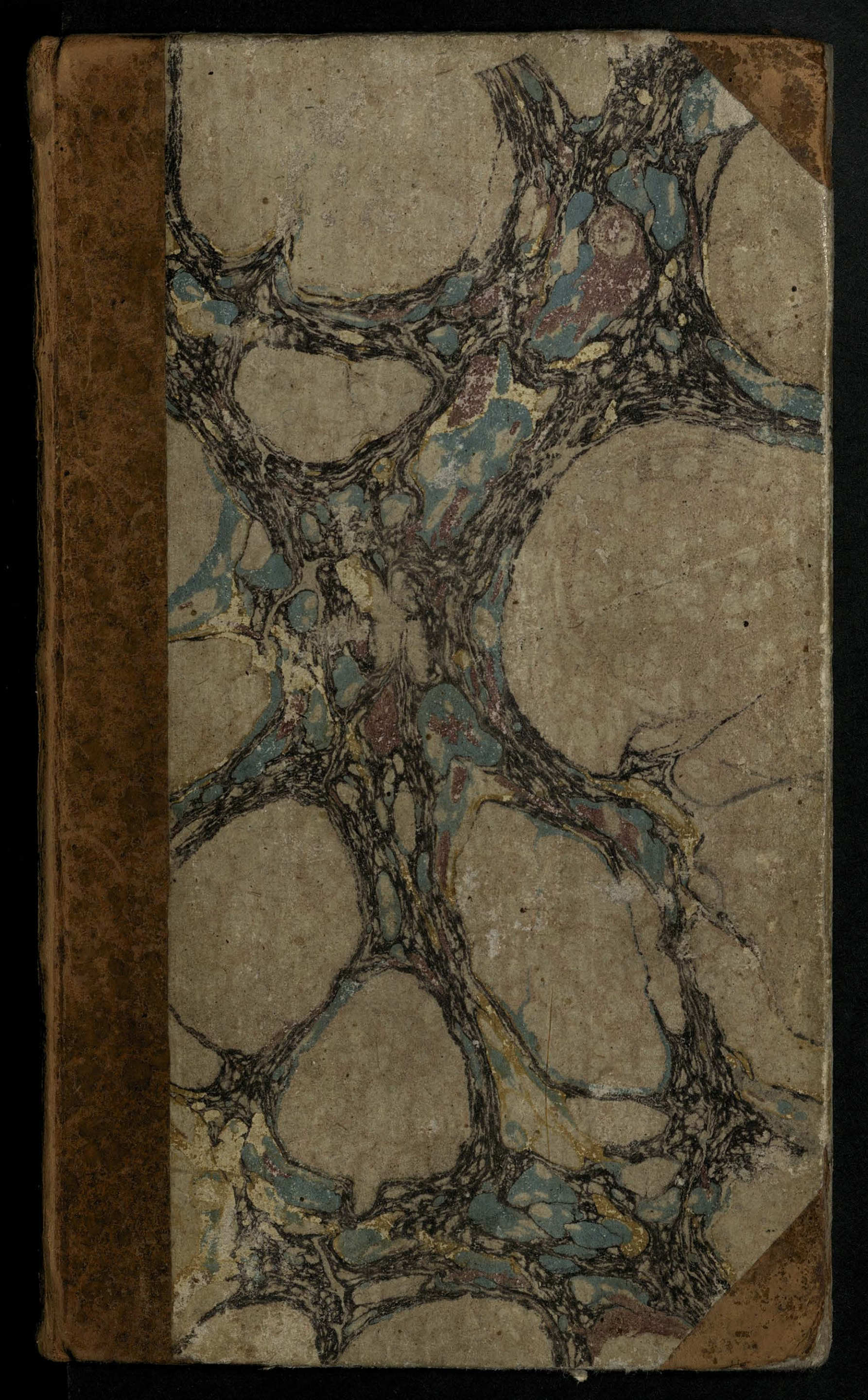

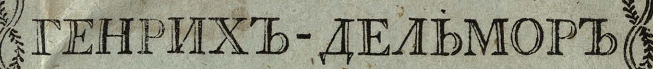

ГЕНРИХЪ-ДЕЛЬМОРЪ

или

НЕБЛАГОРАЗУМНЫЕ ПОСТУПКИ ЮНОШЕСТВА.

АНГЛИНСКОЙ РОМАНЪ,

Сочиненія дѣвицы Бюрней.

Перевелъ съ Французскаго

Михайла Кольевъ.

Часть вторая.

МОСКВА,

Въ Университетской Типографіи,

у Ридигера и Клаудія.

1796.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: *Генрихъ-Дельморъ, Часть II*, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Логики и Метафизики Профессоръ, и печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ Ценсоръ,

Андрей Брянцевъ.

1795.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Второй и послѣдней Части.

ГЕНРИХЪ-ДЕЛЬМОРЪ.

ГЛАВА 25.

Контрастъ.

Когда Генрихъ пріѣхалъ въ Стеньсъ, то къ великому сожалѣнію своему узналъ, что не было попутчиковъ въ Лондонъ. Хотя дождь продолжалъ итти съ большею силою, но какъ карманъ его не позволялъ ему нанять особенной повозки, то онъ и рѣшился ѣхать пѣшкомъ. Прошедши около мили, нагналъ онъ почтовую Госпортскую коляску, напичканную внутри и снаружи столь великимъ числомъ пасажировъ, что онъ не смѣлъ и ласкаться найти въ ней для себя мѣсто. Вдругъ одинъ матросъ, имѣ-

ющій лице оливковаго цвѣту, высунулъ голову изъ дверецъ, приказалъ извощику остановиться и закричалъ къ Дельмору: Эй, пріятель! теперешняя дурная погода ни мало не пристала къ твоему платью. Правда, нечего бояться уклоненія *компаса*; однакожъ, братъ, естьли ты хочешь занять мое мѣсто, *то я* выду на *палубу*.

Генрихъ, удивившись матроской учтивости, поблагодарилъ его, и отказался отъ принятія предложенія его. Ну къ чорту съ своими комплиментами! возразилъ ему честной сынъ Нептуновъ; мы много пили и ѣли, въ коляскѣ для меня душно, и естьли ты хочешь взять другое платье вмѣсто своего измоченнаго, то мое къ твоимъ услугамъ. Держи, Вильямъ, сказалъ онъ другому матросу, возьми этотъ узелъ, и въ ту же минуту выскочилъ изъ дверецъ, влѣзъ на коляску, два раза свиснулъ, и велѣлъ извощику *поднять якорь*. Не было средства про-

шивиться, и Дельморъ занялъ мѣсто великодушнаго матроса.

Общество, находившееся въ колясkѣ, состояло изъ троихъ другихъ матросовъ, изъ одного корабельнаго Порутчика, коего видъ показывалъ, что онъ достоинъ былъ занимаемаго имъ въ морской службѣ степени, и изъ одного молодаго человѣка, которой поступками своими, платьемъ и жеманствомъ дѣлалъ контрастъ съ грубостію матросовъ; онъ, казалось, былъ пригвожденъ къ своему углу, боясь, чтобъ они не замарали прекраснаго синяго его кафтана, нижняго атласнаго платья того же цвѣту, наряднаго желтаго атласнаго жилета и бѣлыхъ шелковыхъ чулковъ. Одинъ изъ матросовъ поднесъ Дельмору рюмку водки, чтобъ съ нимъ познакомиться; но какъ онъ не принялъ ее, то другой попотчивалъ его табакомъ, а между тѣмъ третій, не имѣвшій правой руки, затянулъ пѣсню, къ которой пристали и товарищи его.

Въ то время, какъ они пѣли съ довольнымъ видомъ, петиметръ кривлялся, и наконецъ просилъ ихъ замолчать, для того что пѣніе ихъ производитъ въ немъ судорогу, а въ противномъ случаѣ они принудятъ его выпти изъ коляски. Безрукой возразилъ ему страшнымъ голосомъ: ты не прежде сойдешь на *землю*, пока не войдемъ мы въ *портъ*; гдѣ ты найдешь *конвой* для провожанія тебя? *Судно* твое будетъ *вздергивать носъ*, прежде нежели ты доѣдешь до *берега*. Возьми эту рюмку вина, и ты скоро будешь *на водѣ*. Петиметръ приходилъ въ отчаяніе, и Поручикъ принужденъ былъ наложить на матросовъ молчаніе. Однакожъ одинъ изъ нихъ сказалъ ему: я бьюсь, сударь, объ закладъ, что этотъ нѣжной дворянчикъ изъ числа охотниковъ до миру, которой оставляетъ насъ безъ дѣла. *Tout au contraire*, (*ни чуть не бывало*), отвѣчалъ молодой человѣкъ; я чрезъ этотъ миръ теряю. Это *tout au contraire*

заставило матросов спросить, на какомъ онъ языкѣ говоритъ. Этотъ языкъ вамъ знакомъ, отвѣчалъ имъ Офицеръ; съ вами часто говорили на ономъ, когда вы были плѣнниками у Французовъ. Этого довольно было для приращенія отвращенія ихъ къ такой особѣ, которая казалась имъ столь смѣшною. Естьлибъ щоголь не увѣрилъ ихъ на чистомъ Аглинскомъ языкѣ, что онъ родился въ Вестминстерской части, что онъ никогда не бывалъ далѣе того мѣста, изъ коего онъ возвращался тогда, и что все то, что онъ зналъ по Французски, написано было на клочкѣ бумаги, которой былъ у него въ карманѣ: то онъ въ прекрасномъ своемъ нарядѣ *нырнулъ* бы въ грязь.

Офицеръ бросилъ умышленной взглядъ на Дельмора, и просилъ *гонимаго* показать имъ реэстръ свой. Онъ повиновался, и подалъ безрукому матросу листъ бумаги съ виньетами и въ золотомъ обрѣзѣ. Чтецъ

началъ передразниватъ тотъ учтивой видъ, съ какимъ петиметръ подалъ ему свои *записки*, и тщетно трудившись разобрать ихъ, подалъ Порутчику, говоря ему, что онъ не могъ тутъ открыть ни *долготы* ни *широты*. Порутчикъ сообщилъ ихъ Дельмору, которой согласился прочесть имъ слѣдующее:

Реэстръ фразамъ, употребляемымъ Французами во всякихъ случаяхъ: „Sans doute (безъ сомнѣнія).„ Какъ значеніе словъ сихъ принято было матросами за начало какой нибудь пѣсни, то они и начали опять *разногласной* свой *концертъ*. По окончаніи онаго вскричали они: что намъ нужды до своихъ сосѣдей? Когда дѣло идетъ о пѣсняхъ, то у насъ есть свои; наше дѣло только колотить ихъ хорошенько, да и все тутъ.

Откуда ты ѣдешь? спросилъ у него матросъ. — Изъ Виндзора, отвѣчалъ ему петиметръ съ трепетомъ. — Къ какимъ *водамъ* направ-

ляешь ты *парусъ*? — Въ Лондонъ. — Имя твое? — Петръ Мартинъ. — Званіе твое? — Комисаръ Адмиралтейской. — О го братъ! такъ ты по этому принадлежишь къ морской службѣ? спросилъ его хранитель бутылки съ водкою. — Такъ, сударь, и я былъ въ гостяхъ въ загородномъ домѣ у однюго изъ нашихъ *дворянъ* того же мѣста. — *Вѣтръ* намъ *по пути*, сказалъ матросъ одному изъ своихъ товарищей. Естьли это такъ, то я имѣю до Вашего Благородія прозьбу. Жакъ Мизень и я сошли съ судна въ *Жибѣ* для свиданія съ нашими женами, а между тѣмъ старой нашъ Капитанъ направилъ парусы, хотя въ то время, какъ онъ взялъ галіонъ, и были мы на бордѣ *Ранжера*. Комисары изъ вашего мѣста поставили у нашихъ имянъ букву *О* (*); не льзя ли вамъ теперь опять включить насъ въ списокъ? — Это не мое дѣло. — Какъ! не уже ли не можно

(*) Что значитъ *Отставленъ*.

тебѣ поотвалить нѣсколько отъ *берегу* для такихъ двоихъ честныхъ ребятъ, какъ мы? — Нѣтъ, я этого не могу сдѣлать. — Когдажъ ты ни къ чему не годишься, то я скажу тебѣ въ двухъ словахъ, что я тебя, нарядной твой кафтанъ и большую твою разчесаную голову выброшу въ окно, и тогда чортъ пусть приставитъ къ твоему имени *О*.

За угрозами матросовъ всегда слѣдуетъ самое дѣло. Безъ прозьбы Дельморовой и безъ приказаній Поручиковыхъ Г. Петръ Мартинъ проволоченъ бы былъ сквозь окно. Они оба попустили на нѣсколько времени быть атакѣ между непрiятелями; но когда они довольно позабавились ужасомъ неучтиваго Комисара, то Генрихъ взялъ его сторону, а Офицеръ приказалъ остаться матросамъ при своемъ *постѣ*.

Власть командира одержала верьхъ надъ желанiемъ отмстить такому человѣку, котораго они презирали за его важничанье. Не въ

состоянiи будучи наказать его, какъ бы имъ хотѣлось, закоптили они его табачнымъ дымомъ, и засыпали прекрасное его платье золою изъ своихъ трубокъ. Наконецъ сонъ ихъ освободилъ его отъ такихъ непрiятельскихъ дѣйствiй, и сiе перемирiе, давшее обѣимъ сторонамъ отдыхъ, доставило Дельмору случай помыслить о своихъ нещастiяхъ.

Г. Петръ Мартинъ никогда не заботился о сысканiи матерiи, въ которой бы могъ онъ оказать риторскiя свои дарованiя. Защита Генрихова доставила ему слишкомъ обильную матерiю для разговаривания съ нимъ объ оной цѣлой день. Онъ осыпалъ его благодарностiю за важную услугу, полученную имъ отъ него, и расточилъ свою риторику во множествѣ комплиментовъ о человѣколюбiи и справедливости своего защитника.

Офицеръ представилъ въ извиненiе поведенiя матросовъ простоту ихъ, которая не знаетъ того почте-

нія, коему въ свѣтѣ даютъ имя *учтивости*. Это честнѣйшіе люди и искуснѣйшіе матросы изъ всего флота, присовокупилъ онъ. Будучи мужественны какъ Цезарь, обидѣли они васъ по чрезмѣрной привязанности своей къ отечеству и къ Государю своему. Единственно занимаясь славою, нерадятъ они о всемъ томъ, что не почитаютъ способнымъ споспѣшествовать оной. Не заботясь о суетныхъ украшеніяхъ, не понимаютъ они того, что онѣ нужны для тѣхъ, кои не служатъ въ воинскомъ званіи. Досадуя на миръ, принуждающій ихъ томиться въ бездѣйствіи, стараются они утѣшить себя въ томъ водкою, которой излишнее употребленіе сдѣлало ихъ виновными въ томъ поступкѣ, на которой вы имѣете причину жаловаться; но будьте увѣрены, сударь, что сердце ихъ не имѣло участія въ причиненномъ вамъ отъ нихъ оскорбленіи. Не смотря на грубое ихъ поведеніе, они человѣколюбивы, благородны и великодушны.

Офицеръ замолчалъ, чему причиною было дѣйствїе сожалѣнїя, каковое внушала въ него глупость сихъ храбрыхъ матросовъ, коихъ достойныя почтенїя качества были ему извѣстны, и коихъ одна минута заблужденїя дѣлала презрительными предъ глазами такого существа, коего достоинство состояло въ принятомъ имъ на себя видѣ важной особы.

Разговора Поручикова довольно было для произведенїя въ Генрихѣ выгодныхъ мнѣнїй о характерѣ своего спутника; притомъ же изъ рѣчей его замѣтилъ онъ нѣкоторыя доказательства такой чувствительности, которая согласовалась съ собственными его чувствованїями. Чтожъ касается до Г. Петра Мартина, то сильное желанїе его видѣть наказанными обидѣвшихъ его произвело въ немъ презрѣнїе къ начальнику, которой, по словамъ его, долженъ бы былъ наложить на нихъ жесточайшее наказанїе; но онъ скрылъ свое негодованїе, и съ откровеннымъ видомъ

сообщилъ Дельмору размышленія свои. Я, сударь, какъ вы меня видите, говорилъ онъ ему, такой человѣкъ, котораго не должно обижать. Правда, я занимаю такое мѣсто, которое подчиняетъ меня командирамъ; но у меня мало дѣла, и я получаю хорошій доходъ, которой доставляетъ мнѣ средства ходить по спектаклямъ и жить въ хорошемъ обществѣ. Никто болѣе меня не занимается качествами актеровъ; я имѣю доступъ ко всѣмъ актрисамъ, и знаю полагаемую ими цѣну за пожертвованіе добрымъ своимъ именемъ. Сочинители дѣлаютъ мнѣ визиты, и я могу въ четверть часа разсказать всѣ піесы, игранныя черезъ пять лѣтъ на Лондонскихъ театрахъ; мнѣніе мое рѣшитъ паденіе или успѣхъ драматическаго сочиненія. Я люблю музыку, но превосходенъ въ танцахъ. Чтожъ касается до должностей моего мѣста, то я исправляю ихъ довольно порядочно; но эти упражненія скучны, ибо мы обязаны исполнять ихъ.

Хотя Поручикъ и Дельморъ и довольнѣе бы были, узнавши подробныя обстоятельства сихъ упражненій; однакожъ повѣсти Петра Мартина объ актрисахъ болѣе нравились имъ; онъ разсказывалъ имъ столь колкіе анекдоты, что Генрихъ, коего доходы хотя не позволяли удовлетворять своимъ склонностямъ, согласился итти съ нимъ въ театръ, естьли они рано пріѣдутъ въ Лондонъ.

Въ пять часовъ вечера коляска въѣхала на дворъ въ трактиръ, подъ знакомъ *Золотаго креста*, что и прервало болтанье Петра Мартина и разбудило матросовъ, кои шатаясь пошли въ общую комнату, а Дельморъ, Мартинъ и Поручикъ вошли въ другую, и велѣли подать кофею. Поручикъ приказалъ служанкѣ приготовить для него постелю, и наказалъ ей, чтобъ она смотрѣла за багажемъ его. Генрихъ, не имѣвшій друзей въ Лондонѣ, ниже во всемъ свѣтѣ, послѣдовалъ примѣру Офицерову, но у него *не было багажу*.

Въ то время, какъ они сряжались итти въ театръ, вошли, къ великому неудовольствію Г. Петра Мартина, матросы. Безрукой пѣвецъ служилъ имъ путеводителемъ. Они подошли, держа шляпы въ рукахъ, и съ почтительностію требовали позволенія выпить за здоровье своего Порутчика, прежде нежели они разстанутся съ нимъ. Легко представить можно, что они приняты были хорошо. Офицеръ велѣлъ для нихъ сдѣлать большую чашу пуншу, и какъ Мартинъ сказалъ ему, что время уже итти имъ въ театръ, то онъ взялъ каждаго изъ матросовъ за руку, и пожелалъ имъ добраго здоровья и щастія. Матросы посматривали другъ на друга съ такимъ видомъ, которой показывалъ, что имъ хотѣлось другаго чего то; наконецъ хранитель табачнаго ящика прервалъ молчаніе и сказалъ пѣвуну: ну, братъ! давай руку, *разверни свои парусы*; развѣ ты не видишь, что Порутчикъ на *ходу*, и что

надобно ему имѣть поболѣе *грузу*? Офицеръ остановился со вниманіемъ.

Извините, Ваше Благородіе! вскричалъ честной безрукой: товарищи мои и я съ тѣхъ поръ, какъ были мы подъ командою другаго Капитана, были щастливы. Отнятыя у Французовъ суда надѣлили насъ денежнымъ *грузомъ*, больше нежели намъ надобно. Мы знаемъ, что вашъ Капитанъ, бѣгая отъ Испанцовъ и Французовъ, не обогатилъ подкомандующихъ своихъ, и знаемъ также, что вы столь бравой Порутчикъ, какого нѣтъ ни одного изъ тѣхъ, которые прогуливаются отъ *носу* до *кормы*. По сему-то и просимъ мы васъ соизволить *сгрузить* съ насъ нѣсколько этихъ *блестящихъ луидоровъ*; (онъ взялъ у одного изъ своихъ товарищей горсть луидоровъ, кои подалъ ему, развязавши шелковой платокъ, въ которой они клали свои деньги, и кои безрукой представилъ Порутчику, примолвивши:) они могутъ служить

вамъ вмѣсто *баласту*, естьли корабль Вашего Благородія упадетъ на тотъ *бокъ*, которой *подъ вѣтромъ*.

Взоры, лице и самой голосъ молодаго Офицера, по имени Монтгомерія, изъявляли чувствуемую имъ радость при семъ знакѣ дружества честныхъ своихъ товарищей. Поберегите свои деньги, любезные мои друзья, вскричалъ онъ, и употребите ихъ на собственныя ваши надобности; я имѣю у себя довольно денегъ, чтобъ войти въ *портъ*. Пѣвунъ взглянулъ на него такимъ видомъ, которой показывалъ недовѣрчивость, и продолжалъ протягивать къ нему одну оставшуюся у себя руку, которую употреблялъ онъ тогда на поднесеніе ему денегъ; двое другихъ столько убѣждали Офицера принять ихъ, что онъ принужденъ былъ браниться съ ними, и хотя сердце его мучилось тѣмъ, что онъ дошелъ до угрозъ, однакожъ отослалъ онъ ихъ не очень ласковымъ образомъ. Матросы пошли отъ него, браня его за

упрямство, которое они называли *дьявольскимъ*.

Натура при образованіи сердца Дельморова одарила его всѣми качествами, украшающими человѣчество. Сцена, коей онъ былъ свидѣтелемъ, прилѣпила душу его къ Монтгомеріевой душѣ неодолимою симпатіею, а благородное великодушіе матросовъ увеличило то почтеніе, какое онъ имѣлъ уже къ ихъ состоянію. Отказъ Поручиковъ и щедрость сихъ грубыхъ матросовъ дѣлали такой контрастъ, которой возбудилъ въ немъ удивленіе; почувствованное имъ отъ того удовольствіе отняло у него языкъ, а мысль, что онъ скоро не будетъ имѣть хлѣба, изторгла изъ него вздохъ. Въ первой еще разъ началъ онъ жалѣть о томъ вспомоществованіи, каковое онъ находилъ въ имѣніи Франклиновомъ, и сіе воспоминаніе совершенно опечалило бы его, естьлибъ хладнокровіе, съ какимъ Петръ Мартинъ сказалъ Монтгомерію, что онъ не найдетъ

въ Лондонѣ и трехъ человѣкъ столько великодушныхъ, не вывело его изъ опечаливающей его мысли.

Можетъ быть, отвѣчалъ Офицеръ съ холодностїю. Я весьма желалъ бы быть банкиромъ этихъ людей, возразилъ Мартинъ. — Я сомнѣваюсь въ этомъ, отвѣчалъ ему опять Офицеръ. — Это только для воспрепятствованїя, чтобъ блестящая ихъ монета, какъ они ее называютъ, не попалась въ худшїя руки. — Монтгомери улыбнулся. — Я держу пятьдесятъ противъ одного, продолжалъ Мартинъ, что до завтра не останется у нихъ изъ этихъ денегъ ни копѣйки. Тьфу къ чорту! естьли бы я зналъ глубину кошелька ихъ и разсудка, то я оказалъ бы почтенїе водочной бутылкѣ и табачному ящику. — Естьли вамъ угодно, то пойдемъ въ театръ, возразилъ Монтгомери съ важнымъ видомъ. Генрихъ всталъ, и взялъ Офицера за руку; Мартинъ пошелъ за ними, и такимъ образомъ пришли они въ Друри-Ланъ.

Живость, съ каковою Генрихъ схватилъ Монтгомерїеву руку, была краснорѣчивѣе всего того, что онъ могъ бы сказать ему о содержанїи разговора его съ Мартиномъ. Оба они имѣли объ немъ одинаковое мнѣнїе, хотя и не говорили объ этомъ.

ГЛАВА 26.

Квакеры.

Г. Петръ Мартинъ, будучи знакомъ денежному прїемщику Друри-Ланскаго театра, прошелъ даромъ, между тѣмъ какъ два его товарища должны были заплатить за ту выгоду, что они сотовариществовали ему. Мартинъ не безпокоился о человѣкѣ, развязывавшемъ для него кошелекъ, лишь бы только его кошелекъ былъ пощаженъ. Въ трактирѣ позволилъ онъ потчивать себя кофеемъ и другимъ кое-чѣмъ, не заботясь о заплатѣ; сїи хлопоты *недостойны* были его вниманїя.

Какъ скоро посадилъ онъ Монтгомерія и Дельмора въ одной ложѣ, то самъ вошелъ въ ложу одной женщины, коея отмѣнное убранство привлекало взоры публики. Мы столь же покойно сидѣли бы и внизу, сказалъ Порутчикъ Генриху, указывая на партеры. — Не время ли еще сойти туда? — Нѣтъ, но въ другой разъ мы не возьмемъ уже этого *штурмана*. Мартинъ опять вошелъ къ нимъ. Занавѣсъ поднялся; въ сей день представляли прекрасную комедію, называемую *Школа Злословія*. Генрихъ и Монтгомери съ великимъ вниманіемъ смотрѣли піесу; но Г. Петръ Мартинъ бѣгалъ изъ ложи въ ложу, чтобъ подбиться въ любовь къ знатнымъ людямъ, къ посредственной добродѣтели дѣвушкамъ и ко всѣмъ тѣмъ, коихъ наружность могла ласкать его тщеславію.

Заняты будучи всѣмъ тѣмъ, что они видѣли и слышали, не помышляли они объ опасностяхъ, въ кои ввергали ихъ порокъ и развращеніе. Монт-

гомери при входѣ въ ихъ ложу молодой и пригожей дѣвушки уступилъ ей свое мѣсто, что она и приняла съ смущеннымъ видомъ. Благопристойность и скромность въ ея видѣ придавали новую красу ея прелестямъ. Не смотря на старанія Генриховы воспрепятствовать Поручику попасть въ сѣти, съ печаліïю увидѣлъ онъ его обманутаго женщиною, коей не зналъ онъ всѣхъ хитростей. Мартинъ съ другой стороны наслаждался удовольствіемъ, что ввелъ молодаго мореходца въ свѣтъ, и побуждалъ его волочиться за дѣвушкою. Онъ не имѣлъ нужды въ сильной помощи; желанія Монтгомеріевы столь благосклонно были выслушаны, что предъ окончаніемъ спектакля сказалъ онъ Дельмору, что онъ увидится съ нимъ на другой день поутру, и тотчасъ съ своею красоткою вышелъ. Услужливой Мартинъ проводилъ Дельмора до трактира, и хотя и не былъ приглашенъ ужинать съ нимъ, однакожъ охотность услужить ему

воспрепятствовала ему разстаться съ нимъ, прежде нежели со избыткомъ удовольствовалъ онъ аппетитъ свой.

Генрихъ, освободившись отъ сего человѣка, коего учтивость наносила смертельные удары карману его, легъ спать, но не могъ заснуть. Опасенїе, чтобъ нещастная наклонность къ пороку не взяла верьху въ Монтгомерїѣ надъ нѣжными чувствованїями дружества, не дало ему уснуть. Нечаянная встрѣча съ Кларою Элтонъ, возбудившая въ немъ такую къ ней страсть, которую онъ почиталъ погаєшею, научила его быть благоразумнымъ; она напомнила ему о тѣхъ щастливыхъ дняхъ, въ кои вкушалъ онъ удовольствїе безъ угрызѣнїя совѣсти. Размышляя о своихъ заблужденїяхъ, вспомнилъ онъ, что онъ лишился спокойствїя душевнаго съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался виновнымъ по неблагоразумной своей привязанности къ Лавинїи. Естьлибъ не учинилъ онъ перваго сего проступка, повергшаго его

въ нещастіе, то могъ бы присвоить сердце дѣвицы Элтонъ; а особливо естьлибъ не послѣдній проступокъ, коего она была свидѣтельницею въ Виндзорѣ, то онъ смѣлъ бы еще ласкаться, что она думаетъ объ немъ съ удовольствіемъ. Одно изъ сихъ безразсудствъ отняло у него надежду быть ею любиму, а другое по необходимости должно было возбудить въ ней презрѣніе. Чтобъ узнать всю силу сихъ размышленій, и понять жестокость раскаянія, каковое онѣ влекли за собою, то надобно имѣть столь же чистую душу и столь же нѣжное сердце, каковы были у нещастнаго Дельмора. Хотя отъ дѣйствительной перемѣны своихъ нравовъ и не должно было ожидать ему вознагражденія любви своей, однакожъ онъ рѣшился на сію перемѣну для собственной своей пользы и для оправданія великодушія Франклинова, коего къ нему милости были доказательствомъ, что онъ почиталъ его добродѣтельнымъ.

Равномѣрно мучили его и тысяча другихъ печальныхъ мыслей. Недостатокъ, которой онъ уже ощущалъ, и которой принудилъ бы его отстать отъ знакомства съ Монтгомеріемъ; обязательство его съ Лавиніею, и невозможность доставлять ей содержаніе, естьли она жестокостію отца своего доведена будетъ по примѣру его до того, чтобъ просить помощи отъ другихъ, сдѣлались толикимижъ поводами къ безпокойству. Франклинъ покровительствуетъ ей, вскричалъ онъ, и она можетъ жаловаться только что на нехотѣніе мое жениться на ней, но предъ сею жестокою необходимостію предпочту я смерть.

На мѣсто сего воспоминанія вступило воспоминаніе о томъ, что онъ видѣлъ дѣвицу Элтонъ въ фаэтонѣ съ Голкомбомъ, и о намѣреніи своемъ увѣдомить о семъ Франклина. Размышляя о средствахъ, какимъ бы образомъ дать ему объ этомъ знать, такъ чтобъ неизвѣстно было, кто

его извѣщалъ о семъ, снова впалъ онъ въ безсонницу. Разобравши все то, что могъ употребить для полученія въ томъ успѣха, вспомнилъ онъ о Г. Буржесѣ, къ которому могъ отнестись безъ опасенія, будучи ему совсѣмъ незнакомъ. Характеръ, правила религіи и честность Буржесова обѣщали ему почти вѣрной успѣхъ. Онъ посвятилъ на сіе важное дѣло завтрашнее утро, а потомъ началъ заниматься, какъ бы сыскать себѣ мѣсто и предохранить себя отъ бѣдности, коею онъ былъ угрожаемъ.

Когда настало время ѣхать къ Г. Буржесу, то Генрихъ поѣхалъ въ Клафамъ, и велѣлъ доложить честному Квакеру, что онъ хочетъ переговорить съ нимъ о важныхъ дѣлахъ. Г. Буржесъ принялъ его въ залѣ, въ которой онъ сидѣлъ съ женою своею. Взоры и видъ обоихъ изображали кротость и вѣжливость, а ласковые ихъ поступки ободрили бы и самыхъ боязливѣйшихъ. Мужъ говорилъ мало,

но слова его обнаруживали его душу, не знавшую коварства; спокойствіе царствовало въ его сердцѣ, а веселость лица его разливала щастіе на служившихъ ему. Дни его протекали въ тишинѣ, и можно сказать, что натура сотворила его для показанія смертнымъ образца добродѣтельнаго человѣка.

Жена его Ревекка, сидѣвшая противъ него, превосходила въ красотѣ Клару Элтонъ, не смотря на лѣта и слѣды слабаго здоровья, отъ коихъ увяли пріятности ея наружнаго вида. Она казалась около тритцати осьми лѣтъ; стройность ея стана и правильность чертъ ея лица плѣняли взоры смотрѣвшихъ на нее, такъ что не могли они рѣшить того, чему въ ней предпочтительнѣе удивляются; ибо *все вмѣстѣ* составляло ту женщину, которую *Апеллесъ* избралъ для изображенія Венеры. Бѣлизна лица ея оживотворяема была только розами стыдливости, и тогда глаза ея изъявляли

замѣшательство, придававшее имъ такую прелесть, которой описать не можно. Простота въ ея уборѣ придавала новой блескъ красотѣ ея. Словомъ сказать, Дельморъ ощутилъ въ себѣ такое почтенiе и такiя чувствованiя къ Ревеккѣ, коихъ никакая другая женщина не производила еще въ немъ.

Г. Буржесъ попросилъ Дельмора сѣсть, и тихимъ и ласковымъ голосомъ предложилъ ему напиться съ нимъ чаю. Или согласiе, царствовавшее между двумя супругами, или другое какое впечатлѣнiе помутило его разумъ, только Генрихъ сдѣлался безгласенъ, и едва помнилъ о томъ дѣлѣ, которое привело его въ сiе мирное жилище. Когда высланы были служители, то онъ покушался говорить, колебался, блѣднѣлъ, краснѣлъ, и былъ въ такомъ замѣшательствѣ, что можно бы было почесть его виновнымъ въ великомъ злодѣянiи, естьлибъ посудить объ

немъ по наружному виду, каковой онъ имѣлъ въ то время, когда Ревекка пристально на него смотрѣла. По щастію его великодушные сіи Квакеры приписали смущеніе его чрезмѣрной его стыдливости, и почтеніе ихъ увеличивалось, по мѣрѣ какъ они усматривали безпорядокъ души его. Однакожъ Генрихъ увѣдомилъ ихъ о причинѣ своего прихода, также и о причинѣ опасенія своего, чтобъ оставя Г. Франклина въ незнаніи тѣхъ опасностей, въ каковыя ввергалась порученная ему въ опеку дѣвица, не быть ему подвержену упрекамъ своей совѣсти. Клара была любимица Гжи. Буржесъ; почему принимаемое Генрихомъ участіе въ безопасности ея увеличило то уваженіе, каковое она ощутила уже къ молодому человѣку, оказывавшему столько благоразумія.

Другъ мой! ты представляешъ въ себѣ молодаго మантора, отвѣчалъ ему Квакеръ: женатъ ли ты? — Нѣтъ, сказалъ ему Генрихъ покраснѣвши —

Съ твоими пріятностями и здравымъ разсудкомъ ты могъ бы возпользоваться тою свободою, каковую другъ нашъ и товарищъ даетъ молодой дѣвушкѣ, а не стараться увѣдомлять его о томъ. — Вѣрно ты имѣешь, сказала Ревекка, тайныя побужденія и особенныя причины поступать такимъ образомъ. — Замѣшательство Генрихово сдѣлалось столь явно, что онъ не умѣлъ уже скрыть онаго. — Я не хочу быть твоимъ судьею, продолжала она, а только мнѣ досадно будетъ, что ты могъ скрыть отъ насъ истинну. Есть причины столь сильныя, и въ то же время столь похвальныя, кои могутъ прилѣпить молодаго человѣка къ дѣвицѣ съ такими качествами, какъ Клара Элтонъ.

Естьли вѣрить тайнымъ моимъ чувствованіямъ, отвѣчалъ ей Дельморъ вздохнувши, то единственно честь и щастіе дѣвицы Элтонъ обязываютъ меня принять участіе въ ея благополучіи. Я прихожу въ тре-

петъ, когда помышляю объ опасности, коей она подвергается. Г. Франклинъ, не будучи о семь извѣщенъ, не можетъ пособить тому, и это то надобно взять въ разсужденіе. Ты дѣльно говоришь, другъ мой; онъ увѣдомленъ будетъ объ этомъ по первой почтѣ, отвѣчалъ ему Буржесъ. Изключая добрыя качества молодой дѣвицы, польза Г. Франклина требуетъ того, чтобъ онъ смотрѣлъ за поведеніемъ сироты, о которой обѣщалъ онъ имѣть стараніе. Но и твоя польза требуетъ также, чтобъ Клара знала, кому она обязана за такую услугу, чтобъ послѣ осталась она благодарною къ тебѣ. Какъ тебя зовутъ? Что скажу я Франклину о тебѣ? Смущеніе Дельморово видимо было изъ молчанія его и виду. Сказаться подложнымъ именемъ такимъ людямъ, кои ненавидятъ лжи по правилу религіи, было для него совѣстно; а увѣдомить ихъ о своемъ имени значило бы быть въ опасности сдѣлать поступокъ свой подо-

зрительнымъ Франклину и Кларѣ, и также быть подвержену поискамъ Лавиніи, которая могла принудить его дать ей свою руку.

Чѣмъ болѣе онъ размышлялъ, тѣмъ менѣе имѣлъ смѣлости сказать свое имя. Молчаніе его утвердило честныхъ Квакеровъ въ подозрѣніи ихъ, что Генрихъ не по чему иному поступалъ такимъ образомъ, какъ только по побужденію любви. Стараніе, какое онъ казалось прилагалъ, чтобъ не отвѣтствовать на дѣлаемые ему вопросы, увеличило ихъ любопытство, но безъ всякаго обиднаго подозрѣнія въ разсужденіи его честности. Наконецъ Генрихъ по долгомъ молчаніи, котораго Квакеры не старались прервать, просилъ Г. Буржеса навѣдаться самому собою, согласно ли будетъ сказанное имъ касательно до опасностей, каковымъ положеніе Кларино подвергало ее, съ тѣми разысканіями, какія онъ учинитъ, и присовокупилъ къ сему: будьте ея Ангеломъ хранителемъ!

ни дѣвица Элтонъ, ни друзья ея не знаютъ моего имени; безполезно трудиться имъ проникнуть въ неизвѣстность моего рода. Навернувшіяся у него слезы потемнили блескъ прекрасныхъ глазъ его; Ревекка и мужъ ея примѣтили то; они не смѣли прервать его, и Дельморъ продолжалъ увѣрять ихъ въ томъ удовольствіи, какое онъ будетъ имѣть отъ споспѣшествованія щастію достойной любви Клары. По томъ взявши Ревеккину руку, сказалъ онъ ей голосомъ, въ половину прерываемымъ вздохами: будьте ея покровительницею. — Клара не имѣетъ въ томъ нужды, отвѣчала она ему. У ней есть Марія Франклинъ, коея благоразуміе равняется съ добродушіемъ ея брата. Естьли молодая особа не служитъ жертвою легкомыслія, то ей лучше будетъ подъ *крылами* Маріиными, нежели подъ моими. Я знаю, что Веніаминъ хочетъ взять Клару въ свой домъ. Ты видишь наше жилище; мы живемъ

въ немъ спокойно. Угрызѣнія совѣсти, навлекаемыя пороками, не безпокоятъ здѣсь нашей совѣсти. Мы, довольны будучи тихою и однообразною жизнію, не имѣемъ прибѣжища къ разсѣянности, составляющей забаву нѣкоторыхъ Реформатовъ другаго съ нами исповѣданія, можетъ быть столь же чистаго, какъ и тѣ правила, коимъ мы слѣдуемъ. Не уже ли ты думаешь, что Клара Элтонъ можетъ сообразоваться съ простотою нашихъ нравовъ? Положимъ, что она и согласилась бы на то, но мы воспрепятствуемъ ей въ томъ. Однакожъ не смотря на сіи причины, мы постараемся способствовать честнымъ твоимъ намѣреніямъ; мы предложимъ совѣты свои Кларѣ и Этерскимъ друзьямъ своимъ, въ той надеждѣ, что они выслушаютъ насъ.

Важной тонъ, каковымъ Ревекка кончила рѣчь свою, обезпечилъ Дельмора въ разсужденіи Клары; онъ подумалъ нѣсколько о заблужденіяхъ дѣвицы Франклинъ, что не выгод-

но было для ученой Ортодоксовой питомицы, и хотѣлъ было разпрощаться, но Ревекка взглянула на своего мужа, которой понялъ, что она хотѣла сказать ему, и обратился къ Генриху: я буду слѣдовать твоему совѣту, но не согласенъ толь скоро разстаться съ тобою: ты долженъ быть великой обманщикъ, естьли подъ сею искреннею наружностїю не имѣешь ты честной и ничѣмъ незамаранной души. Желалъ бы я быть тебѣ пооткровеннѣе, чтобъ поболѣе узнать тебя; я не говорю лучше, это кажется мнѣ невозможнымъ. Чего ты боишься? не уже ли тайна твоя непроницаема? Генрихъ сдѣлалъ знакъ головою, что онъ въ разсужденїи сего не можетъ его удовольствовать. — Естьли это такъ, продолжалъ Буржесъ, то я не хочу тебя болѣе безпокоить. Каковы бы ни были причины твоей скрытности, но я отъ того не менѣе доволенъ твоимъ видомъ, и прошу тебя ходить ко мнѣ, когда дѣла

твои, или твои забавы то тебѣ позволятъ.

Ласковая Ревеккина улыбка сдѣлала приглашенiе Буржесово прiятнѣйшимъ, и наполнила сердце Генрихово удовольствiемъ, котораго не могъ онъ скрыть отъ нихъ. Услалительныя ощущенiя, произведенныя въ немъ обязательнымъ предложенiемъ такого человѣка, коего характеръ и кредитъ могли доставить ему выгодное состоянiе, возмущены были однакожъ тѣмъ страхомъ, что онъ не избѣжитъ того открытiя, коего онъ ужасался, и которое опять подвергнетъ его ругательствамъ дѣвицы Франклинъ; ибо онъ не хотѣлъ принимать подарковъ отъ напыщенной ея жалости. Что это! говорилъ онъ самъ въ себѣ, не уже ли мнѣ снова возбуждать ссору между братомъ и сестрою? Нѣтъ, нѣтъ! душа моя презираетъ рабство, и мнѣ стыдно будетъ, естьли я возмущу спокойствiе благодѣтеля своего. Откажемся лучше отъ благосклонностей,

предопредѣляемыхъ мнѣ щастїемъ чрезъ дружество найденнаго мною теперь покровителя.

Но были сильнѣйшїя причины, понудившїя его принять сїе намѣренїе. Г. Франклинъ, соглашаясь на бракъ его съ Лавинїею, сказалъ ему: „что онъ не долженъ жениться на „ней, прежде нежели достигнетъ „совершенныхъ лѣтъ, и что онъ не „потерпитъ, чтобъ онъ нарушилъ „обязательства, въ кои онъ позво„лилъ ему вступить.„ Ему былъ двадцать одинъ годъ; Пасторъ былъ все еще въ милости у дѣвицы Франклинъ; почему естьли бы Генрихъ нашелъ выгодное для себя мѣсто, то онъ не сомнѣвался, чтобъ не принудили его исполнить обѣщанїя его. Любовь и дѣвица Ортодоксъ были несовмѣстны съ тою страстїю, которую ощущалъ онъ къ Кларѣ. — „Одинъ только есть „родъ любви, но копируютъ ее ты„сячїю разными образами.„ Любовь, каковую онъ имѣлъ къ Лавинїи, не

была даже образцомъ и послѣдней копіи. Каждой день ощущалъ онъ, что она слабо трогала его сердце, и не иначе думалъ о ней, какъ только съ сожалѣніемъ. Слѣдствіемъ сихъ размышленій было то, что онъ положилъ убѣгать ее столь долгое время, сколь долго будетъ имѣть къ тому случай, надѣясь, что непредвидимое щастіе освободитъ его отъ обязательствъ.

Однакожъ онъ согласился провести день съ любезными Квакерами, и не однократно кротость ихъ понуждала его отбросить принятое имъ намѣреніе убѣгать ихъ. Въ семь часовъ вечера проѣхала мимо воротъ ихъ дому почтовая коляска; Буржесъ велѣлъ нанять въ ней мѣсто для Дельмора; они проводили его до самыхъ воротъ, прося его опять когда нибудь пріѣхать къ нимъ. Ревекка многократно повторяла ему, что она будетъ ждать сего дня съ нетерпѣливостію.

ГЛАВА 27.

Прелестная страсть любви по Лондонской модѣ.

Генрихъ Дельморъ нашелъ въ коляскѣ двухъ человѣкъ. Одинъ изъ нихъ весьма толстой и имѣвшій около пятидесяти лѣтъ отъ роду носилъ круглой парикъ, держалъ въ рукѣ палку съ золотымъ набалдашникомъ, и имѣлъ на себѣ суконной кафтанъ темнаго цвѣту и тупоносые башмаки. Менѣе нежели въ минуту увѣдомилъ онъ Дельмора, что онъ ѣхалъ въ почтовой коляскѣ по случаю, что у него есть свой экипажъ, но что онъ отдалъ карету женѣ своей и дочерямъ. Ѣздя въ общихъ повозкахъ, примолвилъ онъ, можно узнать какія нибудь новости; и такимъ образомъ, Г. молодой мой спутникъ, сказалъ сей важной мужъ Генриху, ударивши его тихонько по колѣну, вы скажете намъ свое мнѣніе въ разсужденіи молодаго нашего Министра.

Пріятель мой Габь, котораго вы здѣсь видите, различнаго со мною о семъ мнѣнія: онъ держитъ сторону стараго правленія, а я новаго.

Я не могу достаточно судить ни о томъ ни о другомъ, отвѣчалъ ему Генрихъ съ скромностію. — Что касается до моихъ политическихъ правилъ, то вы должны знать, Г. Скатъ, возразилъ ему Г. Габъ, что я изъ числа тѣхъ людей, кои хорошо думаютъ о пріятелѣ и тогда, когда онъ не имѣетъ уже силы быть полезнымъ. Мое мнѣніе въ разсужденіи Лорда Норта, коего я почитаю дарованія въ Министерскомъ его достоинствѣ . . . — Вы имѣете на это причину; но человѣкъ безъ гордости, человѣкъ, которой. . . . Сказывалъ ли я вамъ, что онъ сдѣлалъ въ тотъ день, когда обѣдалъ у нашей компаніи? . . . — Слышалъ, слышалъ; вы мнѣ разсказывали объ этомъ уже тысячу разъ. — Это-то можно назвать великодушнымъ поступкомъ! Вы молоды, сударь,

и вы можетъ быть никогда не будете имѣть случая обѣдать съ Министрами. Я думаю, вы не осердитесь на меня за это. Ни мало, отвѣчалъ ему Дельморъ улыбаясь. — И такъ, понеже рѣчь зашла о Министрахъ и объ этомъ родѣ людей... Что это, Г. Габъ! вы засыпаете? Выслушайте эту исторїю, я никогда еще не сказывалъ ее вамъ ... Да, да; эта исторїя касается до пошлинъ съ бѣлой рыбы и до клейма на Голландскихъ сельдяхъ; я знаю ее наизусть. — Ни чуть не она, а ... Къ нещастїю Г. Ската коляска остановилась передъ домомъ, стоявшимъ на дорогѣ, и къ великой своей досадѣ Ораторъ не могъ кончить своей рѣчи. Гжа Скапъ, дочери его, хозяйка дому и полдюжины сосѣдокъ столь усильно просили его выйти изъ коляски, что онъ не могъ отъ того отговориться. Я бы желалъ лучше остаться здѣсь, сказалъ онъ Дельмору, взявши его за руку, и увѣдомить васъ о всемъ томъ, что

я имѣлъ намѣреніе сообщить вамъ; но естьли угодно вамъ будетъ провести у меня какое нибудь утро предъ начатіемъ биржи, то я живу въ Темзинской улицѣ, гдѣ всѣ знаютъ Боба Ската, рыбнаго купца. Генрихъ поблагодарилъ его, и коляска поѣхала.

Съ Генрихомъ остался только одинъ Г. Габъ, видъ коего и разговоръ были пріятнѣе Скатовыхъ, на котораго дѣлалъ онъ замѣчанія, присовокупляя къ нимъ эпиграммы. Г. Габъ, казалось, имѣлъ лѣтъ сорокъ, кои препровелъ онъ, не вмѣшиваясь въ дѣла, касающіяся до правительства. Генрихъ не въ состояніи былъ говорить о нихъ, и такимъ образомъ разговаривали они только о такихъ вещахъ, о коихъ обыкновенно говорятъ въ компаніи. Они столько довольны были другъ другомъ, что Габъ пригласилъ къ себѣ Дельмора на другой день обѣдать.

Генрихъ по возвращенiи своемъ на квартиру узналъ, что Монтгомери пришелъ и легъ спать, чему и онъ хотѣлъ было послѣдовать, но былъ отъ того удержанъ приходомъ Петра Мартина. Хотя онъ и видѣлъ, что не могъ похвалиться знакомствомъ своимъ съ Мартиномъ, однакожъ принялъ его съ холодностiю, которая всякаго другаго, кромѣ Мартина, могла бы скоро отбоярить. Не смотря на пасмурной видъ Дельморовъ, сѣлъ онъ за столъ, сдѣлался участникомъ въ его ужинѣ, и разсказывалъ ему старые анекдоты, въ коихъ онъ, по словамъ его, былъ героемъ. Занимаясь своимъ предметомъ, продолжалъ онъ лгать, какъ вдругъ увидѣлъ адресъ, данной Габомъ Генриху. Какъ! вскричалъ онъ съ радостнымъ восторгомъ, вы знаете Г. Габа! знакомы ли вы съ его фамилiею? Естьли вы можете ввести меня къ нимъ, то вы сдѣлаете мнѣ величайшее удовольствiе. — Рвенiе ваше заставляетъ меня думать,

что трудно имѣть туда доступъ. — Это правда. Дѣвица Габъ есть лучшая невѣста, каковая только есть въ Англіи. Но вы можетъ быть имѣете намѣреніе присвоить ее себѣ? — Ни чуть. — Естьли это такъ, то сдѣлайте мнѣ одолженіе, представьте меня Гжѣ. Габъ какъ вашего пріятеля, и доставьте мнѣ случай сказать дочери ея нѣсколько вѣжливыхъ словъ, и я обязуюсь заплатить вамъ тысячу фунтовъ стерлинговъ въ тотъ день, въ которой я женюсь на ней.

Глаза Генриховы воспалились отъ гнѣва и удивленія. Имѣть дерзость впутывать его въ сіе безчестное дѣло! представлять себѣ, что онъ способенъ былъ торговать щастіемъ молодой особы, чтобъ передать имѣніе ея такому человѣку, которой старался обмануть ее! Сія наглость подавляла всякое уваженіе. Онъ вскочилъ съ своего стула, и естьлибъ петиметръ не ушолъ отъ наказанія,

назначеннаго ему Генрихомъ, то онъ испыталъ бы на себѣ всю его ярость.

Послѣ стремительнаго ухода щеголеватаго Мартина спокойствїе дало мѣсто размышленїю, и Дельморъ началъ разсуждать о дневныхъ приключенїяхъ. Щастїе повстрѣчало его съ такимъ человѣкомъ, которой, судя по Мартиновымъ объ немъ рѣчамъ, могъ оказать ему такїя же услуги, какихъ ожидалъ онъ отъ Г. Буржеса, такъ что никто не будетъ объ этомъ знать. Положенїе его было отчаянно; не имѣя друзей и денегъ, долженъ онъ былъ уступить нуждѣ. Не пристойно было человѣку, не имѣвшему ничего, умирать съ голоду по одной щекотливости, или въ чрезмѣрной бѣдности питать гордыя чувствованїя, кои терпимы въ щастїи. Онъ рѣшился на другой день поранѣе поутру итти къ Г. Габу, для испрошенїя у него мѣста, и легъ спать, твердо положивши исполнить свое намѣренїе.

Въ девять часовъ утра вошелъ въ его комнату Монтгомери, но столько обезображенъ, что онъ съ трудомъ узналъ его. Разбитое его лице доказывало, что съ нимъ худо поступлено, а ругательства, произносимыя имъ противъ театровъ, противъ развращенія нравовъ и противъ того глупца, которой привелъ его въ комедію, дали знать Генриху о проступкѣ его. Я окраденъ, ограбленъ, обманутъ и прибитъ, вскричалъ онъ, тою Сиреною, за которою я по глупости своей пошелъ въ домъ, гдѣ, кажется, весь адъ соединился противъ меня. Тамъ напоили меня до пьяна, и отшарили все то, что было у меня въ карманахъ; и когда я началъ на это жаловаться, то женщины привели меня въ сїе состоянїе, въ какомъ вы меня видите. Ахъ, другъ мой! я стыжусь своей слабости; но никогда не прощу себя въ томъ, что я сдѣлался орудїемъ собственной своей погибели;

ибо послѣ сего приключенія не осталось у меня ни копѣйки.

Сходство положенія ихъ сдѣлало Дельмора пооткровеннѣе. Онъ утѣшилъ Монтгомерія повѣствованіемъ собственныхъ своихъ нещастій, умолчавши о томъ источникѣ, изъ коего онѣ произтекали, и заключилъ предложеніемъ своимъ раздѣлить вмѣстѣ съ нимъ малое число оставшихся у него денегъ. Монтгомери принялъ оное, и въ свою очередь разсказалъ ему, по какому случаю лишился онъ своего имущества.

Отецъ мой, говорилъ онъ ему, былъ младшій изъ пяти сыновей древней и благородной Ирландской фамиліи, коея гордость равнялась съ скудостію. Онъ женился весьма молодъ на одной родственницѣ столь же бѣдной, какъ и онъ, противъ воли стараго Лорда, которой хотя и простилъ его, но воспользовался симъ случаемъ, чтобъ оставить его, и не имѣлъ ни малой любви къ

дѣтямъ, родившимся отъ сего союза. Августинъ Монтгомери, отецъ мой, лишился жены своей, которая, произведши меня на свѣтъ, умерла; онъ не долго жилъ послѣ нее, и оставилъ сиротами пятерыхъ сыновей и одну дочь. По кончинѣ отца моего старшїй братъ мой, бывшїй тогда въ Парижѣ, возвратился въ Ирландїю для надзиранїя за нами. Двоихъ старшихъ записалъ онъ въ школу, двоихъ младшихъ отдалъ къ кормилицѣ, а сестру мою отвезъ во Францїю, гдѣ вскорѣ вышла она за Агличанина, наслѣдника знатнаго имѣнїя.

Сей случай былъ для насъ благопрїятенъ. Сестра моя имѣла попеченїе о троихъ братьяхъ, кои въ одномъ году умерли отъ оспы. Остался только старшїй братъ мой и я, и на насъ-то сестра наша расточала нѣжнѣйшїя свои старанїя. Я имѣлъ непреоборимую склонность къ морской службѣ, почему посредствомъ моего зятя и получилъ я мѣсто на

корабл ѣ, назначенномъ въ Индїю. Мы имѣли нещастїе претерпѣть кораблекрушенїе у берега одного острова, откуда по пятилѣтней бѣдности отвезенъ я былъ на мысъ Доброй Надежды, а оттуда въ Англїю. Рожденъ будучи на мученїе, нашелъ я отечество свое дичайшимъ того острова, гдѣ я испыталъ столько золъ. Сестра моя овдовѣвши оставила свою родину. Брата моего не было уже; онъ женился на служанкѣ отца моего, прижилъ съ нею двоихъ дѣтей и послѣ бросилъ ее; но какъ жена его подала на него прозьбу въ судъ, то онъ и возвратился къ ней и уѣхалъ съ нею въ Ирландїю для окончанїя предъ глазами ея нещастной своей жизни.

По прїѣздѣ моемъ въ Ирландїю родня моя отказала мнѣ въ своей помощи, и я погибъ бы отъ бѣдности, естьлибъ не оказала мнѣ милости старшая сестра отца моего. Она вышла за одного Аглинскаго Лорда, коего имѣнїе равнялось съ

тѣмъ чиномъ, какой имѣлъ онъ при Дворѣ. Тетка моя доставила мнѣ мѣсто на одномъ воинскомъ кораблѣ, состоявшемъ подъ командою у того Капитана, коему слышали вы похвалу отъ честныхъ нашихъ матросовъ; онъ былъ великой болтунъ и притомъ ласковъ, но не имѣлъ ни одного качества, отличающаго человѣка съ достоинствами.

Поведенїе его, недостойное его званїя, производило въ подчиненныхъ ропотъ; но Капитанъ Эсансъ былъ превыше стыда, и для прїобрѣтенїя лавровъ не подвергалъ опасности милую свою особу. Такимъ образомъ никогда не спѣшилъ онъ вступить въ сраженїе; всегда прїѣзжалъ онъ или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно; ибо надобно было ему много потерять, а мало выиграть, для того что онъ былъ богатъ. Ни за что на свѣтѣ не нарушилъ бы онъ своего плана, хотя бы Испанскїе галїоны проходили и подъ самыми пушками корабля его; онъ въ точно-

сти слѣдовалъ предписаніямъ Министра, которой не всегда могъ предвидѣть, что случится.

Какое положеніе для молодыхъ воиновъ, надѣющихся побѣдить и нажить имѣніе! Весь флотъ раздѣлялъ непріятельскія добычи, а мы ощущали только одинъ стыдъ, что оставались въ бездѣйствіи. Тѣ, кои имѣли случай перейти въ службу на другой корабль, оставляли безпечнаго Капитана; а я, не имѣя покровителей, принужденъ былъ служить ему въ качествѣ Порутчика, и узналъ тогда недостатокъ въ его мужествѣ. Съ трудомъ скрывалъ я отъ него презрѣніе, каковое онъ производилъ во мнѣ; онъ то примѣтилъ, и безъ сомнѣнія боясь того, чтобъ я не оказалъ своего негодованія, или что онъ не былъ въ спискѣ заслужившихъ за храбрость свою похвалу отъ отечества, притворился больнымъ, отказался отъ командованія, и возвратился въ Англію на купеческомъ суднѣ.

Честность и храбрость заступившаго его мѣсто были такимъ примѣромъ, коему мы съ радостїю послѣдовали. Я имѣлъ щастїе быть въ отличїи у моего Капитана, писалъ о томъ къ родственникамъ своимъ, и просилъ, чтобъ они употребили кредитъ свой и утвердили за мною то мѣсто, которое занималъ я тогда по опредѣленїю Капитана Эсанса, которой имѣлъ время раздражить противъ меня сродниковъ моихъ. Будучи тихъ, когда былъ предъ глазами того, коего замышлялъ онъ погибель, наверстывалъ онъ принужденность свою тайнымъ его обвиненїемъ. Ничто не препятствовало ему тогда очернить доброе мое имя, и родня моя, расположена будучи слушать его, отказалась отъ меня подъ предлогомъ, что не могла долѣе заниматься мною. Я получилъ въ Индїи письмо, въ коемъ увѣдомляли меня о тѣхъ чертахъ, подъ коими Капитанъ представилъ меня, и къ большему моему

смятенію въ то же время услышалъ я о заключеніи мира. Мы получили приказъ ѣхать, и насъ распустили. Прочее вы знаете, и видите, что глупость моя довершила мои нещастія и погуоила меня. — Я надѣюсь, что мы найдемъ, чѣмъ выпти изъ замѣшательства, отвѣчалъ ему Дельморъ. Понеже всѣ оставляютъ насъ, то посмотримъ, что мы можемъ предпринять, и постараемся проложить себѣ дорогу безъ помощи другихъ. У меня есть одиннатцать шилинговъ и нѣсколько сольдовъ. — А у меня есть четыре шилинга, возразилъ ему Монтгомери. Съ сею *суммою* начали они свое товарищество. Монтгомери пошелъ искать квартиры, а Дельморъ къ Г. Габу въ Довгетъ-Гилъ.

Какъ Г. Габъ долженъ въ послѣдствіи сей исторіи играть главную ролю, то я прошу Читателей моихъ позволить мнѣ прежде введенія Генриха въ домъ такого человѣка, отъ коего ожидалъ онъ сильной помощи, познакомить ихъ съ нимъ.

ГЛАВА 28.

Знакомство съ знатными людьми.

Я сказалъ уже, что Г. Габъ былъ сорока лѣтъ отъ роду, имѣлъ веселое свойство и любилъ забавы. Онъ вступилъ въ дѣла, и началъ службу свою съ лавочнаго прислужника у троюроднаго брата любовницы Секретаря одного дворянина, которой былъ богатъ. Не будучи женатъ, оставилъ онъ коммерцію, и препоручилъ лавку Габу, давши ему нѣкоторую часть изъ своихъ барышей. Раченіе его скоро доставило ему столько выгодъ, что онъ спокойно владѣлъ такою денежною суммою, которая достаточна была на учрежденіе коммерческаго дому подъ его именемъ.

Собираемое имъ богатство раздѣляемо было между женою, сыномъ и дочерью. Гжа. Габъ была кухаркою въ томъ домѣ, гдѣ мужъ ея былъ лавочнымъ прислужникомъ. Мужъ, имѣя нѣкоторое сходство въ лѣтахъ,

а не въ чувствованіяхъ, любилъ жить по своему, а жена принуждала его склонности, чтобъ уподобиться знатнымъ людямъ, коимъ она старалась подражать. Она, будучи груба въ своихъ поступкахъ, сварлива по невѣжеству, горда по глупости, оказывала для сокрытія подлаго своего произхожденія надменную пышность. Чувствительна будучи до чрезвычайности къ доброму женскому имени, не прощала имъ ни малѣйшей слабости, чтобъ привести въ забвеніе то, что сынъ ея произшелъ на свѣтъ одиннатцатью днями прежде брака ея съ Г. Габомъ. Слишкомъ занимаясь своими уборами, послѣдовала она всѣмъ модамъ, чтобъ поправить чрезъ то отвратительное свое безобразіе. Будучи горда передъ мѣщанками, а подла передъ женщинами вышшаго степени, ѣздила къ однимъ для пренебреганія ихъ, а къ другимъ для хвастовства, что она допускаема была въ благородное общество.

Не смотря на недостатки молодаго Габа, былъ онъ любимецъ своей матери, которая видѣла въ немъ только что наслѣдника безчисленнаго богатства, и никогда не старалась объ исправленіи его нраву; почему и выгнанъ онъ былъ изъ училища за худой подаваемой имъ тамъ примѣръ; но послѣ сего записанъ былъ въ Королевскую гвардію, гдѣ мать его купила ему чинъ Прапорщика.

Капитанъ Габъ (титло, даваемое ему въ городѣ) рѣдко ѣздилъ въ Довгетъ - Гилъ, выключая, когда имѣлъ надобность сходить на поклонъ къ кошельку своей матушки. Какъ онъ имѣлъ на содержаніи театральную танцовщицу, то часто имѣлъ случай свидѣтельствовать свое почтеніе гинеямъ своей матери, коей всегда разсказывалъ нѣкоторые анекдоты о знатныхъ людяхъ.

Дѣвица Софія Габъ была маленькая плѣняющая чернобровка, которую мать ея не любила. Она отослана была къ сестрѣ стараго Габова

хозяина, жившей не подалеку отъ Плимута и наслѣдовавшей имѣнїе своего брата. Не будучи за мужемъ, она долгое время имѣла намѣренїе по смерти своей оставить все свое имѣнїе питомицѣ своей; но она предускорила кончину свою, коею Лѣкари ея поспѣшали, бракомъ своимъ съ однимъ Шотландскимъ Офицеромъ, служившимъ во флотѣ. Извѣстїе о семъ союзѣ столько досадно было Габу, что онъ отозвалъ дочь свою домой, куда и прїѣхала она за три мѣсяца прежде Дельморова знакомства съ отцемъ ея.

Генрихъ во второмъ часу по полудни пришелъ къ Г. Габу, и отведенъ былъ въ кантору; ибо служители довольно знали, что госпожа ихъ не поступитъ противъ обряда большаго свѣта, принимая визиты прежде четырехъ часовъ.

Когда Габъ входилъ въ свою кантору, то занимался только что коммерческими дѣлами. Восемь Габовыхъ прикащиковъ оказывали на сво-

ихъ лицахъ вниманiе, каковое они имѣли къ трактуемымъ ими дѣламъ. Генрихъ получилъ отъ того новую надежду. Никто не посмотрѣлъ на него, выключая хозяина, которой поклонился ему и далъ знакъ сѣсть. Когда на стѣнныхъ часахъ ударило два часа, то Габъ всталъ, взялъ Дельмора за руку, извинился, что онъ долженъ разстаться съ нимъ, чтобъ сходить на биржу; однакожъ ввелъ его въ залу, гдѣ Софiя занималась рисованьемъ. Прими сего гостя, сказалъ онъ ей; ибо я думаю, что мать твоя не встала еще изъ за своего туалета. По томъ тотчасъ вышелъ.

Дѣвица Габъ имѣла такое цѣломудрiе, которое иногда называютъ неумѣстнымъ стыдомъ, когда оно не имѣетъ прiятностей; но не то происходило съ достойною любви Софiею. Румянецъ стыдливости покрывалъ ея щоки, когда она говорила съ посторонними, и боязливые ея взоры избѣгали глазъ того, кому она от-

вѣчала съ удостовѣрительностію, каковую подаетъ острота и разсудокъ. Будучи учтива безъ принужденности, имѣла она видъ хорошо воспитанной дѣвицы.

Дельморовы привѣтствія тѣмъ пріятнѣе были приняты, что онѣ не сопровождаемы были ласкательствами, и не уподоблялись привѣтствіямъ друзей ея матери, лесть коихъ противна была здравому ея разсудку. Съ самаго возвращенія ея въ Лондонъ никто еще не поступалъ съ нею столь благопристойно и умно. Гжа. Габъ унижала достоинства своей дочери любовію къ своему сыну, и въ тоже время хотѣла, чтобъ по причинѣ безчисленнаго богатства, котораго со временемъ будетъ она наслѣдницею, почитали ее за превосходнѣйшее существо.

Генрихъ и Софія, довольны будучи другъ другомъ, не примѣчали, что время обѣда приближалось. Г. Габъ пришелъ точно въ четыре часа, и вскорѣ послѣ него вошла жена его,

которой и представилъ онъ Генриха подъ именемъ Конвая и особеннаго друга Г. Буржеса. Не смотря на отличной прiемъ, каковой доставило ему сiе последнее качество, опечалился онъ, опасаясь, чтобъ оно не разстроило его намѣренiй. Все показывало ему тогда, что принимали его только изъ уваженiя къ богатымъ Квакерамъ, съ коими Г. Габъ долженъ былъ имѣть нѣкоторыя сношенiя, и что онъ не могъ надѣяться получить должность у Г. Габа безъ того, чтобъ вскорѣ не открыта была тайна, принуждавшая его скрывать отъ нихъ настоящее свое имя. Гордость Гжи. Габъ придавала его опасенiямъ новыя силы. Какъ можно было ему ласкаться, чтобъ возъимѣли довѣренность къ такому человѣку, которой настоящимъ приглашенiемъ одолженъ былъ заблужденiю? Онъ отбросилъ свое намѣренiе, не смѣя сообщить о своихъ нуждахъ такимъ людямъ, кои поступали съ нимъ почтительно.

Сіи печальныя размышленія не помѣшали ему понравиться дамамъ, и быть внимательнымъ къ Софіи, коея тихости и пріятностямъ не можно было довольно надивиться. Хотя мать ея и не имѣла объ ней такого выгоднаго мнѣнія, какое имѣлъ Генрихъ; однакожъ она признавалась, что Софія имѣла пріятныя черты лица, и что какой нибудь Лордъ можетъ прилѣпиться къ ней; но сердце Софіино сдѣлало уже выборъ, не думая о знатности и выгодахъ, кои предопредѣляла для ней мать ея. Она любила безъ надежды, и скрывала страсть свою съ величайшимъ стараніемъ, опасаясь, чтобъ не проникли ея тайны. Томность, каковую принужденность сія придавала ея взорамъ, составляла поразительной контрастъ съ вольнымъ видомъ Гжи. Габъ, и увеличивала отвращеніе, производимое ею въ Дельморѣ, между тѣмъ какъ ощущалъ онъ чувствованіе жалости къ нѣжной Софіи; онъ видѣлъ ее дро-

жащею предъ своею матерью, которая не для чего инаго отворяла ротъ свой, какъ только чтобъ бранить ее, или чтобъ насказать ей какого нибудь вздору. Она не щадила и мужа своего, коего беззаботливость увеселяла ее.

Поди, Софія, сказала Гжа. Габъ, вышедши изъ за стола; поди, сыграй на клавикордахъ *пѣсню* въ честь Г. Конвая. Я хочу итти въ гости, вскричалъ Габъ; вы знаете, что я въ семь часовъ уйду отсюда. Когда Софія сѣла за клавикорды, то мать ея приказывала ей играть то, что ей хотѣлось слышать, и прерывая при каждой тактѣ, критиковала ее, или дѣлала вопросы Дельмору. Любите ли вы музыку? спрашивала она у него; по томъ, часто ли вы ходите въ театръ? Я терпѣть не могу, что не оказываютъ тамъ вниманія къ уборамъ. Какъ ни одѣнься со вкусомъ, но знатная женщина смѣшивается тамъ съ подлецами. Я убѣгаю мѣщанъ, а ѣзжу только по

лучшимъ компаніямъ; вы также ли поступаете, Г. Конвай? — Дельморъ болѣе прежняго усмотрѣлъ предопредѣляемую ему участь, естьли онъ будетъ говорить о своемъ убожествѣ и о неизвѣстности, сопровождавшей приключенія его жизни. Будучи смущенъ и разстроенъ, не отвѣчалъ онъ ничего, и скрылъ свое смятеніе подъ тѣмъ предлогомъ, будто внимательно слушаетъ музыку.

Въ семь часовъ Г. Габъ взялъ свою палку и шляпу, пожелалъ Генриху добраго вечера, пригласилъ его обѣдать къ себѣ, когда ему заблаго разсудится, и извинялся необходимостію кончить нѣкоторыя дѣла, принуждавшія его разстаться съ нимъ. — Ну ужъ дѣла! возразила ему жена его; ты бы лучше сдѣлалъ, естьлибъ кинулъ ихъ: я почти угадываю, что это значитъ. Пусть заложатъ мнѣ лошадей; у меня есть тысяча дѣлъ въ Дворцовой части. Послѣ сего, наполнивши кошелекъ свой гинеями, доставлявшими ей входъ въ большія

общества, вышла, оставивши дочь свою съ незнакомцемъ, и похваставшись уборомъ своимъ у мѣщанокъ въ своей части, поѣхала въ Вестминстерскую часть.

Прекраснѣйшій мущина въ Англіи приглашенъ былъ матерью сдѣлать компанію молодой прелестной особѣ, такъ что мать сія и не помыслила объ опасности, каковой она подвергала ее. Къ щастію ея дочери Дельморъ былъ человѣкъ благонравной, и притомъ взаимная ихъ привязанность къ другому предмету предохраняла ихъ отъ тѣхъ слѣдствій, каковыя могло бы произвести такое неблагоразуміе. Они ужинали вмѣстѣ, такъ что и не подумали измѣнить той довѣренности, какую по видимому имѣли къ добродѣтели ихъ. Генрихъ ушелъ въ полночь, и Софія легла спать.

Хотя Гжа. Габъ получала отъ своего мужа все то, чего ни требовала отъ него; однакожь таинственные его выходы производили въ ней

подозрѣнїе; она судила о настоящемъ по прежнему его поведенїю. Уже два мѣсяца не ужиналъ онъ дома. Не смотря на упреки и убѣжденїя жены его, чтобъ узнать, куда онъ ходилъ, не получала она отъ него никакого извѣщенїя. По разсѣянности своей не могши удостовѣриться въ ревнивыхъ своихъ подозрѣнїяхъ, надоѣдала ему, и по томъ забывала свое безпокойство въ вихрѣ веселостей, и сїе-то препятствовало ей употребить средства для возвращенїя любви невѣрнаго супруга.

ГЛАВА 29.

Братъ и сестра.

Дельморъ нашелъ Монтгомерїя въ томъ мѣстѣ, которое они назначили между собою. По томъ пошли они въ тотъ домъ, въ которомъ морской Офицеръ нанялъ двѣ комнаты по пяти шилинговъ на недѣлю.

Сей домъ находился на Оранской улицѣ, не подалеку отъ Лейчестеръ-Фильда.

Теперь должно намъ караулить ту минуту, когда мы можемъ воспользоваться хорошимъ временемъ, которое последуетъ за сею противною погодою, сказалъ Монтгомери Генриху. Вотъ баластовой припасъ, которымъ я снабдилъ себя, продавши безполезной грузъ. Естьли не определятъ меня опять къ Порутческому моему мѣсту, и щастїе не будетъ мнѣ благопрїятствовать, то я имѣю такого Агента, которой довольно будетъ снабжать меня на мои нужды. Посмотри, вотъ пять гиней. Какъ казна наша будетъ общая, то береги у себя половину сей суммы. Взгляни на эти накладныя пряжки; онѣ блестятъ какъ настоящїя серебреныя. Глупое животное, подговорившее насъ въ театръ, никогда не имѣло лучшихъ пряжекъ — Ахъ, другъ мой! мы опять безопасны отъ бѣдности: вотъ часы,

цѣпочка и брелоки, кои составятъ новой капиталъ, когда теперешнее наше имущество будетъ истрачено; сверьхъ того у меня есть шлифныя пряжки и галстучная, которая также вызолочена, и башмачныя... — У насъ есть болѣе, нежели сколько требуютъ наши нужды; пойдемъ спать и отбросимъ меланхолїю. Прежде всего надобно намъ познакомиться съ своимъ хозяиномъ; разопьемъ съ нимъ пуншъ; я запасся Французскою водкою. — Хозяину то было и на руку.

Г. Мак-Дугаль былъ, по собственнымъ его о себѣ сказкамъ, такой человѣкъ, которой разстроивалъ дѣла свои излишнимъ праводушїемъ. Нещастїе его произтекало изъ неизчерпаемаго источника природнаго благорасположенїя, и изъ непремѣнной привязанности къ честности. — Ты дѣльно говоришь, Г. хозяинъ, вскричалъ Монтгомери; въ семъ развратномъ мїрѣ только одинъ порокъ торжествуетъ. Бѣдной человѣкъ не-

щастливъ, думалъ Генрихъ, посмотрѣвши на Мак-Дугаля умильнымъ видомъ. — Ободрись, возразилъ мореходецъ; будетъ и на нашей улицѣ праздникъ; пей пуншъ и плюнь на все. Шотландецъ повиновался болѣе, нежели сколько его просили, и оба постояльцы его не подозрѣвали, чтобъ сей честной человѣкъ способенъ былъ обмануть ихъ. Они разпрощались въ полночь, какъ лучшіе на свѣтѣ друзья. Монтгомери не забылъ разсказать Мак-Дугалю главныхъ приключеній своей жизни, а особливо того, при которомъ научился онъ проклинать знакомства, сведенныя въ театрѣ.

Дельморъ, зная, что слѣдующій день было чѣмъ содержать себя, спокойно заснулъ; однакожъ проснувшись вспомнилъ о трудностяхъ, препятствовавшихъ ему исполнить намѣреніе, приведшее его къ Г. Габу. Софія была прелестна, но сердце его слишкомъ прилѣплено было къ Кларѣ, и разговоры Софіины

не вознатраждали его за ту скуку, которую онъ ощущалъ въ компанiи Гжи. Габъ. Рѣшившись прервать едва начавшееся знакомство, воспользовался онъ тѣмъ временемъ, когда другъ его не вставалъ еще, и написалъ къ Г. Габу, что ему не льзя было въ сей день обѣдать у него. Письмо лежало на столѣ, когда Монтгомери вошелъ въ комнату; онъ прочелъ адресъ и покраснѣлъ. По какому случаю знакомы вы съ этимъ человѣкомъ? спросилъ онъ у него съ изумленнымъ видомъ. Генрихъ разсказалъ ему, какимъ образомъ вошелъ онъ въ домъ, и сдѣлалъ забавное описанiе Гжи. Габъ. — Можетъ быть вы лучше любите дочь, возразилъ ему мореходецъ съ холодностiю. — Точно такъ, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы разумѣете. — Признаюсь, что я въ нее влюбленъ . . . Это удивляетъ васъ. Правда, не льзя повѣрить, чтобъ такой бѣднякъ, какъ я, осмѣлился искать руки достойной любви дѣвицы

Габъ; но я не богатства ея ищу, а чтобъ обладать ея сердцемъ.

Генрихъ, не знавшій о пребываніи Софіиномъ въ Девонширѣ, не понималъ, какимъ образомъ Монтгомери познакомился съ нею, ибо онъ никогда не пріѣзжалъ въ Лондонъ, и просилъ его изъяснить ему сію загадку. Съ охотою, отвѣчалъ ему Монтгомери. Претерпѣвши кораблекрушеніе, возвратился я по прошествіи пяти лѣтъ въ Англію, и сошелъ на берегъ въ Плимутѣ въ жалостномъ состояніи. Приключеніе мое было извѣстно, и какъ сынъ городскаго старшины находился на томъ же суднѣ, на которомъ и я пріѣхалъ, то онъ и разсказалъ объ ономъ отцу своему, которой принялъ меня въ домъ свой. Добродушной старикъ надѣлилъ меня платьемъ и деньгами, чтобъ мнѣ доѣхать до моихъ сродниковъ, и каждой старался подать мнѣ помощь. Дѣвица Габъ жила у одной дамы, которая часто ѣзжала къ старшинѣ. Приключенія мои про-

гали ее; она была тогда пятнатцати, а я осьмнатцати лѣтъ. Она плакала, слушая меня, и я забывалъ съ Софїею тѣ нещастїя, кои очевидно опечаливали ее. Я поѣхалъ изъ Плимута, не проникши причины, заставлявшей меня желать опять увидѣться съ Софїею, которая тужила о моемъ отъѣздѣ. Я возвратился туда, когда Капитанъ Эсансъ заѣхалъ въ сей портъ при поѣздкѣ своей въ Индїю; зашелъ къ старшинѣ, увидѣлъ тамъ дѣвицу Габъ, и не прежде сѣлъ на корабль, какъ получивши отъ ней позволенїе любить ее, и увѣренїе, что она навсегда раздѣлять будетъ желанїя мои и постоянство. По возвращенїи моемъ въ Европу пристали мы въ Портсмутѣ, гдѣ я былъ отпущенъ. Я полетѣлъ въ Плимутъ, чтобъ увидѣться тамъ съ своею Софїею; но узналъ, что она уѣхала къ родителямъ своимъ. Естьлибъ я могъ предложить ей сокровища, то я былъ бы уже у ногъ ея; но я имѣю

одно только нѣжное и чувствительное сердце, и терплю скудость, предоставленную тѣмъ, кои по примѣру меня отринуты щастіемъ. Монтгомери вздыхалъ, Дельморъ потупилъ глаза, и оба были такого мнѣнія, что лучше умереть, нежели вовлечь любимой предметъ въ лабиринтъ золъ, неразлучныхъ отъ крайнихъ нуждъ бѣдности.

Не смотря на Порутчиково геройство, любопытенъ онъ былъ узнать, не изгладило ли его изъ памяти Софіиной отсутствіе его. Генрихъ сожегъ свое письмо, и въ угодность своему другу согласился итти къ Г. Габу, куда онъ званъ былъ обѣдать. Гжа. Габъ болѣе мужа своего навѣдывалась о характерѣ Дельморовомъ; но какъ никто не могъ ее въ томъ удовольствовать, то она по стану, по чертамъ и по виду заключила, что онъ былъ изъ фамиліи Гертфордовой, и что онъ есть не иной кто, какъ тотъ Конвай, которой одаренъ былъ толикими личными

выгодами. Она сообщила мнѣніе свое мужу, коего вниманіе занято было инымъ; онъ пилъ чай, и хвалилъ все то, что она ни говорила.

Генрихъ, почитаемой Гжею. Габъ за Конвая, принятъ былъ съ такимъ отличіемъ, которое дѣлало ее достойнѣйшею смѣха. Стараніе принять его съ пышностію воспрепятствовало ему поговорить съ Софіею безъ свидѣтелей. Во время подаванія на столъ кушанья вошелъ въ залу великорослой молодой человѣкъ, коего блѣдность и чрезмѣрная худощавость возвѣщали близкое разрушеніе, но коего поступки и слова составляли смѣсь глупостей, хвастовства и злорѣчія. Любезной мой Недъ! сказала ему Гжа. Габъ, вотъ Г. Конвай, коего я дѣлаю главнымъ моимъ фаворитомъ. Г. Конвай! рекомендую вамъ Капитана Габа, моего сына. — Что братъ Недъ! вскричалъ Г. Габъ, вошедши въ залу: каково идутъ *дѣла*? Я думаю, что худо; ибо ты пришелъ повидаться съ своею матушкою. —

Молодой Капитанъ со злостїю взглянулъ на Генриха, пошевелилъ языкомъ; по томъ приведши въ порядокъ лице свое, спросилъ у отца своего ироническимъ тономъ: какую имѣете вы причину, любезной батюшка, говорить такимъ образомъ? Я принесъ матушкѣ билеты для входу въ Бахской концертъ, куда пускаютъ особъ только первой степени ... — Ты слишкомъ добръ, сынъ мой; я непремѣнно поѣду, возразила мать почти внѣ себя. Отобѣдаемъ поскорѣе; я боюсь, чтобъ не опоздать.

Въ семь часовъ Г. Габъ ушелъ. По выходѣ его Капитанъ разсказалъ своей матери, что онъ имѣлъ великой трудъ внести ее въ списокъ подпищиковъ, и достигъ до того единственно чрезъ подарки и чрезъ большую сумму денегъ; увѣрялъ ее, что она теперь сравняется съ Герцогинею, но что онъ для доставленїя ей сего удовольствїя истратилъ всѣ свои деньги. Онъ одною рукою подалъ ей пропускные билеты, а

другою принялъ кошелекъ Гжи. Габъ. По томъ выдумавши какое-то дѣло, пошелъ въ Дворцовую часть. Вы не знаете, говорила она Дельмору, хорошихъ качествъ сего парня; онъ живетъ въ лучшемъ обществѣ; сіи выгоды стоятъ издержекъ; но Г. Габъ богатъ, онъ достаетъ деньги миліонами, и не можетъ лучше употребить ихъ. Сынъ мой ведетъ себя по дворянски: сіи концертные билеты то доказываютъ; ибо иначе не льзя достать ихъ, за какую бы то цѣну ни было, естьли кто не знакомъ съ вельможами.

Это-то и обманывало простодушную мать, которая не знала, что за деньги можно достать пропускные билеты во всѣ увеселительныя собранія, учреждаемыя по подпискѣ. Капитанъ имѣлъ нужду привесть въ хорошее состояніе карманъ свой; чѣмъ болѣе придавалъ онъ важности мнимой своей услугѣ, оказанной имъ своей матери, тѣмъ болѣе считала она себя обязанною ссужать его деньгами.

Гжа. Габъ, нетерпѣливо желая сообщить мѣщанскимъ собраніямъ важное извѣстіе, что имя сына ея написано на ряду съ именемъ Лорда, сѣла въ карету, предоставя Генриху стараніе разгонять Софіину скуку. Онъ успѣлъ въ томъ превыше своего чаянія посредствомъ привѣтствій, которыя учинилъ онъ ей отъ Монтгомерія. Развѣ вы знаете Карла Монтгомерія? спросила она у него. Что! помнитъ ли онъ еще о . . . ? Видъ ея и звукъ голоса изъявляли нетерпѣливость услышать отвѣтъ его, и недоконченное ею реченіе оканчивали съ большимъ красноречіемъ, нежели какъ могли бы то учинить всѣ реторическія фигуры.

Помнитъ, отвѣчалъ ей Дельморъ; бѣдной Карлъ все еще обожаетъ свою Софію, но не смѣетъ надѣяться; ибо нещастіе воздвигло необоримыя преграды между ею и имъ . . . — Ахъ! гдѣ онъ? Сей вопросъ учинила она, подавши одну руку Дельмору, между тѣмъ какъ другою держала

платокъ на глазахъ, для сокрытія слезъ своихъ и замѣшательства. Естьли онъ все еще бѣденъ и нещастливъ, то я забуду любовника, лишь бы только одно дружество заставило его забыть нещастія его: самая тонкая разборчивость одобритъ тѣ старанія, какія я буду прилагать для оказанія ему услугъ, и я не сомнѣваюсь . . . Сильной стукъ у воротъ помѣшалъ Софіи продолжать свою рѣчь; и вскорѣ послѣ сего вошли въ комнату дама и Лордъ въ провожаніи многихъ лакеевъ.

ГЛАВА 30.

Лордъ и Дама.

Дама возвышала блескъ своего лица и красоту глазъ своихъ и зубовъ всѣмъ тѣмъ, что только убранство можетъ доставить отборнѣйшаго. Какъ она была единственная и богатая дочь, то ничего не щадили для удовлетворенія ея желаніямъ

кои Мадамъ ле Брюнъ, модная торговка и Француженка, имѣла стараніе питать безпрестанными изобрѣтеніями, кои по словамъ ея получаемы были изъ Парижа. Поклоны, дѣлаемые ею дѣвицѣ Габъ, очевидно сопровождаемы были бросаемыми взглядами на Дельмора, коего видный станъ привлекалъ ея вниманіе, и она, казалось, говорила ему: *не уже ли ты не испыталъ еще силы моихъ прелестей? не уже ли ты не видишь, что я красавица?* Она бросилась, или лучше сказать съ томностію повалилась на софу, и обратясь къ дѣвицѣ Габъ съ такимъ видомъ, какъ бы она утомилась, сказала ей: Любезная моя Софія! я изнемогаю, мнѣ надобно было отказаться отъ множества приглашеній, чтобъ повидаться съ вами симъ вечеромъ; вы не представите себѣ, сколько отягчили насъ нынѣшніе визиты. По томъ бросивши томной взглядъ на провожавшаго ее мущину: дайте мнѣ, Милордъ, скляночку

свою съ спиртомъ! вскричала она, протягивая къ нему руку.

Титло Лорда внушило почтенїе въ Дельмора, которой никогда не бывалъ въ компанїи съ Лордомъ; онъ радовался, что будетъ имѣть щастїе примѣтить поступки его, кои по мнѣнїю его, которое онъ самъ въ себѣ составилъ объ этомъ, должны были служить уроками для воспитанїя; онъ умиралъ отъ нетерпѣливости услышать разговоръ его, и наблюдалъ почтительное молчанїе. Едва смѣлъ онъ дышать, чтобъ не проронить ни одного прекраснаго слова, которое скажетъ Лордъ.

Мерзкой запахъ отъ жаркой говядины произвелъ въ васъ вапоры, возразилъ Милордъ, подавая дамѣ свою скляночку. — Вы всегда шутите, отвѣчала она ему пришепетывая. — По чести не другое что. Я никогда не отобѣдаю въ негодной Еленинской части безъ того, чтобъ не вытерпѣть дюжины разныхъ родовъ смертей. Престарѣлая ваша матушка

(простите меня, что я такъ говорю) всегда боится, чтобь не было недостатку вь кушаньѣ, и задушаетъ нась мясными блюдами, коихъ довольно бы было для накормленїя цѣлой стаи собакъ послѣ травли лисицъ. Клянусь, что запахъ отъ вареной и жареной говядины весьма силенъ для моихъ нервъ. — Послушай его Софїя, онъ совершенной забавникъ. — Я не проронила ни одного слова, милая моя, отвѣчала ей дѣвица Габь; но признаюсь, что способъ, каковымъ Милордъ осмѣиваетъ вкусь родителей вашихъ, есть такая мудреная шутка, что я не понимаю.

Дама взглянула на Милорда улыбнувшись, а Милордъ усмѣхнулся насмѣшливымъ образомъ.

Видѣли ли вы, Софїя, шляпы а ла Девонширъ? — Нѣтъ; но я заказала бы сдѣлать одну вь честь такой изобрѣтательницы, которой должно бы было подражать въ добродѣтеляхъ

ся, такъ какъ принаравливаются къ ней въ разсужденіи отмѣннаго ея убора. Милордъ снова улыбнулся, и произнесъ ученую диссертацію о модахъ; примѣтя же, что его слушали со вниманіемъ, почтилъ мѣщанскую аудиторію повѣствованіемъ объ учиненныхъ имъ покупкахъ. Надѣясь же возбудить въ нихъ зависть, и увеличить важность своего достоинства, изчислялъ онъ тѣ выгоды, коими пользуются знатные люди; любовницъ, коихъ они имѣютъ; тѣ прожиточные доходы, кои они даютъ имъ, когда берутъ за себя богатую мѣщанку, коея приданое оплачиваетъ долги ихъ; проигрываемыя ими денежныя суммы, и удовольствіе, каковое они имѣютъ жить, не безпокоясь критикою; словомъ сказать, онъ дѣлалъ похвалу развращенію нравовъ. По томъ, увидя на своихъ часахъ, что было уже десять часовъ, проклиналъ данное имъ слово, которое призывало его въ Дворцовую часть, поклонился Софіи, по-

цѣловалъ руку у дамы, и вышелъ, не удостоивши вниманія Дельмора, на котораго бросилъ онъ взглядъ мимоходомъ.

Такъ это-то Лордъ! думалъ самъ въ себѣ Генрихъ. Что думаете вы о Милордѣ? спросила дама у Софіи. — Онъ отмѣнно вѣжливъ . . . — Я отвѣчаю вамъ въ томъ. Знаете ли вы, что онъ со временемъ будетъ *Графомъ*? Сколь прелестно будетъ тогда существованіе мое! Естьли вы, милая моя, будете вести себя благопристойно, то я введу васъ въ большой свѣтъ . . . . — Покорно благодарю; я люблю жить съ равными себѣ. — Какая глупость! Матушка ваша иначе думаетъ; ей не непріятно будетъ увеличить визитной свой реэстръ нѣсколькими знатными именами, не забывая старой Ирландской тетки, такъ какъ мнѣ то часто повторялъ Милордъ Креспиньи; не засиживайтесь въ мѣщанкахъ; мнѣ стыдно будетъ принять

васъ, естьли къ имени вашему придано будетъ словцо *Мистрисъ* (*).

Я думаю, что буду послѣдовать вашимъ совѣтамъ, отвѣчала ей Софія насмѣшливымъ тономъ; но что намъ дѣлать съ нашими матерьми? — Это-то меня и мучитъ; я размышляла о томъ тысячу разъ; но . . . Я думаю, что не иначе должно будетъ принимать ихъ, какъ тайно . . . Скажи мнѣ, Софія, этотъ молодой человѣкъ не глухой ли и нѣмой? Софія покраснѣла, Генрихъ отвѣсилъ поклонъ, и отвѣчалъ, что онъ не смѣлъ прервать столь интереснаго разговору. Помилуй! вскричала дама: да кто вы таковы, сударь? Черты ваши не незнакомы мнѣ. Вопросъ, казалось, не требовалъ отвѣта; онъ замолчалъ; но вскорѣ по томъ разговоръ дамы привлекъ все его вниманіе. Я убѣждала матушку (продолжала она, обратившись къ Софіи) уговорить ба-

(*) Въ Англіи слово **Мистрисъ** придается къ замужнимъ женщинамъ простаго рода, такъ какъ слово *Лади* къ знатнымъ дворянкамъ, а *Сиръ* къ дворянамъ.

тюшку, чтобъ онъ выхлопоталъ себѣ дворянство. Милордъ увѣрялъ меня, что это не трудно сдѣлать; но упрямство батюшкино столько же смѣшно, какъ и неумѣстно. Виданое ли это дѣло, чтобъ отказываться отъ прославленія своей фамиліи для того единственно, что старой дуракъ Франклинъ и простякъ Буржесъ не имѣютъ такого честолюбія? Не уже ли они думаютъ, что коммерческія дѣла не пойдутъ своею дорогою, естьли Г. Левизажъ предъ именемъ Антонія поставитъ титло *Сиръ*?

*Изумленіе Генрихово было чрезмѣрно, когда онъ въ этой кокеткѣ узналъ дѣвицу Бетти Левизажъ, которую онъ видалъ въ разныя времена за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Какой рокъ гонитъ меня! говорилъ онъ; и такъ я вездѣ буду встрѣчаться съ тѣми, коихъ стараюсь убѣгать! Что значитъ мнѣніе сихъ двухъ товарищей моего батюшки? продолжала дѣвица Бетти. Слабо-

умной Квакеръ ничѣмъ болѣе не занимается на свѣтѣ, какъ только смотрѣнїемъ за больною своею женою, сидя день и ночь у изголовья ея въ большомъ шерстяномъ колпакѣ; а вялой Франклинъ не стоитъ того труда, чтобъ заботились объ немъ. Чтожъ касается до ученой дуры сестры его, то глупость ея сдѣлала ее столь смѣшною, что она не посмѣетъ показать намъ и виду неудовольствїя; (потомъ вставши и смотрясь въ зеркало) естьлижъ эта ученая женщина вздумаетъ это сдѣлать, то есть такїе люди, кои научатъ ее молчать. Знаете ли вы, что опять вводятъ въ обычай налѣпливать мушки? Когда я буду Графинею, то хочу ввести ихъ въ моду . . . Я забыла сказать вамъ, что мать моя непремѣнно хочетъ, чтобъ я для шитья свадебнаго моего платья употребила городскихъ портнихъ . . . Генрихъ не могъ болѣе сидѣть, и всталъ, соскучившп отъ болтанья такой женщины, коея

мысли за нѣсколько лѣтъ назадъ ограничивались тѣмъ, чтобъ быть женою какого нибудь ремесленника. Онъ пожелалъ Софiи добраго вечера, которая сказала ему: не забудьте, Г. Конвай, что матушка будетъ ждать васъ завтра поутру.

ГЛАВА 31.

Досады жены и непреклонность мужа.

Извѣстiе, которое Дельморъ хотѣлъ принести своему другу, поспѣшило его возвращенiемъ; онъ увѣдомилъ его о разговорѣ своемъ съ Софiею, и о той власти, какую онъ имѣлъ надъ ея сердцемъ. Естьли бы Лордъ Креспиньи любимъ былъ такимъ образомъ молодою и богатою дѣвицею, то онъ кончилъ бы дѣло въ домѣ какого нибудь снизходительнаго друга; Капитанъ Габь женился бы на ней, и поѣхалъ бы съ своею красоткою странствовать по Европѣ; Г. Петръ Мартинъ увезъ бы ее въ Шотландiю,

и въ то время, когда страстныя выраженія запечатлѣвали бы его щастіе, совершенно занимали бы его вниманіе выкладки, основанныя на богатствѣ добычи его. Монтгомери и въ бѣдности думалъ только о Софіи. Нѣтъ! вскричалъ онъ, нѣтъ! ты никогда не утѣшишь любовника своего на щетъ твоего спокойствія. Клянусь тебѣ, другъ мой, что моя Софія никогда не будетъ раздѣлять моей бѣдности; пусть она будетъ щастлива въ изобиліи, и пусть узнаетъ, до какой степени я люблю благополучіе ея. Слезы орошали глаза его, Генрихъ также плакалъ, Макъ-Дугаль былъ отосланъ, и каждой легъ спать, не пивши пуншу.

Монтгомери на разсвѣтѣ принесъ къ Дельмору письмо, которое просилъ онъ его отдать Софіи, что и принято было безъ всякаго затрудненія. Генрихъ пошелъ со двора въ тотъ часъ, въ которой онъ надѣялся быть допущенъ къ дѣвицѣ Габъ безъ свидѣтелей. Проходя чрезъ

Флитъ-Стритъ, встрѣтился онъ съ Г. Габомъ, коего разстройство въ платьѣ подтверждало повѣсть его о ночныхъ безпорядкахъ, приведшихъ его въ сїе состоянїе. Я ужиналъ, примолвилъ онъ, съ нѣсколькими прїятелями въ Тюрнемъ-Гринѣ, и до того забылся, что должно было положить меня спать. Хотя я и не боюсь выговоровъ жены моей, однакожъ то безпокойство, каковое должно было причинить ей отсутствїе мое, требуетъ удовлетворенїя. Чтобъ утишить ожидающую меня бурю, то надобно будетъ подарить ей нѣсколько галантерейныхъ вещей, обѣщать ей произвесть сына ея въ чинъ, и выдать Софїю за Лорда. Поди, расположи ее въ мою пользу; никто лучше тебя не успѣетъ въ этомъ; постарайся позолотить пилюлю. Дельморъ согласился на сїе, и введенъ былъ въ залу, куда Гжа. Габъ и Софїя не замедлили войти, одна съ сердитымъ лицемъ, а другая съ исполненными слезъ глазами.

Во время повѣствованія Генрихова о томъ случаѣ, которой воспрепятствовалъ Г. Габу возвратиться ввечеру домой, Софія оказала свою радость, а мать ея показывала видъ величайшаго равнодушія. Не смотря на прилагаемое ею усиліе сокрыть свою досаду, примѣтно было, что она не вѣрила разсказанной ей Генрихомъ исторіи. Обидныя замѣчанія, дѣлаемыя ею на поведеніе своего мужа, принудили Дельмора перемѣнить разговоръ; онъ началъ говорить съ нею о сынѣ ея и объ отличныхъ ея знакомствахъ, каковая матерія всегда успокоивала достойную любви Гжу. Габъ. Г. Конвай былъ столь пріятенъ въ компаніи, что непремѣнно должно ему было сотовариществовать ей въ прогулкѣ ея въ Гидъ-Паркѣ. Отъ сей чести хотѣлось бы ему отказаться, но Софія оставила мать свою и ушла одѣваться, и онъ, не могши поговорить съ нею безъ свидѣтелей, принялъ предложеніе ея.

Многія знатныя женщины, увидя пригожаго молодаго человѣка въ каретѣ съ Гжею. Габъ, разговаривали съ нею, чѣмъ она была столь довольна, что прежде возвращенія въ домъ свой совершенно забыла мужнину исторію. Въ то время, какъ она побѣжала къ своему туалету, Генрихъ надѣялся переговорить съ Софіею и отдать ей письмо; но одна купчиха, пріѣхавшая къ Гжѣ. Габъ обѣдать, опять помѣшала ему отправить свою коммисію. Какъ въ сей день Гжа. Габъ не расположена была ѣхать къ придворнымъ своимъ друзьямъ, то наряжанье ея не заставило долго ждать гостей, и за столъ сѣли ранѣе обыкновеннаго. Все было спокойно до того времени, какъ Гжа. Инклъ спросила: назначенъ ли день свадьбы дѣвицы Левизажъ? Сей вопросъ возбудилъ ярость Гжи. Габъ противъ Софіи: какъ! не имѣть честолюбія присвоить себѣ Лорда, которой не прежде прилѣпился къ дѣвицѣ Левизажъ, какъ когда отка-

зала ему Софія! потерять случай быть женою внука Милорда Белвуара! Онъ будетъ Великобританскимъ Графомъ! вскричала она. Я и Г. Габъ почитали бракъ сей заключеннымъ; ибо мы согласны были дать старому Лорду требуемыя имъ деньги... — Но важнѣе всего то, возразила богатая купчиха, что Г. Левизажъ получитъ себѣ дворянство. Ножикъ и вилки выпали изъ рукъ Гжи. Габъ, и румянецъ въ лицѣ ея пропалъ: онъ будетъ дворяниномъ? вскричала она. — Точно такъ. — Подайте мнѣ поскорѣе стаканъ воды. Ахъ, Г. Габъ! ради Бога не потерпи того, чтобъ учинили намъ сіе безчестіе; сдѣлайся дворяниномъ прежде его, хотябъ это должно было стоить намъ большей части нашего имѣнія. — Не уже ли настали каникулы? спросилъ у ней Г. Габъ шуточнымъ голосомъ. Смиренной видъ жены его вдругъ перемѣнился въ видъ бѣснующейся; она плакала, грозила, и упрекала своего мужа, коего непреклонность

приводила ее въ отчаяніе, въ тысячѣ недостаткахъ; но видя, что она ничего не получала отъ него, замолчала.

Софія съ другой стороны не смѣла поднять глазъ Отецъ ея обратился къ ней и сказалъ ей: не печалься, дочь моя; естьли ты ищешь знатнаго союза, то получишь въ приданое пятьдесятъ тысячь фунтовъ стерлинговъ; но естьли выдешь за честнаго купца, то я прибавлю къ тому сверьхъ того десять тысячь . . . — Бездѣльникъ! вскричала жена его, вскочивши съ своего стула; не довольно ли съ тебя безпрестанно нарушать супружескую вѣрность? не уже ли надобно еще поощрять дочь мою не повиноваться мнѣ? Но ты не будешь имѣть такой выгоды въ моемъ сынѣ: онъ умѣетъ презирать подлыя твои правила . . . — Это весьма хорошо сказано, возразилъ ей Габъ такимъ же тономъ; сдѣлай изъ него дворянина; онъ уже считаетъ себя большимъ господиномъ, нежели отецъ его.

Гжа. Габъ посмотрѣла на него съ презрительнымъ видомъ, мужъ ея язвительнымъ образомъ, Гжа. Инклъ простыми глазами, Софія съ печалію, а Дельморъ съ жалостію. По нѣкоторомъ молчаніи Г. Габъ увѣдомилъ жену свою, что какъ товарищеской его договоръ приходитъ уже почти къ концу, то онъ долженъ уменьшить домашній расходъ. Это былъ надежной способъ возстановить спокойствіе въ семействѣ; черты лица Гжи. Габъ пришли въ надлежащій порядокъ, и она сдѣлалась сговорчива; но Софія не забыла жестокости матери своей, искавшей пожертвовать ею смѣшному своему тщеславію. Отецъ ея, примѣтя, что она продолжала еще плакать, позволилъ ей итти въ свою комнату; Софія повиновалась съ радостію; но естьлибъ она могла отгадать, что въ карманѣ у Дельмора было такое сокровище, которое она почитала превыше всякаго другаго добра, то не поспѣшила бы выйти.

Нетерпѣливость узнать подробно о такомъ дѣлѣ, которое столь много безпокоило Гжу. Габъ, понудила ее тотчасъ послѣ десерту встать изъ за стола, и уволочь сосѣдку свою въ другую комнату. Генрихъ остался одинъ съ Г. Габомъ. Естьлибъ я не боялся, что узнаетъ обо мнѣ Левизажъ, говорилъ онъ самъ въ себѣ, то воспользовался бы симъ случаемъ и произвелъ бы въ дѣйство намѣренія свои. Чортъ возьми жену со всѣми ея претензіями! сказалъ ему Габъ: и такъ она тебя впутала въ благородную кровь, и сдѣлала тебя сродникомъ какого нибудь Лорда въ сотомъ колѣнѣ? — Это такая честь, на которую я не имѣю ни малѣйшаго права, отвѣчалъ ему Генрихъ. — Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Позволено ли мнѣ спросить васъ, изъ какой вы фамиліи, и какое носите на себѣ званіе? Дружество, съ какимъ учинилъ онъ вопросъ сей, одушевило Генрихову надежду и придало ему смѣлость говорить. Представя себѣ,

что его не узнаютъ подъ чужимъ именемъ, открылъ онъ положенїе дѣлъ своихъ, и просилъ должности въ канторѣ его.

Г. Габъ изъявилъ изумленїе свое, что онъ не нашелъ пособїя въ любви Г. Буржеса, коего достатокъ и знакомства могли доставить ему великїя выгоды. Генрихъ отвѣчалъ ему съ скромностїю, что онъ познакомился съ Квакеромъ въ тотъ самой день, въ которой и съ нимъ. Сїе признанїе столько понравилось Габу, что онъ удвоилъ довѣренность свою къ молодому человѣку, которой, казалось ему, исполненъ былъ чистосердечїя. Къ щастїю Генрихову Г. Габъ имѣлъ большїя владѣнїя въ Западной Индїи, и тамошнїй прикащикъ его возвращался въ Англїю по причинѣ худаго состоянїя здоровья своего, что самое весьма разстроивало дѣла его. Онъ назначилъ сїе мѣсто Дельмору, но напередъ предопредѣлилъ его къ другому труднѣйшему.

Дворянское общество сговаривалось провести лѣто въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пользуются цѣлительными водами. Хотя у Гжи. Габъ и былъ загородной домъ въ окружностяхъ Лондонскихъ, но для важности ея несовмѣстно было мѣшаться съ мѣщанами, между тѣмъ какъ отборные люди уѣдутъ въ Бригтельмстонъ, куда въ сей годъ ѣхалъ Принцъ Валлійской. Приготовленія къ сей поѣздкѣ причиняли уже многіе споры; Софія также ѣхала, и отецъ ея обѣщался сотовариществовать ей. Но распоряженія другаго рода, кои надобно было скрыть отъ Гжи. Габъ, приводили въ великое замѣшательство мужа, не умѣвшаго согласить однѣ съ другими, не навлекши на себя гнѣва жены своей и не подвергшись многимъ неудобствамъ. Естьли Г. Конвай захочетъ занять мое мѣсто, чтобъ чрезъ то получить назначенное ему въ Ямайкѣ, то я отвращу затрудненія, говорилъ самъ въ себѣ Габъ; но надобно будетъ ему скры-

вать свое положенїе и продолжать играть ролю знатнаго человѣка, а то мы не сдѣлаемъ ничего добраго. Онъ сообщилъ намѣренїя свои Дельмору, который весьма обрадовался, что будетъ имѣть случай составить себѣ щастїе посредствомъ прилѣжанїя своего къ трудамъ, но не радъ былъ тому, что ему должно быть проводникомъ такой женщины, коей капризы были ему извѣстны. Естьли когда нибудь узнают, что я ношу на себѣ чужое имя, присовокупилъ онъ, то стыдъ мой отъ того сдѣлаетъ меня неспособнымъ защищать ввѣряемыхъ вами мнѣ дамъ, и меня будутъ подозрѣвать въ такихъ намѣренїяхъ, кои противны честному человѣку... — Пустое! довольно съ васъ того, что я съ удовольствїемъ ввѣряю вамъ свое семейство; никто не имѣетъ права въ то вмѣшиваться. Старайтесь жить пышно, то ни одинъ человѣкъ не осмѣлится спросить васъ о вашихъ титлахъ и родѣ; я доставлю вамъ средства

содержать себя по примѣру знатнаго человѣка, и никогда не забуду той услуги, которую вы мнѣ окажете.

Не смотря на доказательства Г. Габа, Генрихъ не могъ рѣшиться способствовать такому замыслу, коего скрытность казалась ему подозрительною. Удивившись, что благоразумной человѣкъ уговаривалъ молодаго человѣка занять такое мѣсто, которое отецъ и супругъ долженъ бы былъ повѣрить искреннему своему другу, просилъ онъ позволенія прежде совершенной своей рѣшимости подумать о томъ, и обѣщалъ ему учинить на сіе отвѣтъ на другой день поутру. Габъ согласился, и Генрихъ возвратился на свою квартиру, гдѣ узналъ, что Монтгомерія во весь день не было дома, и что достойной его хозяинъ сотовариществовалъ ему.

ГЛАВА 32.

Караульня.

Дельморъ прождалъ Монтгомерія до полуночи, въ которое время Мак-Дугаль приходомъ своимъ домой разогналъ его страхи. Безпокоясь, что не было съ нимъ Монтгомерія, сошелъ онъ внизъ, чтобъ навѣдаться объ немъ. Видъ, взоры и молчаніе Мак-Дугалево увеличили безпокойства его. Скажи мнѣ, говорилъ онъ ему твердымъ голосомъ, что ты сдѣлалъ съ моимъ другомъ? — Я не знаю и знать не хочу, отвѣчалъ ему Шотландецъ съ грубостію; онъ плутъ, и я думаю, что и товарищъ его не лучше. — Ахъ ты бездѣльникъ! не уже ли ты смѣешь думать, что можно обидѣть меня безъ наказанія? Вмѣстѣ съ сими словами послѣдовали тузы, и Дельморъ и Шотландецъ повалились на полъ. На крикъ ихъ прибѣжала Гжа. Мак-

Дугаль изъ подземной своей кухни, но не вмѣшалась въ ссору.

Жена Мак-Дугалева была родомъ изъ Ирландіи, и хотя вышла за Шотландца, но ненависть ея къ Каледонской націи не менѣе отъ того застарѣлась. Привыкши противорѣчить ему, а еще болѣе къ худымъ его поступкамъ съ нею, весьма рада была, что достойнаго ея супруга нѣсколько поколотили; однакожъ не смѣла объявить себя противъ него. Увидя, что онъ не вставалъ съ земли, подняла она крикъ, разбудившій сосѣдей. Когда вошло столько людей, что можно было засвидѣтельствовать, то Мак-Дугаль воспріялъ свое мужество, и послалъ жену свою за констаблями. Тщетно Дельморъ разсказывалъ, какъ было дѣло: никто не слушалъ его; и какъ онъ не имѣлъ никого, кто бы поручился по немъ, то и принужденъ былъ итти въ мѣсто, опредѣленное для возмутителей общаго спокойствія, гдѣ онъ

былъ свидѣтелемъ такихъ сценъ, кои приводятъ человѣчество въ трепетъ. Тамъ видѣлъ онъ забіяку, распутную женщину и вора, проклинающихъ безсиліе свое уменьшить строгость стражей своихъ, кои дали бы имъ свободу, естьли бы они имѣли способъ купить чее. Тамъ съ печалію взиралъ онъ на жертву обольщенія, едва вышедшую изъ младенчества и носящую на себѣ въ одно время и впечатлѣніе порока и невинность такого возраста, которой имѣетъ нужду въ помощи. По мѣрѣ, какъ онъ проходилъ мимо воротъ сего нечистаго хранилища, полицейскіе служители дѣлали величайшія насилія.

На дорогѣ подошли къ нимъ три молодыя дѣвушки; констабли остановили ихъ, и когда одна изъ нихъ переговорила съ ними, то онѣ получили позволеніе продолжать свой путь. Вскорѣ послѣ сего попалась имъ на глаза четвертая, едва ли имѣвшая четырнатцать лѣтъ. Кон-

стабли потребовали у ней подати, платимой подругами ея въ безпутствахъ; но какъ она не могла удовольствовать ихъ, и напоминала о своей щедрости въ предъидущую ночь, то ударили ее палкою по головѣ и сдѣлали тяжкую рану. Генрихъ, вознегодовавши на ихъ жестокость, кричалъ, грозилъ, и наконецъ просилъ подать ей помощь; но никто не внималъ его прозьбамъ, и бѣдная нещастливица лежала на землѣ въ обморокѣ. Страхъ, что они убили ее, и угрозы Генриховы донести на нихъ, напослѣдокъ принудили ихъ стащить ее въ караульню, гдѣ дали они ей проглотить водки. Она открыла глаза, плакала, и жаловалась на жестокую боль въ головѣ; кровь изъ ней свистѣла, и текла по лицу ея. Ради Бога, вскричалъ Дельморъ, сыщите Лѣкаря. (Но никто не слушалъ его.) Какъ! не уже ли вы попустите погибнуть нещастное твореніе, не возъимѣвши объ немъ жалости? Главной изъ кон-

стаблей отвѣчалъ: да кто заплатитъ Лѣкарю за трудъ, что онъ придетъ сюда? — Я, отвѣчалъ ему Генрихъ; пусть онъ придетъ поскорѣе, и я все беру на себя. — Эдакъ вы никогда не будете богаты, возразилъ командиръ подлымъ образомъ. Чтожъ бы онъ еще сказалъ, естьли бы онъ зналъ, что сокровище, на которое Генрихъ столько былъ щедръ, состояло въ трехъ шилингахъ и шести сольдахъ? Одинъ шилингъ достался уже двоимъ бѣднякамъ, дрожавшимъ отъ стужи у порога караульни, и коимъ нечего было въ сей день ѣсть; за другой шилингъ доставилъ онъ молодой дѣвушкѣ прїемъ у варваровъ, разможжившихъ ей голову; и такимъ образомъ для удовлетворенїя требованїямъ алчнаго Лѣкаря остался у него одинъ шилингъ и шесть сольдовъ.

Понеже вы беретесь заплатить Доктору, продолжалъ начальникъ, то этотъ человѣкъ позоветъ его сюда. (Этотъ человѣкъ былъ тотъ,

которой ударилъ молодую дѣвушку.) — Кто? этотъ человѣкъ? спросилъ у него Генрихъ съ изумленнымъ видомъ. — Я тотчасъ сбѣгаю за нимъ, отвѣчалъ ему драчунъ. — Хорошо, сказалъ ему Дельморъ, смотря на ушибенную, находившуюся въ жалкомъ состояніи. Ахъ! вскричала она, оставьте меня лучше умереть. Жизнь для меня тяжка. Я ничѣмъ не обидѣла того, кто поступилъ со мною столь жестоко. Я только напомянула ему, что въ прошедшую ночь вмѣсто монеты въ шесть сольдовъ ошибкою дала ему полугинею, и надѣялась, что онъ нынѣ ничего не потребуетъ отъ меня; но онъ насмѣялся надо мною и прибилъ. Увы! я погибаю отъ бѣдности . . . Генрихъ шарилъ въ своемъ карманѣ, чтобъ дать ей на хлѣбъ; но не нашелъ уже тамъ ни сольда, и сверьхъ того увидѣлъ, что украли у него часы. Въ сію минуту вошелъ Лѣкарь, послѣдуемый констаблемъ, которому Генрихъ долженъ былъ за-

платить за ходьбу, что увеличило ужасъ его положенія.

Тщетно требовалъ онъ украденныхъ у него вещей; тщетно представлялъ, что никто не подходилъ къ нему, кромѣ сихъ людей, опредѣленныхъ для соблюденія порядка; никто не слушалъ его. Начальникъ притворился спящимъ, а прочїе насмѣхались надъ его жалостїю къ шишиморамъ и непотребнымъ дѣвкамъ. Начальникъ, вдругъ возвысивши голосъ, приказалъ выгнать бездѣльницу, причинившую всѣ эти хлопоты. Съ другой стороны Лѣкарь ругалъ Генриха, и грозилъ ему пожаловаться на него судьѣ, предъ котораго приведенъ онъ будетъ поутру. Констабли, видя, что уже имъ нечѣмъ болѣе поживиться, заснули.

Дельморъ не былъ столь спокоенъ. Ночная тишина привела ему на память всѣ сцены, коихъ былъ онъ самовидцомъ. Подумавши объ нихъ, началъ онъ разсматривать причину, приведшую его въ сїе мѣсто. Безпо-

койства его объ участи друга своего, которой не замедлилъ бы прилетѣть къ нему на помощь, естьли бы онъ былъ свободенъ, удвоились. Онъ дѣлалъ объ отсутствіи его тысячу заключеній, равномѣрно приводившихъ его въ страхъ. Будучи волнуемъ безпокойствомъ и боязнію, прохаживался онъ по караульнѣ широкими шагами, не уважая крѣпко спавшихъ констаблей. Подошедши по случаю къ окну, увидѣлъ онъ сквозь желѣзныя рѣшетки нѣчто бѣлѣющееся и движущееся; когдажъ онъ подошелъ поближе, то одинъ боязливой и тихой голосъ говорилъ ему, чтобъ онъ его выслушалъ. Это была молодая дѣвушка, которая сказала ему, чтобъ онъ, когда приведутъ его предъ судью, не забылъ обвинить въ покражѣ часовъ его Гинтера, человѣка въ синемъ кафтанѣ. По томъ она съ робостію ушла.

Слово судья напомнило Дельмору о предъидущемъ приключеніи, доведшемъ его до суда, и сіе напоминаніе

не поощряло его послѣдовать данному ему совѣту. Онъ не зналъ, какое налагаемо было наказанїе за обиду, въ коей обвиняли его; но довольно извѣстенъ былъ, что безъ друзей и безъ денегъ онъ будетъ жертвою коварства. Лишенъ будучи пособія, которое онъ надѣялся получить отъ продажи часовъ своихъ; не зная объ участи Монтгомерїевой, и не въ состоянїи будучи заплатить тѣхъ издержекъ, кои можетъ быть навлечетъ заключенїе его въ тюрьму, видѣлъ онъ одно только приращенїе бѣдствїй въ послѣдующемъ за симъ времени, естьли не приметъ предложенїй, учиненныхъ ему Г. Габомъ. Нехотѣнїе его, вымучивать себѣ уваженїе подложнымъ именемъ, уступило нуждѣ. Надежда получить мѣсто посредствомъ небольшаго принужденія принудила его играть ролю, предписываемую ему Г. Габомъ. Настоящее приключенїе было такого роду, что могло вредить его замысламъ по причинѣ недовѣрчивости,

каковую оно должно было произвесть; слѣдовательно снова испровергало его надежду вывести себя изъ замѣшательства. Не зная, на что рѣшиться, продолжалъ онъ прохаживаться до тѣхъ поръ, какъ удержалъ его отъ того нечаянной приходъ расторопнаго Мак-Дугаля. Учиненной ему отличной пріемъ показывалъ тѣсное дружество, существовавшее между констаблями и честнымъ Шотландцомъ; а довольное количество вина, которое онъ принесъ имъ въ вознагражденіе того, что онъ прервалъ сонъ ихъ, доказывало, что онъ зналъ способы дѣлать ихъ сговорчивыми.

По окончаніи шопотной конференціи между посѣтителемъ и посѣщенными, начальникъ подошелъ къ Генриху и сказалъ ему ласковымъ голосомъ: молодой баринъ! вы не знаете послѣдствій дѣла, которое можетъ для васъ быть вредно, и подвергнуть васъ тому, что вы увидите свое имя обезчещеннымъ къ

стыду вашихъ сродниковъ . . . (Генрихъ продолжалъ свое прохаживанье, не удостоившi и взглянуть на него.) Судьи наши весьма строги противъ возмутителей спокойствiя такого гражданина, которой платитъ подати, налагаемыя Парламентомъ; у васъ, какъ кажется, нѣтъ денегъ, и васъ непремѣнно отошлютъ въ тюрьму. Я, будучи на вашемъ мѣстѣ, кончилъ бы дѣло полюбовно; Мак-Дугалъ человѣкъ доброй; онъ не требуетъ большаго, какъ только чтобъ помириться съ вами. (Генрихъ наблюдалъ глубокое молчанiе.) Я уговорилъ Мак-Дугаля отказаться отъ преслѣдованiя, которое онъ имѣетъ право чинить противъ васъ . . . Полно, полно, не будемъ объ этомъ болѣе говорить . . . Хотя я и на многое отваживаюсь, давая вамъ свободу; но когда вы подпишетесь подъ мировою, то прочее я беру на себя . . . Я человѣкъ доброхотной . . . Мнѣ непрiятно будетъ, когда такой пригожiй молодецъ, какъ вы, будетъ въ

Бридвелѣ чесать ленъ. Г. Мак-Дугаль весьма досадуетъ . . . — Что я не переломалъ ему реберъ, отвѣчалъ ему Генрихъ съ яростнымъ видомъ. Какъ скоро вы будете поступать съ нимъ такимъ образомъ, возразилъ ему полицейской, то вы пропадете; мое дѣло сторона. Щастливъ онъ, вскричалъ Шотландецъ, что любовь Христіянская одерживаетъ верьхъ надъ злопамятствомъ! Я прощаю тебя, молодецъ; но постарайся оправдать свой проступокъ предъ собственными своими глазами.

Генрихъ легко проникъ причины, приводимыя снизходительнымъ Шотландцомъ, которой говорилъ такимъ образомъ для того, чтобъ отлынять отъ его тумаковъ Однакожъ Дельморъ, желая поскорѣе кончить такое дѣло, которое впутывало его въ разныя ссоры, и получить свободу отыскать то мѣсто, въ которомъ находился другъ его, принялъ учиненное ему предложеніе, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ Мак-Дугаль увѣдомилъ его о Монт-

гомерїевой участи. Послѣ величайшихъ обнадеживанїй наконецъ узналъ онъ изъ грубыхъ Шотландскихъ выраженїй, что Монтгомери приведенъ былъ Мак-Дугалемъ въ картежной домъ, гдѣ онъ послужилъ игрушкою плутамъ. Естьлибъ онъ послушалъ моихъ совѣтовъ, примолвилъ коварной Шотландецъ, то онъ не игралъ бы; но я прощаю ему за то, что онъ принудилъ меня послѣдовать его примѣру, и вы найдете у себя письмо отъ него . . . — Сыщите мнѣ его и принесите тотчасъ сюда, вскричалъ Дельморъ. — Мы тотчасъ сходимъ, отвѣчали ему двое констаблей, естьли вы заплатите намъ напередъ . . . Или естьли вы подпишетесь подъ мировою, примолвилъ начальникъ. Генрихъ согласился на то, и получилъ позволенїе вытти.

ГЛАВА 33.

Новой опытъ благоразумія морскаго Офицера.

По возвращеніи Дельморовомъ домой подошла къ нему Гжа. Мак-Дугаль съ такою учтивостію, которая должна была удивить его. Онъ нашелъ на столѣ письмо слѣдующаго содержанія:

Любезной мой Конвай!

„У меня въ другой разъ отняли „все то, что я ни имѣлъ. Мак-„Дугаль бездѣльникъ, имѣющій связь „съ шайкою плутовъ. Я троихъ изъ „нихъ наказалъ примѣрнымъ образомъ, „а еще болѣе доказалъ бы дружбу „приведшему меня въ сіе адское „мѣсто, естьлибъ онъ не ускольз-„нулъ отъ руки моей. Я разломалъ „столъ, но сіе удовлетвореніе не „заплатитъ за наемъ нашей квар-„тиры, и не доставитъ намъ средствъ „къ прокормленію себя. Я предна-„значенъ къ понесенію бѣдности, и

„не хочу впутывать васъ въ свои „нещастія. Остается мнѣ одна „надежда: главной изъ моей фамиліи „получилъ во владѣніе имѣніе свое и „чинъ. Сказываютъ мнѣ объ немъ, „что онъ благороденъ и великоду-„шенъ; можетъ быть будетъ онъ „щедрѣе къ родственнику своему во „второмъ колѣнѣ, нежели каковъ „былъ предшественникъ его къ бли-„жайшимъ своимъ сродникамъ. Есть-„ли онъ приметъ меня, естьли „утвердитъ за мною Поручьское „мое мѣсто, и естьли послѣ моихъ „нещастій настанетъ щастіе, то „вы получите обо мнѣ извѣстіе; въ „противномъ же случаѣ вѣчное молча-„ніе скроетъ имя мое отъ всей зем-„ли; но вы всегда будьте увѣрены „въ искреннемъ моемъ дружествѣ. Я „не смѣю упоминать о любезной мнѣ „особѣ; однакожъ естьли бы вы могли „читать въ моемъ сердцѣ, то вы „увидѣли бы, что раскаяніе мое въ „проступкахъ моихъ равняется съ „нѣжнѣйшимъ чувствованіемъ къ той,

„отъ коей я недостоинъ быть люби-
„мымъ. Возьми, любезной мой Конвай,
„оставшийся въ комнатѣ моей скарбъ,
„и не забудь оставить свой адресъ
„хозяину трактира подъ знакомъ
„Золотаго креста.„

Сердце Генрихово терзалось, что онъ не скоро увидится съ неосторожнымъ Монтгомеріемъ. Изъ всѣхъ благъ земныхъ нѣтъ столь желательнаго, какъ имѣть друга, раздѣляющаго наши нещастія; онъ преимущественнѣе даже того, коего щастіе позволяетъ облегчать ихъ. Генрихъ, устремивши глаза на письмо, продолжалъ орошать его своими слезами, какъ Гжа. Мак-Дугаль попросила позволенія войти; онъ согласился на то, но съ такимъ видомъ, которой изъявлялъ неудовольствіе его. Сердечно я рада, милой мой, сказала она ему, отворивши двери, что ты возвратился сюда, и что я могу нѣсколько поговорить съ тобою безъ вѣдома моего мужа. Онъ великой беззаконникъ, и не

стоитъ того труда, чтобъ сломили ему шею. Мнѣ весьма бы досадно было видѣть повѣшеннымъ такого великорослаго и статнаго молодаго человѣка, какъ ты, и столь много схожаго съ нашими пригожими Дублинскими молодцами. Естьлибъ Макъ-Дугалъ лежалъ теперь растянувшись на полу, о которой ты его грянулъ, то я довольна бы была этимъ дѣйствїемъ, и съ радостїю вспоминала бы о томъ днѣ, въ которой душа его отправилась бы въ чистилище. Чортъ меня возьми, естьли бы я только подумала отпѣть по немъ панихиду, хотя бы это стоило и одного только шилинга. Горе мое! я не буду имѣть щастїя дожить до сей щастливой минуты. Ахъ, любезной мой! когда будешь ты вдовцомъ, то не вѣрь . . . — Какое же имѣешь ты до меня дѣло? спросилъ ее Генрихъ съ пасмурнымъ видомъ. — О! очень важное, отвѣчала она ему, залившись слезами.

Ахъ, Г. Конвай! мнѣ кажется, что этотъ стоявшій здѣсь Г. Монтгомери есть мой бѣдной маленькой Карлъ, котораго я кормила молокомъ своимъ въ то время, какъ я вскармливала сына своего Ванюшу. Мнѣ сказали, что этотъ маленькой Карлъ утопленъ и убитъ былъ Неграми; не можете ли вы увѣдомить меня объ немъ? Естьли это онъ и воскресъ для того, чтобъ быть когда нибудь окрадену негодяемъ моимъ муженькомъ, то и я скажу вамъ, что Г. Банвель даетъ пятьдесятъ гиней въ награжденіе тому, кто извѣститъ его объ немъ, живъ ли онъ, или умеръ.

Награжденіе! вскричалъ встревоженной Дельморъ: за что? что онъ сдѣлалъ? — Ахъ, милой мой! онъ ничего такого не сдѣлалъ, что бы стоило труда говорить о томъ: онъ ушелъ только изъ отцовскаго дому, для того что онъ умиралъ тамъ съ голоду. Но родня его теперь богата, и ей хочется знать, что

съ нимъ сдѣлалось; это въ обычаѣ у насъ въ Ирландіи; а въ вашей Англіи не такъ водится: у васъ богатой убѣгаетъ бѣднаго сродника; но что намъ до этого дѣла? Ты знаешь, что Агличане смѣются надъ нами Ирландцами; но мы можемъ имъ тѣмъ же отплатить.

Сія язвительная издѣвка доброй Ирландки произвела въ Дельморѣ выгоднѣйшее мнѣніе объ умѣ ея; онъ посадилъ ее, и изъ услышаннаго имъ отъ ней о Монтгомеріи узналъ, что она была его кормилицею; по томъ показала она ему газеты, въ коихъ въ прошедшемъ году публиковано было слѣдующее объявленіе: — „Естьли Г. Карлъ Монтгомери, „меньшой сынъ почтеннаго Августа „Монтгомерія, бывшій въ Дублин„скомъ училищѣ, и въ чинѣ Унтеръ„Офицера вступившій въ службу „на кораблѣ . . . которой въ . . . „году претерпѣлъ кораблекрушеніе, „и находился по томъ въ числѣ при„ставшихъ къ мысу Доброй Надежды;

„естьли вышесказанной Карлъ Монт-
„гомери живъ, то можетъ адресо-
„ваться къ Р. Банвелю, Эскиру,
„живущему въ нижней Гросвенорской
„улицѣ, отъ коего узнаетъ онъ
„нѣчто для себя выгодное. Естьли
„же другой кто можетъ увѣдомить
„помянутаго Р. Банвеля о вышеписан-
„номъ Карлѣ Монтгомеріи, тотъ
„получитъ въ награжденіе пятьдесятъ
„гиней.„

Какъ мнѣ досадно, вскричалъ Дельморъ, что ты не увѣдомила о семъ друга моего! — Да могла ли я это сдѣлать? отвѣчала ему Ирландка. Я не прежде вспомнила о томъ, какъ когда ты столь хорошо отстрапалъ Мак-Дугаля. Понеже бѣднаго моего Карла нѣтъ здѣсь, то сдѣлай мнѣ удовольствіе, сходи со мною къ Г. Банвелю, отъ коего я получу деньги, обѣщаемыя имъ тому, кто увѣдомитъ его объ участи вскормленика моего; я поѣду въ милую свою Ирландію, а Шотландецъ мой пусть отдаетъ въ наймы покои

столь долго, сколько ему угодно будетъ.

Я сказалъ уже, что Мак-Дугаль, родившійся на сѣверномъ Твидскомъ берегу, былъ, по собственному своему мнѣнію, праводушнѣйшій въ свѣтѣ человѣкъ и ни мало неспособный нарушить священныя права честности. Онъ оказалъ тому опыты въ разныхъ случаяхъ, и никогда не поступалъ въ противность интересамъ своимъ. Хотя онъ и имѣлъ на сердцѣ составить себѣ щастіе, но не могъ, по примѣру своихъ соотчичей, проложить себѣ дороги къ вышшимъ въ правленіи должностямъ, а однакожъ былъ хитръ, твердъ и хладнокровенъ, такъ какъ свойственно Шотландцамъ. Сіе нещастіе тѣмъ чувствительнѣе было, что онъ для достиженія своей цѣли ничего не опустилъ; ибо онъ и женился на такой вдовѣ, которая принесла ему въ приданое только что большую роспись долгамъ, кои нажилъ покойной супругъ ея. Вдова не обманула

его: поспѣшность Мак-Дугалева, боявшагося потерять свою добычу, не дала ей и мѣсяцу времени на оплаканіе смерти своего мужа. Бѣдная жена, спустя только мѣсяцъ послѣ втораго своего брака, изъ бѣшенства Мак-Дугалева узнала положеніе дѣлъ своихъ. Раздосадованъ будучи тѣмъ, что она принесла ему въ приданое только что домашнія мебели, продалъ онъ ихъ обойщику, и уѣхалъ было въ Глазковъ, въ намѣреніи добраться до Шотландскихъ горъ; но удержанъ былъ отъ того нечаяннымъ пріѣздомъ Гжи. Мак-Дугаль, проникшей его замыслы. Радостное сіе свиданіе торжествовано было ссорою, на которой бѣдная Анна чуть было не отправилась на тотъ свѣтъ; но послѣ они помирились, и возвратились въ Лондонъ, гдѣ въ теченіе семи лѣтъ Ирландка работала и ругала своего мужа, которой съ своей стороны щечился около публики и колотилъ жену свою.

Шотландская предусмотритель-ность не попустила ввѣрить другимъ такого числа денегъ, отъ коего можно было получить себѣ выгоду. Лишь только Генрихъ отведенъ былъ въ караульню, то и принесено было на квартиру его письмо отъ Монтгомерія. Хотя посланному и наказано было не отдавать его никому другому, какъ только самому Дельмору; однакожъ Мак-Дугаль умѣлъ обмануть его, и узналъ содержаніе письма. Когда жена его при воззрѣніи на подпись увѣрила его, что Монтгомери былъ тотъ младенецъ, котораго она кормила, и также увѣдомила его о породѣ и фамиліи Порутчиковой, то Мак Дугаль и началъ надѣяться, что онъ, возвратившн его родственникамъ, получитъ отъ того величайшія выгоды. Онъ приступилъ къ исполненію своего намѣренія тѣмъ, что воспрепятствовалъ полицейскимъ производить дѣло, задерживавшее Дельмора въ тюрьмѣ; по томъ побѣжалъ

искать Монтгомерія въ тотъ домъ, куда онъ отвелъ его; но не нашедши его тамъ, обошелъ всѣ трактиры и всѣ тѣ мѣста, гдѣ стояли суда, назначенныя въ Ирландію, и вездѣ навѣдывался объ искомомъ имъ человѣкѣ. Увидя же себя обманутаго въ своемъ чаяніи, пошелъ онъ къ Г. Банвелю для полученія тѣхъ денегъ, кои Анна ласкалась уже имѣть въ своемъ карманѣ. Г. Банвель отказалъ ему въ томъ, естьли онъ не отведетъ его къ женѣ своей, и естьли она не подтвердитъ истинны учиненнаго имъ повѣствованія; почему и пришли они вмѣстѣ въ Оранскую улицу въ то самое время, какъ Гжа. Мак-Дугалъ на будущемъ своемъ щастіи воздвигала прекраснѣйшіе воздушные замки.

Г. Банвель, разспросивши обо всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся до рожденія Монтгомеріева, и увѣдомившись о поведеніи Мак-Дугалевомъ, грозилъ подвергнуть его наказанію; однакожъ заплатилъ ему

обѣщанное награжденіе, и приведши Генриха въ ближній кофейной домъ, далъ ему между прочимъ знать, что у Монтгомерія есть сестра въ Индіи, гдѣ она вышла за Г. Несбита, мужа той госпожи, съ которою сія сестра предприняла путешествіе для поправленія своего состоянія; что Г. Несбитъ чрезъ короткое время по пріѣздѣ своемъ лишившись первой жены своей, женился на другой, и что по томъ умерши, отдалъ ей все свое имѣніе, выключая двацати тысячь фунтовъ стерлинговъ, кои онъ предопредѣлилъ для другихъ. Гжа. Несбитъ, присовокупилъ онъ, осталась въ Индіи для приведенія въ порядокъ нѣкоторыхъ дѣлъ; но она возложила на жену мою, сестру Г. Несбита, разныя коммисіи, отъ коихъ зависитъ ея спокойствіе, и кои желаетъ она видѣть исполненными прежде возвращенія своего въ Англію. Худой успѣхъ коммисіи, касающейся до Монтгомерія, о чемъ она была увѣдомлена, принудилъ было ее сна-

чала рѣшиться отказаться отъ своего отечества; но убѣжденія наши заставили ее отправиться къ намъ, и мы съ часу на часъ ее ждемъ.

Генрихъ былъ въ отчаяніи, что другъ его по неблагоразумію своему лишалъ себя удовольствія видѣть состояніе свое перемѣнившимся. Надѣясь, что это только нѣкоторая отсрочка ожидающаго его щастія, вознамѣрился онъ увѣдомить Софію о семъ благополучномъ приключеніи, и отказался обѣдать у Г. Банвеля, чтобъ съѣздить въ Довгетъ-Гилъ.

Дѣвица Габъ была уже въ залѣ, гдѣ она ожидала матери своей. Генрихъ, нашедши ее одну, вручилъ ей письмо, коего не имѣлъ онъ случая отдать ей вчера. Софія прочла письмо сіе со слезами; но мѣсто слезъ ея заступили живѣйшіе радостные восторги, когда Дельморъ разсказалъ ей слышанное имъ отъ Г. Банвеля о будущей участи Монтгомеріевой. Не это щастіе, вскричала она, сдѣлаетъ мнѣ его любезнѣйшимъ; но вы знаете

упорство моей матери; мнѣ хотѣлось не оскорбить ее такимъ выборомъ, котораго бы она не одобрила. Простодушïе ея изображалось въ производимыхъ ею движенïяхъ для сокрытïя преодолѣвавшей ее страсти. Генрихъ увеселялся ея замѣшательствомъ, но Г. Габъ нечаяннымъ своимъ приходомъ лишилъ его удовольствïя, неизвѣстнаго тѣмъ, кои не знаютъ прелестей чувствительности. Онъ выслалъ свою дочь подъ предлогомъ, чтобъ она сказала своей матери, что ему хочется обѣдать прежде четырехъ часовъ. Ну! сказалъ онъ Генриху шуточнымъ тономъ, буду ли я имѣть честь принять въ свой домъ знатнаго человѣка? У Генриха не было ни копѣйки, почему и отложилъ онъ въ сторону самолюбïе свое, и сдѣлалъ поклонъ, дававшïй знать, что онъ принимаетъ предложенïя его. Между симъ временемъ вошли въ залу Гжа. Габъ и Софïя. Габъ подошелъ къ нимъ, и сказалъ имъ, что Г. Конвай хочетъ по благо-

снизхожденію своему пожить у него въ домѣ до тѣхъ поръ, какъ онъ приведетъ въ порядокъ нѣкоторыя важныя дѣла.

Гжа. Габъ разсыпалась въ комплиментахъ, и довольна была прозорливостію своею, что проникла то высокое достоинство, въ какомъ родился Г. Конвай. Чѣмъ болѣе доказывала она выгоды онаго, тѣмъ болѣе унижала тщеславіе Генрихово. — Когда вы окажете намъ свою милость и будете нашимъ жильцомъ? спросила она его съ почтительнымъ видомъ. — Не обѣщались ли вы мнѣ переѣхать завтра? возразилъ Габъ, взглянувши на Генриха. — Такъ, такъ, завтра . . . — Я прикажу приготовить для васъ комнату, сказала Гжа. Габъ, бросивши на Генриха удовольственной взглядъ. Но Генрихъ не слишкомъ былъ доволенъ; не смотря на похвалы женнины и учтивости мужнины, чувствовалъ онъ отвращеніе, которое дѣлало его несноснымъ самому себѣ; однакожъ

онъ скрылъ печаль свою, и ушелъ ранѣе обыкновеннаго, подъ видомъ, чтобъ распорядить свою переѣздку. Габъ предъ выходомъ его изъ залы сказалъ ему на ухо, чтобъ онъ на другой день поутру въ десять часовъ пришелъ въ его кантору.

ГЛАВА 34.

Приставническої домъ.

Генрихъ, опечаленный тѣмъ, что поступалъ въ противность своимъ правиламъ, а еще болѣе тѣмъ, что должно было итти въ Мак-Дугалевъ домъ, котораго онъ терпѣть не могъ, ходилъ по городскимъ улицамъ съ задумчивымъ и прискорбнымъ видомъ. У него не было и столько денегъ, чтобъ заплатить за ночлегъ въ другомъ домѣ; онъ долженъ былъ за недѣлю за наемъ той комнаты, которую занималъ въ Оранской улицѣ; онъ оставилъ тамъ пожитки свои, единственное пособіе распла-

титься съ Мак-Дугалемъ, прежде нежели могъ войти въ службу Гжи. Габъ; ибо онъ почиталъ себя за слугу ея въ назначаемой ему должности; словомъ сказать, тысяча отчаянныхъ мыслей мучили его, когда онъ, поворачивая въ ту улицу, которая вела къ квартирѣ его, вопрошенъ былъ однимъ человѣкомъ: не вы ли называетесь Г. Конваемъ? Въ сіе же самое время подошелъ другой человѣкъ. Генрихъ посмотрѣлъ на нихъ и отвѣчалъ первому, что онъ въ самомъ дѣлѣ называется Конваемъ. Когда такъ, возразилъ послѣдне-пришедшій, то прошу итти за мною; я имѣю приказъ задержать васъ. — Этому статься не льзя, отвѣчалъ ему Генрихъ; я никому и ничего не долженъ, и безъ сомнѣнія ты ошибся. — Это ваше дѣло, а мое состоитъ въ томъ, чтобъ исполнить данной мнѣ приказъ. Томъ! сказалъ онъ своему товарищу, приведи сюда извощика; дворянину не должно итти къ приставу пѣшкомъ.

Хотя Генрихъ не бывалъ еще въ такихъ случаяхъ, однакожъ зналъ, что безполезно будетъ противиться; притомъ же увѣренъ будучи, что его принимали за другаго, коему предназначена была оказываемая ему честь, сѣлъ на извощика и веселился ошибкою, ведшею его въ тюрьму. Пріѣхавши къ воротамъ дому, назначеннаго для должниковъ, оказалась другая трудность: никто изъ честной компаніи не имѣлъ ни копѣйки для заплаты извощику. Какъ! столь хорошо одѣтому дворянину нечѣмъ расплатиться съ извощикомъ? вскричалъ главной придверникъ. — Нечѣмъ, отвѣчалъ ему Генрихъ съ холодностію. — По крайней мѣрѣ вы бы должны были сказать мнѣ о томъ, возразилъ другой, прежде нежели я пошелъ за извощикомъ. — Ты не посовѣтовался со мною. — Я надѣюсь, что естьли у васъ нѣтъ денегъ, такъ есть пріятели. — И того нѣтъ. — Тьфу къ чорту! хороши мы теперь! вскричалъ другой придвер-

никъ: естьли у васъ нѣтъ ни пріятелей, ни денегъ, ни кредиту, то не думайте вытти отсюда, и вы безъ сомнѣнія надѣетесь прожить нѣсколько времени въ тюрьмѣ. — Посмотримъ, отвѣчалъ ему Генрихъ, бросивши удовольственной взглядъ на желѣзныя рѣшетки, находившіяся въ окнахъ приставническаго дому. — Я не вижу, чему бы смѣяться, заставивши насъ платить вашему извощику, вскричалъ главной придверникъ; но какъ мы привезли васъ сюда, то вы и проведете здѣсь ночь. Послѣ сего вошли они въ одну комнату, или лучше сказать въ поварню, гдѣ сидѣла краснорожая женщина и готовила чай.

Какъ скоро взглянула она на колодника, то встала и попросила его напиться съ нею чаю. Ну къ чорту съ твоимъ чаемъ! возразилъ ей человѣкъ, имѣвшій у себя приказъ. Дворянинъ не имѣетъ нужды въ чаю. Тотчасъ столикъ былъ отнятъ, и женщина приняла другой видъ. Ну!

продолжалъ онъ, что дѣлается съ барынею? Генрихъ понялъ тогда, что сїя важная особа былъ хозяинъ дому; а та, которую онъ столь учтиво спрашивалъ, была милая его половина. Барыня находится въ томъ же мѣстѣ, куда ты привелъ ее, отвѣчала ему жена его съ сердитымъ видомъ; она плачетъ, кричитъ... — Посмотримъ, сказалъ Трапъ (такъ звали тюремщика), подходя къ дверямъ ближней комнаты. Генрихъ, любопытствуя увидѣть происходящее въ семъ покоѣ, взглянулъ въ ту сторону, куда пошелъ Трапъ. Какое было его изумленїе, когда онъ увидѣлъ черты Клары Элтонъ, находившейся тогда въ той комнатѣ, въ которую вошелъ Трапъ! Будучи въ недоумѣнїи, не во снѣ ли онъ это видитъ, или не обманываетъ ли его воображенїе, наблюдалъ онъ молчанїе, и забылъ о собственныхъ дѣлахъ своихъ, а занялся только тою мыслїю, что бы могло Клару привести въ сїи мѣста. Онъ размышлялъ

еще о томъ, какъ вошли въ его комнату два человѣка, и по томъ пошли туда, гдѣ заключалось все то, что ни было для него драгоцѣннѣйшаго на землѣ. Онъ шелъ за ними безъ всякаго намѣренія, и увидѣлъ Клару, но двери заперли, и онъ могъ взглянуть на нее только что мѣлькомь. Тогда-то узналъ онъ жестокость страсти своей къ Кларѣ. Онъ поблѣднѣлъ и затрепеталъ, силы его оставили, онъ упалъ на стулъ и едва не пришелъ въ обморокъ. Гжа. Трапъ побѣжала искать воды; но жалобы и стенанія, выходившія изъ ближней комнаты, возстановили его силы; онъ бросился къ дверямъ, вышибъ ихъ, очутился передъ Кларою и бросился къ ногамъ ея. Послѣ гласа радости и изумленія начались вопросы о томъ ужасномъ приключеніи, которое привело ее въ сіи мѣста. Не уже ли Г. Франклинъ умерь? спросилъ онъ ее.

Заботливость и замѣшательство Генрихово были столь пріятны Кларѣ,

что она не могла осердиться на упрекъ, заключавшійся въ послѣднемъ вопросѣ. Встаньте, сказала она ему, и ободритесь; не меня держатъ здѣсь колодницею, а нещастную Гжу. Напперъ.

Хотя дѣвица Элтонъ раздѣляла нещастія своей пріятельницы, однакожъ Генрихъ слышалъ Жемимины стенанія и ея матери. Заимодавцы воспитательницыны не хотѣли принять поручительства, предлагаемаго имъ дѣвицею Элтонъ, и сіе-то столь сильно опечаливало ее: удивительное дѣло, ибо она неоднократно уже сидѣла въ приставническомъ домѣ. Тщетно мать своими прозьбами, а дочь слезами, старались смягчить Г. Суфлея, главнаго кредитора: онъ упорно отвергалъ росписки несовершеннолѣтней дѣвицы, и хотѣлъ, чтобъ тотчасъ заплачено ему было, а иначе Гжа. Напперъ останется въ тюрьмѣ, что и возбуждало гнѣвъ ея на такого человѣка, котораго она упрекала во всякихъ порокахъ.

Но чтобъ Читатели мои не были столько же несправедливы, то я долженъ уведомить ихъ, что сей самой Г. Суфлей целые четыре года снабжалъ воспитательницу, дочь ея и пансіонерокъ, всякими новыми модами, не могши принудить ихъ заплатить ему за нихъ, хотя оне и получали за то отъ питомицъ своихъ деньги, и употребляли оныя на другія прихоти. Тронутъ будучи темъ, что за его снизхожденіе дурачатъ его, осердился, и захотелъ кончить дело съ такими женщинами, кои не щадили его. Негодованіе его на нихъ увеличено было еще темъ, что оне употребляли во зло ту приверженность, которую имела къ нимъ молодая наследница.

Слезы Гжи. Напперъ темъ более трогали сердце Генрихово, что онъ виделъ текущія слезы своей Клары. Она не бросала уже на него суровыхъ взглядовъ, такъ какъ делала сіе въ Виндзоре; но каждой разъ, какъ на него взглядывала, изобража-

лась въ глазахъ ея пріятная томность. Онъ былъ первымъ предметомъ ея выбора, и когда она увидѣлась съ нимъ въ Этерѣ, то уже приняла намѣреніе въ его пользу; послѣ сего времени оказался онъ виновнымъ въ толь многихъ проступкахъ, что она не смѣла уже заниматься имъ, боясь, что онъ не будетъ соотвѣтствовать тому выгодному мнѣнію, каковое она приняла объ немъ. Тщетно старалась она забыть его: сердце ея всегда держало Дельморову сторону; и такимъ образомъ во время свиданія своего съ нимъ у Трапа почувствовала тщетность всѣхъ тѣхъ усилій, кои она прилагала для восторжествованія надъ мучившею ее страстію.

Генрихъ, обладаемый такимъ чувствованіемъ, которое они скрывали еще другъ отъ друга, обнялъ Клару, такъ что она ни мало не воспротивилась тому. Радость, что они сошлись вмѣстѣ, одержала верьхъ надъ любопытствомъ узнать причины,

доставившія имъ настоящее ихъ щастіе. Любезная моя Клара! вскричалъ онъ, пододвигая къ ней стулъ: какъ могу я похулить тотъ поступокъ, которой доставилъ мнѣ случай увидѣться съ вами послѣ столь продолжительнаго отсутствія? Произнесши сіи слова, взялъ онъ другой стулъ, и сѣлъ подлѣ нее, не спрашивая о томъ, что должно дѣлать Гжѣ. Напперъ для выведенія себя изъ хлопотъ. Желаніе быть на свободѣ вознаградило за сіе забвеніе; Гжа. Напперъ предоставляла Генриху такую милость, которой не могла она получить отъ мнимыхъ друзей своихъ. Г. Суфлей! вскричала она вдругъ, естьли вы не почитаете законнымъ поручительство дѣвицы Элтонъ, то вотъ Г. Дельморъ, которой не откажетъ мнѣ въ сей услугѣ, естьли только не предпочтетъ ссудить меня тѣми деньгами, коими я вамъ должна. Сдѣлаете ли вы сію милость? примолвила дѣвица Напперъ, взглянувши на Генриха съ плѣняющею улыбкою.

Генрихъ, сидѣвшій подлѣ Клары, и державшій прекрасную ея руку въ своей рукѣ, а другою облокотившійся о спинку ея стула, естьли бы обладалъ тогда Имперіею, или былъ бы Пасторомъ у Г. Франклина, то 73 фунта стерлинговъ, должныхъ Г. Суфлею, тотчасъ были бы заплачены; но онъ имѣлъ только что чувствительную душу, да пустой кошелекъ. Онъ согласился быть порукою по ней, и дѣло приходило уже къ концу, какъ Трапъ сдѣлалъ знакъ Суфлееву повѣренному, чтобъ онъ вышелъ за нимъ. По минутномъ отсутствіи они возвратились, такъ что повѣренной не имѣлъ ни малѣйшей перемѣны въ чертахъ своихъ; но скоро послѣ сего доказалъ, что онъ умѣлъ притворяться, и отвергнулъ поручительство Дельморово.

Вопль Гжи. Напперъ опять началъ раздаваться въ стѣнахъ тюремныхъ. Богъ съ вами, сударыня! сказалъ ей Трапъ; у Г. Конвая, или Дельмора, ибо вы его такъ называете,

довольно и своихъ дѣлъ, не вмѣшиваясь въ чужїя дѣла. Ему быть за васъ отвѣтчикомъ! ему ссудить васъ деньгами! ему надобно бы было имѣть ихъ прежде самому для себя. Я бьюсь объ закладъ, что у него нѣтъ ни копѣйки. Онъ, такъ какъ и вы, мой колодникъ, и я еще бьюсь объ закладъ, что вы вмѣстѣ препровождены будете во Флитскую тюрьму.

Одно и тоже чувствованїе изображалось на лицахъ дамскихъ, но по различнымъ причинамъ. Гжа. Напперъ, досадуя на свою неудачу, выговаривала Дельмору за презрѣнїе, съ какимъ говорилъ онъ о такомъ мѣстѣ, въ которомъ самъ держанъ былъ колодникомъ, и отмстила такимъ образомъ за то, что не могла вовлечь его въ свою погибель. Дѣвица Напперъ, тронута будучи тѣмъ, что безполезно употребила оружїе кокетства, взглянула на Генриха съ презрѣнїемъ, и начала ходить по комнатѣ съ важнымъ видомъ.

Клара, коей Генрихъ держалъ руку до самаго нещастнаго открытія его положенія, взяла его руку, и съ нѣжностію пожавши ее, спросила его, правду ли говорилъ тюремщикъ.

Не забудьте спросить у него, примолвила дѣвица Напперъ наглымъ тономъ, по какому случаю находится онъ въ семъ мѣстѣ, и какою добрюю компаніею отправленъ сюда? Дельморъ во всякое другое время заставилъ бы ее краснѣть за безчеловѣчіе свое; но онъ держалъ Кларину руку по собственному ея согласію, и прочее ничто не трогало его.

Точно ли вы перемѣнили имя? спросила у него дѣвица Элтонъ. Я надѣюсь, что вы не сдѣлались виновнымъ въ такомъ дѣлѣ, которое кажется всегда подозрительнымъ, и которое не было бы согласно съ тѣмъ мнѣніемъ, какое имѣлъ опекунъ мой о простодушіи вашемъ. Генрихъ легко могъ увѣдомить ее, что онъ для того перемѣнилъ имя, чтобъ укрыться отъ Лавиніи, и она не подосадо-

вала бы на то; но страхъ, чтобъ она не отгадала причины того, воспрепятствовалъ ему отвѣчать ей. Чего вы боитесь? продолжала она. Для чего вы, любезной мой Генрихъ, лишаете меня удовольствія раздѣлить печали ваши? Вправду ли вы задолжали? сколь велика та сумма, за которую велѣли васъ задержать?

Это былъ такой вопросъ, котораго Генрихъ не учинилъ еще и самъ себѣ; онъ думалъ, что его взяли вмѣсто другаго кого нибудь, котораго велѣно задержать подъ стражею; онъ видѣлъ Клару, и съ тѣхъ поръ все на свѣтѣ было для него ничто. Въ сію самую минуту Клара смотрѣла на него съ нѣжностію, онъ пожималъ ея руку и цѣловалъ оную: могъ ли же онъ заниматься другимъ чѣмъ? Клара краснѣла, Генрихъ наблюдалъ краснорѣчивое молчаніе; но Трапъ, никогда не терявшій изъ виду случая исполнить должности своего мѣста, зачалъ говорить, и сдѣлавши Дельмору знакъ лѣвымъ

глазомъ, сказалъ Кларѣ, что баринъ посаженъ въ тюрьму за двенатцать гиней.

Генрихъ видѣлъ въ приказѣ имя Конвай, написанное съ именами Ричарда Роу и Жана Доу, не полюбопытствовавши узнать имени гнавшаго его заимодавца. Наконецъ спросилъ онъ у Трапа, по чьей прозьбѣ онъ задержанъ? — По прозьбѣ Г. Мак-Дугаля, честнѣйшаго человѣка въ Англiи, отвѣчалъ онъ ему. — Какъ! этотъ плутъ смѣетъ шутить надо мною такимъ образомъ! . . . — Прочтите этотъ приказъ, и посмотрите, обманываю ли я васъ. Гнѣвъ Генриховъ равнялся съ его изумленiемъ. Повѣренной Суфлеевъ попросилъ прочесть приказъ; по томъ оборотившись къ Генриху, сказалъ ему: я имѣю честь ходить по дѣламъ Г. Банвеля, и кажется могу изъяснить вамъ ту загадку, которую столь трудно вамъ отгадать. Мнѣ препоручено отъ Г. Банвеля донесть завтра поутру въ Полицiи на Г.

Мак-Дугаля въ злоупотребленіи имъ довѣренности, въ плутовствѣ и другихъ обидахъ, учиненныхъ вамъ и другому дворянину; онъ безъ сомнѣнія старается отдалить столь важнаго свидѣтеля, какъ вы; но я отвѣчаю за васъ Г. Трапу, и вы явитесь къ суду въ столь много трогающемъ васъ дѣлѣ.

Хотя Г. Латитатъ и Г. Трапъ часто во многомъ были согласны, но въ семъ случаѣ были совсѣмъ различнаго мнѣнія. Тюремщикъ, видя расположеніе повѣреннаго, притворился, что имѣетъ нужное дѣло, и тотчасъ вышелъ изъ комнаты. Минуту спустя, жена его увѣдомила Латитата, что онъ пошелъ со двора по приказанію начальниковъ. Повѣренной яснѣе прежняго увидѣлъ, что онъ былъ другъ плуту, и понялъ тогда, что Трапъ не для чего инаго ушелъ, какъ только чтобъ выморщить денегъ за должайшее задержаніе колодника.

Г. Латитат обѣщал Генриху притти к нему завтра рано поутру, и отведши его к сторонѣ, попросил у него позволенія именем Г. Банвеля быть его банкиром на сей только день. Дельмор, боясь войти в долг, котораго заплатить не найдет может быть он средства, пришел на минуту в недоумѣніе; но надежда обратно получить часы свои одержала верьх над всяким другим разсужденіем. Послѣ нѣкоторых учтивостей Генрих принял двѣ гинеи, прося дам быть свидѣтельницами того обязательства, в какое он входил с Г. Латитатом, которой вышел оттуда с Суфлеем, ничего не опредѣливши в пользу Гжи. Наппер.

Генрих опять занял свое мѣсто подлѣ Клары. Тюрьма сдѣлалась для них обвороженными чертогами. Она не была уже для них тѣм страшным мѣстом, из коего они хотѣли бѣжать за час пред своим свиданіем. Напьемся чаю, сказала

ему Клара, а между тѣмъ разскажите вы мнѣ свои приключенія, кои, судя по вашему виду, не могутъ быть печальны. Ахъ, Клара! вскричалъ онъ, прижавши руку ея къ своему сердцу: ваши милости служатъ для меня жестокими упреками. Послѣ сего начался между ими разговоръ, и продолжался столь долгое время, что вывелъ изъ терпѣнія Гжу. Наппер и дочь ея. Жемима, вознамѣрившись отмстить за то по неизвѣстнымъ еще побужденіямъ, начала такой разговоръ, которой низвергъ влюбленнаго Генриха съ трона щастія въ бездну золъ.

Ахъ, Г. Дельморъ! вскричала Жемима: какъ щастлива эта встрѣча! я вкушаю чистѣйшую радость; но... я кажется слышала, что вы женились. . . . Такъ, точно, намъ объ этомъ сказывали. . . . Я дивлюсь, дѣвица Элтонъ, что вы еще не спросили о его Лавиніи. Молнія не произвела бы скорѣйшаго дѣйствія. Клара покраснѣла, Генрихъ поблѣднѣлъ,

руки ихъ опустились какъ бы по природному побужденію. Ты дѣльно говоришь, милая моя, вскричала печальная Гжа. Напперъ. Я надѣюсь, сударь, что супруга ваша находится въ добромъ здоровьѣ. Видъ, голосъ и взоры матери и дочери доказывали злость ихъ, внушившую въ нихъ сіи вопросы. Генрихъ ничего не отвѣчалъ; зная, что онъ оставилъ такую женщину, коей щиталъ себя обольстителемъ, почувствовалъ онъ стыдъ и смущеніе, и съ скоростію вставши съ своего стула, подошелъ воздыхая къ желѣзнымъ рѣшеткамъ, кои задерживали его въ тюрьмѣ. Устремивши глаза свои на окно, остался онъ въ такомъ положеніи, не смѣя обратить взоровъ своихъ на Клару, боясь увидѣть въ ея взорахъ осужденіе свое. Дѣвица Элтонъ съ своей стороны нашла унылой видъ тюрьмы несноснымъ для глазъ своихъ, и не заботясь болѣе о бѣдномъ Генрихѣ, просила Жемиму итти съ нею, говоря, что ей

не хочется долѣе оставаться въ столь вредномъ здоровью ея мѣстѣ.

При каждомъ дѣланномъ ею къ дверямъ шагѣ Генрихъ посматривалъ на нее изподтиха; но какъ скоро услышалъ, что дверь отдѣлила ее отъ печальнаго его мѣстопребыванія, то и предался жесточайшему отчаянію. Все напоминало ему объ усладительныхъ минутахъ, проведенныхъ имъ съ нею; на томъ стулѣ, на которомъ она сидѣла, казалось ему, напечатлѣнъ еще былъ станъ ея; онъ смотрѣлъ на нее, говорилъ съ нею, и воображеніе его представляло ее таковою, каковою онъ опять желалъ ее увидѣть. — Признайтесь, что она прелестна! вскричала вдругъ Гжа. Напперъ. — Это Ангелъ! отвѣчалъ Генрихъ. — Я всегда говаривала, что надобно было вамъ жениться на ней . . . (Генрихъ покраснѣлъ.) Но извѣстно, что браки совершаются на небесахъ (Онъ въ этомъ сомнѣвался.) Однакожъ я надѣюсь, что каждой изъ васъ бу-

детъ щастливъ въ учиненномъ выборѣ. (Это казалось ему невозможнымъ.) Что касается до дѣвицы Элтонъ, то она сама будетъ виновата, естьли не выдетъ за знатнаго и богатаго человѣка. (Онъ слушалъ ее.) Я знаю одного, которой весьма влюбленъ въ Клару. (Генрихъ вздохнулъ.) Онъ предлагаетъ ей учинить ее госпожею всего своего имѣнія . . . — Согласилась ли она на это? вскричалъ онъ съ трепетомъ. — Нѣтъ еще; она столь цѣломудренна и боязлива, что нѣтъ средства заставить ее принять рѣшительное намѣреніе. Однакожъ Клара никогда не отвергнетъ Сира Джемса Рестива, прекраснѣйшаго мущину изъ трехъ королевствъ, и даже видно, что она не имѣетъ и намѣренія къ тому. (Генрихъ мучился отъ безпокойства и ревнивости.) Ахъ! естьли бы онъ былъ въ Лондонѣ, то я не имѣла бы досады видѣть себя здѣсь. Милой человѣкъ! онъ не болѣе уважаетъ стами гинеями, какъ дру-

гой однимъ шилингомъ. — Увѣдомленъ ли Г. Франклинъ о намѣренiи Сира Джемса? спросилъ ее Генрихъ. — Нѣтъ, отвѣчала ему Гжа. Напперъ съ смущеннымъ видомъ: дѣвицѣ Элтонъ хочется, чтобъ это скрыто было отъ него до совершенiя ея брака, что воспослѣдуетъ безъ пышности. Однакожъ простите меня, что я вмѣсто того, чтобъ заняться только вами, по примѣру старухъ занялась своими дѣлами (ибо я дѣла дѣвицы Элтонъ почитаю за собственныя свои). Для чего вы не скажете мнѣ ничего о супругѣ своей? Я весьма рада бы была познакомиться съ нею. — Я не женатъ еще, сударыня, отвѣчалъ ей Генрихъ съ холодностiю. — Это кажется мнѣ удивительно; въ Эперѣ всѣ думаютъ противное . . . — Не всѣ, сударыня; Г. Франклинъ имѣетъ причины иначе думать.

Тогда хитрая школьная учительница перемѣнила тонъ и рѣчь, и просила у Дельмора прощенiя въ

шомъ заблужденіи, которое побѣгъ его съ сестрою Лавиніиною, казалось, оправдывалъ. Притомъ же, примолвила она, нещастія мои повредили мою память; видно, что мнѣ разсказывали нѣчто подобное о другомъ человѣкѣ. . Но нечаянной приходъ одной важной особы помѣшалъ Гжѣ. Напперъ продолжать.

ГЛАВА 35.

Примѣръ чувствительности сосѣда.

Сія важная особа, толь безвременно прервавшая разговоръ между Гжею. Напперъ и Генрихомъ, былъ знаменитой Пуфардо. Онъ не подошелъ уже къ Гжѣ. Напперъ съ сею почтительною учтивостію, которую онъ употреблялъ нѣкогда, приходя къ Гжѣ. *Содержательницѣ пансіона*; но поклонился ей съ оскорбительною дружественностію, и началъ жалѣть о ней, смѣшивая съ сожалѣніемъ упреки,

а съ чувствованіемъ сострадания въ ея нещастіи презрѣніе.

Пуфардо воспользовался настоящимъ временемъ для отмщенія своей *любезной пріятельницѣ* за нѣкоторыя рѣчи, говоренныя ею на щетъ его и на щетъ жены его. Ему сказано было, что она разглашала разные анекдоты о произхожденіи и дарованіяхъ его, и что между прочимъ увѣдомила сосѣдокъ своихъ, что Пуфардо, такъ какъ бѣдной Панглосъ, прошелъ множество мытарствъ, прежде нежели одно объявленіе въ Газетахъ доставило ему щастіе; ибо онъ чрезъ то женился на вдовѣ одного школьнаго приходскаго учителя въ Лондонскихъ предмѣстіяхъ. Сіи анекдоты сообщены были ему съ прибавленіями, въ коихъ употреблены были такіе эпитеты, кои расточаются на людей, извѣстныхъ по худымъ своимъ нравамъ. Какое для него торжество! Гжа. Напперъ не могла уже презирать его, и онъ имѣлъ удовольствіе осуж-

дать глупыя ея издержки, такъ что не можно ей было извиниться въ томъ.

Однакожъ и другая также причина привела его къ *Гжѣ. Содержательницѣ пансіона.* Насупротивъ его саду было пустое мѣсто, которое сосѣдка его нанимала вмѣстѣ съ своимъ домомъ и которое она обыкновенно называла *своимъ огородомъ.* Г. Пуфардо часто завидовалъ сему мѣсту, желая помѣстить на немъ свою скотину; но Гжа. Напперъ велѣла пасти тамъ корову, и ни за что на свѣтѣ не отказалась бы отъ такой роскоши, которая возбуждала зависть въ *ея другѣ.*

Пожалѣвши о нещастіи Гжи. Напперъ въ такихъ выраженіяхъ, кои давали ей знать о щастливой участи, коею онъ наслаждался, и посовѣтовавши ей быть впредь поумнѣе, началъ онъ говорить ей о главномъ своемъ дѣлѣ; но она столь была раздражена, что не могла его слушать, и платила ему за обиду

обидою. Пуфардо, не хотя терпѣть того, чтобъ такая женщина, *какова она*, обижала такого мущину, *каковъ онъ*, хотѣлъ было выпти, не кончивши дѣла объ огородѣ, какъ увидя Дельмора, вскричалъ: что это! и нашъ повѣса здѣсь? По щастію его вошелъ Трапъ въ ту самую минуту, въ которую *названіе повѣсы* стоило бы грубому дядькѣ такого наказанія, которое научило бы его почитать убожество сироты.

Трапъ назиралъ за поступками Г. Латипата, и какъ скоро увидѣлъ его вышедшаго изъ его дому, то и вошелъ въ оной; для того что ему тогда нечего было дѣлать лучшаго: извиненіе, выдуманное женою его для приданія скорому его выходу виду вѣроятности, произвело желаемое дѣйствіе. Стараніе Латипатово услужить Дельмору произвело въ Трапѣ и женѣ его мысль, что они держали у себя колодникомъ такого молодаго человѣка, отъ котораго они получатъ

знатную поживку, естьли онъ пробудетъ въ ихъ домѣ нѣсколько дней. Они должны были заставить его поплатиться за задержанїе его, за наемъ извощика и за тотъ трудъ, каковой прилагалъ тюремщикъ, чтобъ быть полезнымъ честному Мак-Дугалю, которой не гнушался доставлять ему, чѣмъ бы понагрѣть руки, отправляя ремесло шпїона и бутошника, когда представлялся къ тому случай. Притомъ же онъ обѣщалъ увѣдомить Мак-Дугаля о всемъ томъ, что произойдетъ касательно до колодника, и онъ исполнилъ свое обѣщанїе въ то самое время, когда избавилъ Г. Пуфарда отъ примѣрнаго наказанїя.

Пуфардо, осердившись, что молодой человѣкъ, коего онъ держалъ у себя изъ милости, имѣлъ дерзость возстать противъ него, грозилъ Дельмору наказать его въ свою очередь. Присутствїе Трапово придавало ему смѣлость упрекать его во мнимой его неблагодарности, и припоминать

о безчисленныхъ одолженїяхъ, оказанныхъ ему отъ него. Генрихъ на все слова его ничего не отвѣчалъ, что столько взбѣсило школьнаго учителя, что онъ потребовалъ отъ него платы за содержанїе его. Посмотрите, Г. Трапъ, вскричалъ онъ, на этого молодчика, котораго всякой почелъ бы за знатнаго человѣка, хотя онъ и величайшїй лицемѣръ, какого только можно найти въ трехъ королевствахъ.

Сїи обидныя слова произвели въ Трапѣ, слишкомъ занимавшемся своими и Мак-Дугалевыми выгодами, сильное желанїе узнать получше исторїю Генрихову. Онъ мигнулъ правымъ глазомъ, которое средство употреблялъ онъ въ подобныхъ случаяхъ, и которое значило, что онъ хочетъ говорить безъ свидѣтелей съ тѣмъ человѣкомъ, кому онъ мигалъ. Пуфардо понялъ его, и вышелъ за тюремщикомъ, которой тотчасъ узналъ болѣе, нежели сколько ему надобно было. Слѣдствїемъ ихъ кон-

ференціи было то, чтобъ выхлопотать противъ Генриха указъ для взысканія съ него суммы, изтраченной на него со времени бѣгства Гжи. Дельморъ, и которую, какъ надѣялся Трапъ, не заплатитъ за него Г. Банвель.

Хотя Пуфардо былъ глупъ и высокомѣренъ, однакожъ былъ и хитръ и пронырливъ, когда дѣло шло о его выгодѣ. Извѣстіе, полученное имъ отъ Трапа о настоящемъ Генриховомъ положеніи, умѣрило жаркое его желаніе отмстить ему, заставивши его заплатить ему за убогую пищу, которую онъ давалъ ему четыре года, и понудило отказаться отъ такого начинанія, отъ котораго онъ не получилъ бы никакой прибыли. Тщетно тюремщикъ старался вовлечь его въ сѣти; онъ усмотрѣлъ, что онъ имѣлъ въ виду только собственныя свои выгоды, и рѣшительно отказался слѣдовать его совѣту. По окончаніи конференціи положилъ онъ не терять изъ виду

огорода; почему принявши на себя веселой видъ, вошелъ онъ въ комнату для довершенія задуманнаго имъ дѣла.

Но содержательница пансіона не опустила воспользоваться его отсутствіемъ для приведенія Генриха на свои мысли и для побужденія его принять ея сторону противъ наглаго Пуфарда. Разсказавши ему всѣ соблазнительные анекдоты, кои она слышала объ немъ, и тѣ, коихъ считала себя быть очевидною свидѣтельницею, сдѣлала она ему подробное описаніе и вычисленіе подарковъ, полученныхъ имъ отъ Гжи. Дельморъ во время ея щастія, и напослѣдокъ представила ему подъ столь черными красками гнусные Пуфардовы съ нимъ поступки, что увеличила ненависть Генрихову къ безчеловѣчному педанту, столь долгое время худо съ нимъ поступавшему, и печаль его о той, которую онъ почиталъ еще какъ мать свою.

Нахмуренной видъ Гжи. Напперъ и суровые взгляды Генриховы не обѣщали ни малаго успѣху въ намѣренiяхъ Пуфардовыхъ, которой однакожъ не испугался. Онъ не щадилъ ни ласкательствъ, ни обѣщанiй. Естьли я и должна буду разстаться съ симъ огородомъ, (чего, благодаря Бога, я еще не предвижу) то ты послѣднiй тѣмъ воспользуешься.

Откровенность, съ какою она изъяснилась, снова возбудила гнѣвъ Пуфардовъ, которой не могши болѣе притворяться, опять началъ упрекать ее въ худыхъ ея поступкахъ. Не довольно съ тебя того, говорилъ онъ ей, что ты вошла въ такiе долги, коихъ никогда не можешь выплатить, но еще примѣромъ своимъ вовлекла и другихъ въ свою погибель. Не стыдно ли тебѣ торговать будущимъ щастiемъ ввѣренной тебѣ питомицы? Всѣ знаютъ о намѣренiяхъ твоихъ въ разсужденiи достойной любви дѣвицы Элтонъ . . . — При

семъ имени Дельморъ забылъ подарки, сдѣланные Пуфарду мнимою его матерью, и думалъ только о томъ, какъ бы проникнуть тайну, заключающуюся въ семъ упрекѣ. Едва смѣлъ онъ дышать, боясь, чтобъ не опустить ни одного слова изъ всего того, что школьной учитель будетъ говорить учительницѣ о сей матеріи. Какъ ты ни защищайся въ томъ, продолжалъ Пуфардо, но уже извѣстно, что ты не для чего инаго подружилась съ однимъ знатнымъ человѣкомъ, промотавшимъ все свое имѣніе, какъ только для того, чтобъ привесть въ порядокъ собственныя свои дѣла. Такъ, сударыня; ты стараешься женить его на наслѣдницѣ, ввѣренной твоимъ стараніямъ, единственно по той причинѣ, чтобъ получить себѣ отъ того барышъ.

Чувствуемое Дельморомъ къ Пуфарду презрѣніе во всякомъ другомъ случаѣ воспрепятствовало бы ему повѣрить словамъ его; но въ семъ случаѣ участіе его понуждало его иначе

думать. Это значило возбудить новую надежду въ пользу его страсти: смотря по симъ упрекамъ, не Клара, но воспитательница ея старалась выдать ее за Сира Джемса Рестива. Ему хотѣлось было узнать о томъ поболѣе, но Пуфардо ушелъ, оставя Генриха въ добычу любопытству, безпокойству и досадѣ, что онъ остается съ тою, которая старалась похитить отъ него любовницу его. Не могши ничего добиться отъ Гжи. Напперъ, убѣгавшей отъ отвѣтствованія на вопросы его, отказался онъ ужинать съ нею, и пошелъ ложиться спать въ комнату, за которую онъ заплатилъ впередъ, и въ которой приготовлена была для него дурная кроватишка, коей давали пышной титулъ *постели*.

ГЛАВА 36.

Старая Ирландская женщина.

На другой день рано поутру дѣвица Наппер въ провожанiи одного дворянина прiѣхала для освобожденiя Гжи. Наппер изъ тюрьмы.

Генрихъ тотчасъ узналъ изъ дружескаго обращенiя между симъ дворяниномъ и учительницею, что это былъ тотъ, которому назначаема была дѣвица Элтонъ. Видъ изобилiя, которое показывалъ онъ въ своемъ экипажѣ, въ ливреѣ и въ числѣ служителей, заставилъ Дельмора подумать, что Пуфардо для того только говорилъ о разстройкѣ его имѣнiя, чтобъ позбить спѣсь съ Гжи. Напперъ и болѣе досадить ей, стараясь внушить подозрѣнiе на ея честность.

Дѣвица Напперъ при выходѣ своемъ поклонилась Дельмору, присовокупивши нѣсколько колкихъ словъ въ разсужденiи того положенiя, въ ка-

комъ она оставляла его, и пошла за своею матерью, вышедшею съ довольнымъ видомъ. Генрихъ, оставшись самъ съ собою, предался было мучительнымъ своимъ мыслямъ, какъ Гжа. Трапъ увѣдомила его, что она приготовила ему завтракъ; но печаль сдѣлала его глухимъ. Не могши болѣе сносить ея докукъ, бросился онъ на свою постелю, и не прежде всталъ, какъ когда Латитатъ пришелъ сказать ему, что онъ свободенъ, и что онъ проводитъ его къ Мак-Дугалю для освѣдомленія отъ него, что за долгъ считаетъ онъ на Генрихѣ. Предъ выходомъ тюремщикъ подалъ ему щетъ, въ коемъ записанъ былъ ужинъ Гжи. Напперъ и то, что по пустому приготовлено было для Генриха. Ложь была столько груба, что не льзя было не догадаться, что тюремщикъ хотѣлъ лишить его тѣхъ двухъ гиней, коими ссудилъ его повѣренной; онъ сталъ было роптать на сіе, но ему отвѣтствовано было, что онъ дол-

женъ покориться правилу, учрежденному въ семъ домѣ, или рѣшиться остаться въ немъ.

Генрихъ, почетши за лучшее заплатить, отдалъ все то, чего ни требовали отъ него, и тотчасъ пошелъ на старую свою квартиру. Подходя къ дому, увидѣлъ онъ Анну Мак-Дугаль, на крикъ коея собралась около воротъ ея толпа народу. Нѣкоторые жалѣли объ ней, а большая часть смѣялись надъ ея жалобами. Генрихъ, не зная причины сего безпорядка, спрашивалъ о томъ у зрителей; но Анна сама разсказала ему, что мужъ ея одну часть ея пожитковъ укралъ, другую продалъ лоскутнику, а самъ уѣхалъ не простившись съ нею. Мак-Дугаль, боясь наказанія, коимъ угрожалъ ему Г. Банвель, поспѣшно укатилъ изъ Лондона, предоставя женѣ своей стараніе объ отдачѣ въ наемъ комнатъ.

Генрихъ, не въ состояніи будучи вознаградить убытокъ, претерпѣнной бѣдною Анною, хотѣлъ было

итти съ Латиташомъ къ Г. Банвелю, какъ одинъ человѣкъ подалъ ему свертокъ, въ коемъ нашелъ онъ свои часы и другія вещи, украденныя у него въ караульнѣ. Сей щастливой случай помѣшалъ ему итти съ Латиташомъ, коего просилъ онъ сказать Г. Банвелю, что онъ увидится съ нимъ завтра; по томъ вздумавши о сысканіи себѣ квартиры, простился съ Анною, которая опять начала выть. Генрихъ, тронутый жалостію и желая избавить ее отъ печали, видѣть мебели свои разхищенными при глазахъ ея, обѣщалъ помочь ей въ вознагражденіи убытковъ ея, и уговорилъ ее итти съ собою. Они сѣли вмѣстѣ на извощика и разъѣзжали по Лондонскимъ улицамъ, ища отдаточнаго покоя за сходную съ настоящимъ ихъ положеніемъ цѣну. Увидя по запискѣ, прибитой у воротъ одного дому, что тутъ отдаются въ наемъ двѣ комнаты, вошли они туда. Какое щастіе привело васъ сюда? вскричала хозяйка,

взглянувши на Анну, шедшую за Генрихомъ. Это была Ирландская старуха, воспитанная въ той же самой улицѣ, въ которой и Анна произошла на свѣтъ, и не видавшая ее со времени выхода ея за Мак-Дугаля. Добрая женщина предложила ей свой столъ, и когда узнала о ея нещастiи, то уговорила ее остаться въ ея домѣ до тѣхъ поръ, какъ положенiе ея будетъ получше; но Анна только думала о томъ, какъ бы возвратиться въ милую свою Ирландiю.

Генрихъ, видя покровительствуемую имъ женщину въ безопасномъ мѣстѣ, вышелъ для продажи часовъ своихъ, кои и сбылъ съ рукъ за двадцать пять гиней; прежде же возвращенiя домой, употребилъ онъ одну часть денегъ на покупку бѣлья и платья, а другую часть отдалъ Гжѣ. Мак-Дугаль. Послѣ сего легъ онъ на постелю съ довольнымъ сердцемъ, и на другой день рано поутру пошелъ къ Г. Банвелю, котораго

зналъ онъ еще несовершенно. Довольно было одной четверти часа поговорить съ нимъ, чтобъ открыть въ немъ достойныя почтенія качества, пріобрѣтшія ему добрую славу, коею онъ пользовался: искренность располагала его словами, а добросердечіе изображалось въ чертахъ его лица. Послѣ обыкновенныхъ учтивостей Генрихъ вручилъ ему двѣ гинеи, коими ссудилъ его Латитатъ отъ его имени, и разсказалъ ему, какимъ образомъ Латитатъ поступилъ для доставленія ему свободы. Г. Банвель вмѣсто того, чтобъ одобрить сіе, покачалъ головою, и казался недовольнымъ, что повѣренной его опустилъ Мак-Дугаля. По томъ представилъ онъ его женѣ своей и сестрамъ, кои, казалось, за удовольствіе сочли свести съ Генрихомъ знакомство; они обѣдали вмѣстѣ, и Генрихъ провелъ весь день съ ними, не думая о обѣщаніи, данномъ имъ Г. Габу.

Пришедши ввечеру на квартиру, хотѣлъ было онъ переговорить съ Гжею. Мак-Дугаль, но вмѣсто ее подали ему отъ ней слѣдующее письмо:

Почтеннѣйшій Господинъ!

„Я знаю, что вы, будучи до-„стойной любви кавалеръ, не осер-„дитесь на бѣдную Анну, отъѣзжа-„ющую въ сію минуту въ милую „свою Ирландію на кораблѣ Киллерни. „Какъ я не имѣю ничего важнаго „сказать вамъ, то осмѣливаюсь на-„дѣяться, что вы не отречетесь „выкупить портрета доброй моей „барыни, которой я заложила при „томъ случаѣ, когда имѣла нужду „въ деньгахъ, и что вы побережете „его до возвращенія моего въ Лон-„донъ. Естьлибъ вы знали, съ ка-„кими трудами могла я собрать, „чѣмъ бы заплатить проценты за „сей закладъ, то вы сжалились бы „надо мною; но я довольно за то „награждена буду, когда добрая моя „барыня возвратится на свою родину.

„Я заплачу вамъ тогда тѣ деньги, „кои вы истратите на выкупъ портрета отъ ростовщика, и буду „столько богата, что удовлетворю „за все то, чѣмъ я вамъ должна. „Капитанъ корабля Киллерни мой „соотечественникъ, почему за провозъ мой не взялъ съ меня ничего. „Я оканчиваю письмо сїе благодарностїю моею и желанїемъ вамъ „всякаго щастїя, и остаюсь покорнѣйшая вамъ.„

Анна вложила въ письмо свое росписку, взятую ею съ того человѣка, у кого заложила она портретъ въ четырехъ гинеяхъ, и записала имя его. Генрихъ, любопытствуя узнать, къ кому Анна была столь нѣжно привязана, расположился было исполнить прозьбу ея; но прежде сего надобно ему было заняться другими дѣлами, о коихъ мы поговоримъ въ слѣдующей Главѣ.

ГЛАВА 37.

Учтивой визитъ.

Уже прошло два дни, какъ Габъ приглашалъ Дельмора переѣхать къ нему въ домъ. Габъ, не видя его, подумалъ, что онъ перемѣнилъ свое намѣренїе, что весьма безпокоило его; ибо онъ имѣлъ тайное дѣло въ Лондонѣ, не позволявшее ему сопутствовать женѣ своей въ Бригтельмстонъ. Какъ никто не хотѣлъ занять того мѣста, которое онъ назначилъ для Дельмора, то и предложилъ оное сыну своему; но Капитанъ, стыдясь показаться въ публикѣ съ смѣшною матерью, всячески увертывался отъ того.

Между тѣмъ какъ Габъ размышлялъ о способахъ освободиться отъ непрїятной ему поѣздки, надежда быть отправлену въ Ямайку влекла Генриха въ Довгетъ-Гилъ. Никогда визитъ не былъ столько прїятенъ: Габъ принялъ Дельмора со всею лас-

кою такого человѣка, которой основывалъ щастіе свое на его снизхожденіи. Онъ сдѣлалъ ему пышное описаніе тѣхъ выгодъ, кои онъ доставитъ ему по возвращеніи его изъ Бригтельмстона, и далъ ему приказъ къ своему банкиру для полученія отъ него пятидесяти гиней, съ тѣмъ, чтобъ онъ употребилъ ихъ на покупку хорошаго платья и всего того, что было нужно для поддержанія принятаго имъ на себя имени.

Генрихъ соглашался тогда на требованіе Габово уже не для того, чтобъ выпти изъ убожества, но чтобъ собрать такое богатство, которое вознаградило бы Клару за предпочтеніе, естьли она дастъ ему оное предъ соперникомъ его. Чѣмъ болѣе размышлялъ онъ о томъ, въ чемъ Пуфардо упрекалъ Гжу. Напперъ, тѣмъ болѣе надѣялся, что онъ одержитъ верьхъ надъ Баронетомъ; но время, которое потребно было на приведеніе сего богатства въ сущность, и тѣ угожденія, кои онъ

напередъ долженъ былъ оказать, прогнали сїю очаровательную мечту. Естьлибъ онъ не увѣренъ былъ, что съ Гжею. Габъ поѣдетъ и Софїя, то отказался бы отъ поѣздки; и онъ занимался еще тѣмъ, какъ Гжа. Габъ вошла въ залу въ провожанїи Софїи. Не было уже возможности отпереться отъ своего слова; чрезмѣрныя учтивости жены, убѣжденїе мужа, и радость, блиставшая въ глазахъ Софїиныхъ, принудили его рѣшиться.

Гжа. Габъ, стараясь дать знать своимъ сосѣдкамъ, что одинъ знатной человѣкъ удостоилъ домъ ея своимъ пребыванїемъ, предложила Генриху ввечеру сдѣлать съ нею визиты нѣкоторымъ женщинамъ ея состоянїя. Мнѣ стыдно, говорила она ему, вводить васъ въ компанїи, столь мало сообразныя съ вашею природою; но я не могу досадить моему мужу, котораго главной порокъ есть тотъ, что онъ не имѣетъ довольно честолюбїя. Естьли бы онъ слушался меня,

то употребилъ бы деньги свои на то, чтобъ сдѣлаться Членомъ Парламентскимъ, или по крайней мѣрѣ достать себѣ титло Лорда. Я краснѣю отъ стыда, что вы должны будете появиться въ домахъ купеческихъ женъ . . . — Вы несправедливо говорите, сударыня, возразилъ Дельморъ, смѣясь глупому ея тщеславію. Она протолковала его иначе, и примолвила: *Герцогини*, *Графини* и другія мои пріятельницы знатнаго роду не неизвѣстны объ отвращеніи моемъ ставить на пригласательныхъ моихъ билетахъ то мѣсто, гдѣ я живу, зная, что оно не по мнѣ.

Габъ спокойно слушалъ безумные разговоры жены своей, и тогда только прерывалъ ее, когда отъ времени до времени пилъ за ея здоровье. Ровно въ семь часовъ взялъ онъ свою палку и шляпу и вышелъ. Посмотрите, вскричала она, онъ предпочитаетъ жить въ худой компаніи предъ тою выгодою, чтобъ быть со мною въ хорошемъ обществѣ. Однимъ

днемъ привезла я его въ собранiе Графини Басто, и имѣла досаду видѣть его тамъ безъ шпаги и въ кругломъ парикѣ. Судите о моемъ замѣшательствѣ, когда при входѣ моемъ увидѣли меня съ мущиною въ темномъ суконномъ фракѣ, и коего видъ не имѣлъ ничего отличнаго. Предложено ему было играть въ вистъ; онъ согласился, но съ условiемъ, что не болѣе будетъ играть, какъ одинъ робертъ. Въ полночь наскучилъ онъ компанiи своею позѣвотою, вынималъ свои часы, жаловался, что долго не ужинаютъ, и когда въ два часа доложили, что кушанье поставлено, то онъ смѣялся такому обыкновенiю, которое всѣ хвалятъ. Послѣ ужина начала я играть въ другомъ столѣ; но отгадайте, что сдѣлалъ Г. Габъ. Ахъ, государь мой! онъ разсказалъ свою исторiю со времени своего рожденiя до прiѣзда своего въ Лондонъ. Я такой почувствовала отъ того стыдъ, что не знала, что дѣлала, и возвратилась

домой съ лихорадочнымъ припадкомъ, которой не давалъ мнѣ съѣзжать со двора цѣлые полгода.

Къ щастїю Дельморову доложили Гжѣ. Габъ, что карета ея готова; ибо онъ не могъ бы удержаться отъ смѣха, смотря на смѣшныя ея тѣлодвиженїя, коими она сопровождала разсказы свои. Она прибавила еще нѣсколько мѣлочныхъ алмазныхъ шпучекъ къ тѣмъ, коими голова ея была покрыта, и приказавши Софїи убраться жемчугомъ, повезла Генриха въ ту часть города, гдѣ жилъ товарищъ Франклиновъ. Страхи его увеличились, когда онъ прїѣхалъ къ воротамъ того дому, коего хотѣлось бы ему поудаляться. Естьли я встрѣчусь тутъ съ дѣвицею Элтонъ, говорилъ онъ самъ въ себѣ, или естьли Г. Левизажъ узнаетъ меня, то прощай поѣздка моя въ Ямайку и всѣ мои замыслы о снисканїи богатства! Они всѣ изчезнутъ вмѣстѣ съ тѣмъ именемъ, которое я присвоилъ себѣ. Какое было замѣшательство

его, когда онъ, вошедши въ великолѣпно убранную залу, увидѣлъ тамъ Гжу. Левизажъ, дочь ея и Милорда Креспиньи, коимъ и представленъ онъ былъ подъ именемъ Г. Конвая, родственника Графу Гертфорду. При семъ титулѣ молодой Лордъ осыпалъ его учтивостями, коихъ онъ не оказалъ ему въ первой разъ, какъ видѣлъ его у Г. Габа, и отъ коихъ Генрихъ и теперь радъ бы былъ освободиться.

Честолюбіе матери дѣвицы Левизажъ, что она сроднится съ знаменитою фамиліею, заставляло ее сносить всѣ досады молодаго господина, поправлявшаго худое состояніе имѣнія своего приданымъ дѣвицы, коей презиралъ онъ родителей. Будучи внукъ такого человѣка, которой отличенъ былъ по силѣ своей при Дворѣ, лишился онъ отца своего въ малолѣтствѣ, и воспитанъ былъ своимъ дѣдомъ, которой заблаговременно далъ ему узнать всѣ преимущества знатной природы. Мать

его, знаменитая по просвѣщенному своему разуму и по страсти своей къ литтературѣ, расточила большую часть вдовьяго своего доходу на печатанїе своимъ коштомъ сочиненїй тѣхъ авторовъ, кои произведенїя свои подвергали ея сужденїю. Она возстановила Платоническую секту въ такое время, когда оплакивала еще потерю своего супруга. По томъ познакомилась она съ однимъ Италїянскимъ музыкантомъ, по имени Синьоромъ Кремонїемъ, коего прїятная скрипичная игра столько прельстила ее, что она науки свои, авторовъ, природу свою и достоинство промѣняла на гармонїю Синьора Кремонїя, и продавши права свои на знатной вдовїй участокъ, подаренной ей покойнымъ Лордомъ Креспиньи, уѣхала съ нимъ въ Италїю. Не помышляя о сынѣ своемъ и дочери, отреклась она отъ отечества своего, и оставила дѣтей своихъ на произволъ родни ихъ. Въ старанїяхъ двухъ тетокъ нашли они ту нѣжность, въ коей

отказала имъ мать ихъ; но когда молодой Креспиньи достигъ до тѣхъ лѣтъ, что могъ заниматься собственными своими дѣлами, то дѣдъ его научилъ его посредствомъ выгодной женидьбы поправить разстройку, причиненную въ имѣнiи его пышностiю и склонностiю къ забавамъ. Графиня Басто, родственница его, говорила ему о дѣвицѣ Габь; почему старой Лордъ тотчасъ послалъ предложить союзъ между внукомъ своимъ и достойною любви Софiею. Но сердце Софiино говорило въ пользу Монтгомерiя. Между симъ временемъ молодой Лордъ увидѣлъ у Гжи. Габь дѣвицу Левизажъ, и зная, что имѣнiе ея превышало имѣнiе Софiино, адресовался къ ней, и за шестьдесятъ тысячь фунтовъ стерлинговъ приданаго рѣшился взять ее за себя.

Родители будущей Графини де Креспиньи почти также вели себя, какъ и родители дѣвицы Габь, изключая, что мать сей послѣдней не занималась домашнимъ хозяй-

ствомъ, такъ какъ то дѣлала Гжа. Левизажъ Поутру находясь въ своей кухнѣ, а ввечеру въ залѣ, гдѣ изнемогала подъ тяжестїю своихъ алмазовъ, критиковала она тамъ своихъ согражданокъ, и смѣялась надъ принужденнымъ ихъ видомъ, которому она однакожъ сама подражала, не примѣчая того.

Гжа. Левизажъ, изъявивши удовольствїе свое Гжѣ. Габъ, что она видитъ ее у себя, старалась унизить ее, дѣлая подробное вычисленїе учиненныхъ ею покупокъ для свадьбы своей дочери, а особливо говоря ей о томъ степени, на которой союзъ сей возведетъ ея фамилїю. Гжа. Габъ, чтобъ отразить ударъ, наносимой ей сими подробностями, хвасталась знакомствомъ своимъ съ придворными дамами и тѣмъ уваженїемъ, какое она со временемъ будетъ имѣть, выдавши дочь свою за такого человѣка, коего знатность одержитъ, говорила она, верьхъ надъ знатностїю Лорда Креспиньи.

Между тѣмъ, какъ онѣ обѣ напрягали всѣ силы свои на изобрѣтенїе средствъ для возбужденія одна въ другой зависти, съ одной стороны дѣвица Левизажъ разговаривала съ Софїею о будущей своей великости, а съ другой стороны Лордъ Креспиньи увѣдомлялъ Генриха о чувствуемой имъ скукѣ, ѣздя къ такимъ людямъ, кои не имѣютъ и тѣни здраваго разсудка. Естьлибъ не были они богаты, продолжалъ онъ, то столько же бы бѣгалъ ихъ, сколько теперь ищутъ ихъ знакомства. Взглянитe на гнусныя рожицы этихъ двухъ старыхъ дуръ; видано ли что нибудь способнѣйшее произвесть вапоры? Безъ тѣхъ пособїй, кои находятъ въ кошелькѣ Гжи. Габь, никто изъ нашихъ знакомыхъ не пустилъ бы ее къ себѣ на дворъ. Апропо! были ли вы вчера въ театрѣ? Маленькая Теодора безподобно плясала. Лордъ надѣлалъ Дельмору много и другихъ вопросовъ, не давая времени отвѣчать на нихъ; но Гжа.

Габъ прервала разговоръ, сказавши, что она ѣдетъ въ Вестминстерскую часть, а въ самомъ дѣлѣ чтобъ отмстить надъ дочерью своею за ту печаль, которую ощущала она отъ брака, возбуждавшаго въ ней досаду.

Какъ скоро сѣла она въ карету, то и излила гнѣвъ свой, обвиняя Софію, что она непослушаніемъ своимъ споспѣшествуетъ возвышенію такихъ людей, кои рождены на низкую жизнь. Софія отвѣчала ей только что слезами своими. Ты дѣльно плачешь, вскричала она; ты сожалѣешь теперь о дурачествѣ своемъ; но я увѣряю тебя, что какъ скоро какой нибудь Лордъ посватается за тебя, то я не буду уже совѣтоваться съ тобою, и надѣюсь, что и Г. Конвай похвалитъ меня за то. Генрихъ, увѣренъ будучи, что онъ не оскорбитъ Софіи, и радуясь, что его не узнали, чего онъ страшился, соглашался на все то, на что она ни требовала одобренія его. Но щастіе его недолго продолжалось; ибо

Гжа. Габъ, отвезши дочь свою домой, непремѣнно хотѣла, чтобъ онъ ѣхалъ съ нею въ одно собранїе, гдѣ, примолвила она, найдете вы много своихъ родственниковъ.

Но это-то имянно и не позволяло ему сотовариществовать ей; онъ притворился чувствующимъ сильной ломъ въ головѣ, и при помощи увѣренїй своихъ, что болѣзнь его долго продолжится, естьли онъ не ляжетъ поранѣе, принудилъ ее оставить его дома. Оставшись же одинъ съ Софїею, началъ разговаривать съ нею о Монтгомерїѣ, и такимъ образомъ умѣлъ разогнать печаль ея. Они проговорили объ этомъ остатокъ вечера, и разстались, одобривши причины, каковыя имѣла дѣвица Габъ на отверженїе союза съ такимъ Лордомъ, которой сталъ бы презирать родителей ея.

ГЛАВА 38.

Новые неблагоразумные поступки.

Время то приближалось, въ которое должна была совершиться поѣздка Гжи. Габъ. Знатные люди уѣхали въ деревню, и Гжа. Габъ не смѣла уже показываться въ публикѣ. Сія причина, подкрѣпленная хорошимъ пріемомъ, учиненнымъ Дельмору въ тѣхъ домахъ, въ кои она вводила его, поспѣшила отъѣздомъ ея. Хотя злорѣчіе не пощадило ее, но лѣта и видъ Генриховъ разсыпали выдуманныя на щетъ ея рѣчи, а безобразіе подруги его было порукою въ добродѣтели его; но Софія, говорили, молода, достойна любви и богата. Злословамъ неизвѣстно было, что одна Клара Элтонъ царствовала въ его сердцѣ, и что никакая выгода не могла прервать очарованія, приковывавшаго его къ ней, хотя онъ не имѣлъ и надежды быть щастливымъ.

Отказъ, чинимый Генрихомъ отъ разныхъ знатныхъ союзовъ, кои были ему предлагаемы, доставилъ ему уваженіе Гжи. Габъ и довѣренность ея мужа, коего великодушіе къ нему со дня на день увеличивалось. Предупреждаемъ будучи во всѣхъ своихъ желаніяхъ, наслаждался онъ такимъ изобиліемъ, которое позволяло ему вдаваться во всякія веселости, и ссужать деньгами сына своего благодѣтеля.

Однакожъ ни спектакли, ни другія увеселенія не могли истребить изъ его памяти предмета желаній его. Стараясь узнать, принимаетъ ли Клара соперника его, два раза приходилъ онъ къ одной сосѣдкѣ Гжи. Напперъ, и надѣлалъ ей столько вопросовъ, что она увѣдомила ее о томъ. Хотя онъ и тщательно скрывалъ свое имя, но хитрая учительница угадала, что это Дельморъ. Многія причины понуждали ее воспрепятствовать ему видѣться съ Кларою; она просила

сосѣдку свою сказать ему, естьли онъ еще придетъ къ ней, что дѣвица Элтонъ уѣхала въ Этеръ, и что неизвѣстно, пришлетъ ли ее опять Г. Франклинъ въ пансіонъ ея. Генрихъ пришелъ туда въ третій разъ, и выслушалъ сію вѣсть воздыхая. Сосѣдка, примѣтивши печаль его, подала ему надежду, что какъ дѣвица Элтонъ поѣхала съ Жемимою, то можетъ быть и получитъ отъ опекуна своего позволеніе возвратиться въ Истшинъ. Онъ далъ ей полгинеи и записку, какимъ образомъ спросить объ немъ въ одномъ кофейномъ домѣ, прося ее увѣдомить его, какъ скоро пріѣдетъ дѣвица Элтонъ.

Тщетно дожидавшись извѣстія о семъ возвращеніи, отчаялся онъ получить его; безпокойство его увеличилось еще тѣмъ, что онъ не зналъ и о Монтгомеріевой участи. Печаль, чувствованная отъ того Софіею, умножила тоску его, которую наконецъ началъ онъ стараться забыть

въ разсѣяніи. Лишившись компаніи Софіиной, которая всѣхъ убѣгала, познакомился онъ съ молодыми вертопрахами, кои довели его до многихъ шалостей.

Однимъ вечеромъ, когда былъ онъ въ театрѣ съ Гжею. Габъ и дочерью ея, среди перваго дѣйствія кликнутъ былъ одинъ лакей, стерегшій мѣсто. Лакей побѣжавши упалъ, и паденіемъ своимъ причинилъ небольшой шумъ. Вниманіе публики тотчасъ отвращено было приходомъ одной весьма пригожей женщины, вошедшей въ ложу. Хорошій уборъ ея, множество покрывавшихъ ее алмазовъ и красота чертъ ея лица обратили на нее взоры Генриховы, которой не могъ повѣрить глазамъ своимъ, когда узналъ въ сей женщинѣ Лавинію Ортодоксъ. Онъ поблѣднѣлъ и затрепеталъ, видя себя столь близко отъ той, которая имѣла право возмутить спокойствіе его, испровергнуть всѣ его замыслы, и отнять у него навсегда надежду соединиться

когда нибудь съ Кларою. Что вамъ сдѣлалось, Г. Конвай? спросила его Гжа. Габъ; вы кажется нездоровы. Въ сїю самую минуту Лавинія взглянула на него, и сдѣлала ему такой поклонъ, которой напоминалъ ему о давнишнемъ ихъ знакомствѣ. Гжа. Габъ то примѣтила, и спросила у него, знатной ли природы та женщина, съ коею онъ кланялся. Генрихъ, не зная, что сказать ей, отвѣчалъ, что точно такъ; почему Гжа. Габъ поспѣшила поклониться Лавиніи съ почтенїемъ, и дочери своей приказала тоже учинить. Вниманїе публики обращено было тогда на ту ложу, въ которой была Софїя. Петиметры глазѣли на нее въ лорнеты, и многїе посматривали безчинными образомъ. Въ семъ числѣ находился одинъ молодой человѣкъ, которой казалось караулилъ той минуты, чтобъ особеннѣе дать знать о себѣ, стараясь, чтобъ Дельморъ примѣтилъ его; но Дельморъ столько занятъ былъ Лавинїею, что ему было не до него.

Изобиліе, въ какомъ онъ видѣлъ ее, произвело въ сердцѣ его надежду, что выгодное замужство освободило его отъ обязательства, которое сдѣлалось ему ненавистнымъ. Нетерпѣливо желая узнать о томъ, при концѣ втораго дѣйствія пошелъ онъ въ ея ложу.

Лавинія, тщеславясь его искательствомъ и можетъ быть желая возобновить знакомство свое съ такимъ человѣкомъ, которой столь отличенъ былъ по пріятностямъ своего стана и лица, приняла его гораздо лучше, нежели какъ ему хотѣлось. Здѣсь не мѣсто сообщить вамъ важнѣйшую часть такихъ дѣлъ, о коихъ хочется мнѣ поговорить съ вами, сказала она ему: когда придете вы ко мнѣ? — Я не могу располагать свободными своими часами, отвѣчалъ онъ ей; но естьли вы соизволите назначить мнѣ день и часъ, въ которой вамъ угодно будетъ принять меня, то я постараюсь исполнить ваши приказанія . . . —

Приказанія мои! возможно ли, что вы говорите со мною такимъ образомъ? Я живу у модной торговки въ Грикъ-Стритѣ. — Я думаю, сударыня, что вы имѣете уже другое имя? — Точно такъ: вотъ мой адресъ; я буду ждать васъ завтра въ полдни. За приказаніемъ симъ послѣдовалъ презрительной взглядъ; она тронута была холодностію, съ каковою отвѣчалъ онъ на приглашеніе ея. — Я буду имѣть честь быть у васъ въ назначенной часъ, сказалъ онъ ей, не показываясь примѣтившимъ неудовольствія ея. — Я буду ждать васъ, отвѣчала она ему поклонившись, видя его выходящаго изъ ея ложи.

Между тѣмъ какъ Дельморъ читалъ въ коридорѣ имя Вальясъ, напечатанное на карточкѣ, данной ему Лавиніею, увидѣлъ онъ подходящаго того человѣка, которой столь трудился, чтобъ дать себя ему примѣтить. Ба! это вы, вскричалъ Г. Петръ Мартинъ, взявши Генриха

за руку; ибо это былъ пронырливой Мартинъ, которой, увидя его съ Гжею. Габъ, старался воспользоваться симъ случаемъ, чтобъ доставить себѣ входъ въ домъ ея. Генрихъ, забывши о причинахъ своихъ убѣгать компанiи съ нимъ, изъявилъ ему удовольствiе свое, что увидѣлся съ нимъ, и продолжая разговаривать съ нимъ идучи, вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ ложу, и доставилъ Мартину ту честь, за которую сей послѣднiй прежде сего предлагалъ ему награжденiе, которое едва не навлекло на него палочныхъ ударовъ. Словомъ сказать, онъ представилъ Г. Петра Мартина Гжѣ. Габъ и Софiи, какъ лучшаго своего друга.

Радость, почувствованная отъ того Мартиномъ, едва позволяла ему переводить духъ; онъ, по словамъ его, упоенъ былъ такимъ щастiемъ, коего не смѣлъ онъ искать. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на обыкновенное его безстрашiе, многократно подходилъ онъ къ дверямъ ложи, не

имѣя смѣлости войти въ нее. Возгордившись, что его видѣли въ обществѣ такой дѣвицы, коей руки искали Лорды, воображалъ онъ себѣ, что онъ производилъ зависть во всѣхъ морскихъ Комисарахъ и во всѣхъ тѣхъ, кто ни смотрѣлъ на него. Но нѣкоторыя воспоминанія о прошедшемъ возмутили было на нѣсколько времени щастіе его; однакожъ замыслы его, кои составлялъ онъ минуту спустя, и щастливое будущее время, которое онъ основывалъ на семъ благополучномъ случаѣ, тотчасъ разогнали сіи тучи. Онъ старался сдѣлаться пріятнымъ, и ласкалъ тщеславію Гжи. Габъ, коей честолюбивой характеръ легко онъ проникъ. Чтожъ касается до Софіи, коея печальной видъ отнималъ у него смѣлость столь же часто говорить съ нею, какъ и съ ея матерью, то онъ предоставилъ удовольствіе понравиться ей до того времени, когда онъ покороче познакомится съ родителями ея.

Мартинъ, похваливши Гжу. Габь въ выборѣ своихъ алмазовъ; во вкусѣ, царствовавшемъ въ ея уборѣ, и также видъ ея, отличавшій ее отъ другихъ женщинъ, сказалъ ей имена всѣхъ тѣхъ, коихъ качество и достоинство заслуживали ея вниманіе. Онъ продолжалъ разговаривать съ нею съ удивительною поворотливостію, какъ вдругъ обратившись къ Дельмору, сказалъ ему: что вы думаете, Г. Конвай, о сей женщинѣ, одѣтой въ платье цвѣту д' Артуа? . . . о той, на коей столь прекрасные алмазы? . . . Прелести ея весьма хвалятъ. . . Недавно сдѣлалась она невѣстою. . . Ее рѣдко видають въ театрѣ, ибо она не имѣетъ еще надежнаго мѣста. Я бился объ закладъ, что она и мѣсяцу не продержится въ первыхъ ложахъ; мы скоро увидимъ ее во вторыхъ, а тамъ. . . — И такъ вы довольно ее знаете? спросилъ у него Генрихъ съ безпокойнымъ видомъ. — Мимоходомъ только; она на содержаніи. . . — На содержаніи!

вскричалъ Дельморъ содрогнувшись. — На содержанiи! возразила Гжа. Габъ съ негодованiемъ. Не сказали ли вы мнѣ, Г. Конвай, что она женщина знатной природы? Боже мой! и такъ я кланялась дѣвкѣ, находящейся на содержанiи! Я умираю отъ стыда. Софiя покраснѣла, Генрихъ окаменѣлъ, Мартинъ имѣлъ смущенной видъ; онъ примѣтилъ, что ему дурно будетъ, естьли онъ не поправитъ своей нескромности; почему съ обыкновенною своею уловкою спросилъ у Гжи. Габъ: да о какой женщинѣ, думаете вы, сударыня, говорилъ я? — О какой? возразила она ему, имѣя воспламененное отъ гнѣва лице. Объ этой дѣвкѣ въ алмазахъ, такъ какъ вамъ угодно называть ихъ, но кои ничто иное есть, какъ куча поддѣльныхъ камней для обманыванiя дураковъ; ибо вы видите, сударь, что они не столько походятъ на мои камни, сколько на кремни. Мартинъ, принявши на себя любопытствующiй видъ, спросилъ у ней: не

о той ли вы изволите мнѣ говорить, которая сидитъ подлѣ мущины въ черномъ платьѣ? — Точно такъ. — Ахъ, сударыня! это... это Графиня... Графиня... Я не помню ея имени, но я думаю, что вы ее знаете. Та особа, которую я показывалъ Г. Конваю, сидѣла позади сей дамы, одѣтой въ розовое платье, въ ложѣ на правой рукѣ; она вышла въ то время, какъ я разговаривалъ съ Г. Конваемъ, которой можетъ быть то примѣтилъ.

Мартинъ посредствомъ сего хитраго оборота отвратилъ Гжу. Габъ отъ злобствованія на Дельмора, а самъ избѣжалъ такой ссоры, которая могла бы сдѣлать помѣшательство въ дальнѣйшихъ его успѣхахъ. Генрихъ удивлялся присутствію его духа, но безпокоился объ участи Лавиніиной, и досадовалъ, что неблагоразуміе его подвергло Софію безчиннымъ взорамъ молодыхъ людей. Естьли Лавинія отдалилась отъ благопристойности своего пола, то

онъ былъ виновенъ въ непроститель-номъ проступкѣ, оказавши уваженїе къ развращенной женщинѣ въ такое время, когда онъ былъ въ компанїи почтенныхъ женщинъ. По томъ размысливши о томъ, что онъ можетъ статься былъ причиною ея безчестной жизни, взглянулъ на собранїе, и вообразилъ, что онъ видитъ преступленїе свое въ чертахъ людей, обезславившихся своимъ безпутствомъ, а прекрасную Лавинїю, украшенную еще своею невинностїю, въ чертахъ добродѣтельныхъ женщинъ. — *Вотъ какова она была*, говорила ему совѣсть его, *и вотъ какова она теперь*; ты не только измѣнилъ ей, но и бросилъ ее; ты подвергъ ее безчисленнымъ злоключенїямъ въ такомъ положенїи, которое соединяло тебя съ нею узами человѣчества.

Когда молодая женщина впала въ искушенїе, то слабо убѣгаетъ она сѣтей, ставимыхъ ей веселостями; за малѣйшимъ покушенїемъ слѣдуетъ пораженїе; нечувствительно падаетъ

она въ пропасть, такъ что никакая вспомогательная рука не старается предохранить ее отъ оной. Гласъ утѣшенія рѣдко касается слуха ея; ее убѣгаютъ и гнушаются воззвать къ добродѣтели. Съ какою поспѣшностію осуждаютъ ее! сколь трудно получить ей прощеніе! Воспоминаніе о проступкахъ ея служитъ преградою между раскаяніемъ ея и снизхожденіемъ, о которомъ тщетно она умоляетъ, и въ коемъ особливо нашъ полъ отказываетъ ей. Съ какою строгостію судятъ объ ней мущины, и съ какимъ остервененіемъ преслѣдуютъ ее своимъ презрѣніемъ женщины за такое нещастіе, которое во всякомъ другомъ случаѣ возбудило бы въ нихъ жалость! ибо оно часто бываетъ только что слѣдствіемъ излишней чувствительности, и которое навѣрное есть дѣло коварства обольстителева.

Тѣ женщины, коихъ лѣта, безобразіе, или строгая добродѣтель приводятъ въ безопасность отъ иску-

шенія, никогда, никогда не простятъ слабости тѣхъ, коихъ достойныя любви качества украшали бы общество, естьлибъ онѣ имѣли къ нимъ милосердіе, коего онѣ каждой день испрашиваютъ у Творца своего. Отчаяніе отъ презрѣнія, и стыдъ отъ изключенія изъ общества дѣлаютъ преступницу виновнѣйшею, и ввергаютъ ее въ бездну распутства, изъ коей ничто уже не можетъ тогда извлечь ее: она видитъ безславіе родственниковъ своихъ, и умираетъ, не будучи оплакиваема.

Мученія, произведенныя въ сердцѣ Генриховомъ сими размышленіями, изгладили изъ памяти его прелестной образъ Клары Элтонъ. Обвиняя себя въ обольщеніи и считая себя производителемъ стыда и безчестія Лавиніина, не долженъ онъ былъ и не могъ, говорилъ онъ самъ въ себѣ, надѣяться понравиться добродѣтельной Кларѣ; тщетно старался онъ извинить проступокъ свой: угрызѣнія его совѣсти доказывали

ему, что онъ виноватъ. Онъ бросалъ на Лавинію смущенные взгляды; она наблюдала скромной видъ; онъ не примѣчалъ еще въ неблагопристойной осанкѣ знака распутной жизни; но слова ея и отмѣнное ея убранство не возвѣщали ли, что скромность ея была только что завѣсою развращенія ея сердца?

Дельморъ, пришедши отъ столь пагубнаго открытія въ отчаяніе, не могъ болѣе снести взоровъ той, которую онъ погубилъ, и попросилъ позволенія удалиться; Гжа. Габъ легко дала ему оное; Мартинъ предложилъ ей вмѣсто его проводить ее до кареты. Генрихъ заперся въ своей комнатѣ, и употребилъ ночь на размышленіе, какимъ бы образомъ обратить Лавинію къ добродѣтели. Не хотя подвергнуть себя опасности видѣться съ нею, рѣшился онъ написать къ ней письмо, и предложить ей въ ономъ всевозможную помощь для отправленія ее къ родителямъ ея и для возстановленія добраго ея имени.

Между тѣмъ какъ Генрихъ занимался выдумыванїемъ средствъ къ исполненїю благоразумныхъ своихъ замысловъ, Г. Петръ Мартинъ, въ угодность Гжѣ. Габъ, старался злословить такихъ особъ, коихъ едва зналъ онъ по имени. Анекдоты, кои онъ разсказывалъ ей объ нихъ, произвели столь скорое дѣйствїе надъ грубымъ умомъ сей женщины, что она въ тотъ же вечеръ пригласила его къ себѣ ужинать, и онъ продолжалъ дѣлаться столь прїятнымъ, что наконецъ прошенъ былъ почитать домъ Г. Габа какъ бы собственнымъ своимъ, и ходить въ оной столь часто, какъ ему за благо разсудится.

ГЛАВА 39.

Ваксалъ.

Въ тотъ день, въ которой Гжа. Габъ познакомилась съ Мартиномъ, Габъ поѣхалъ за городъ для полученїя во владѣнїе одной земли, кото-

рую женѣ его вздумалось купить, для того что она лежала по близости отъ домовъ, въ коихъ жили знатныя госпожи. Между тѣмъ какъ супругъ ея занимался угожденіемъ ей, она посвятила праздные свои часы на приказаніе нѣкоторыхъ перемѣнъ въ загородномъ своемъ домѣ, кои должно было учинить по отъѣздѣ ея въ Бригтельмстонъ. Софія съ нею же ѣхала. Дельморъ не имѣлъ времени отослать письма своего къ Лавиніи: приготовленія, чинимыя Гжею. Габъ для отъѣзда въ деревню, столько занимали его вниманіе, что прошелъ тотъ часъ, въ которой онъ далъ слово быть къ дѣвицѣ Ортодоксъ.

Вотъ, говорилъ онъ самъ въ себѣ, и свиданіе мое и благоразумныя мои намѣренія изчезли на нынѣшній день. Какъ Гжа. Габъ никогда не согласна съ своими замыслами, то надобно будетъ мнѣ вознаградить свой проступокъ и самолично извиниться предъ Лавиніею; притомъ же письмо

не объяснило бы ей столь хорошо всего того, что я имѣю сказать ей; однакожъ естьли бы я написалъ къ ней . . . Приходъ Капитана Габа помѣшалъ ему принять рѣшительное намѣренїе.

Во всякое другое время онъ ушелъ бы отъ Капитана, но теперь присутствїе его сдѣлалось ему нужнымъ для разогнанїя пожиравшей его тоски. Они обѣдали вмѣстѣ. Хотя *благородной* Капитанъ зналъ, что мать его уѣхала въ загородной свой домъ, однакожъ притворился незнающимъ о томъ, и жаловался, что она оставила его безъ денегъ; онъ занялъ десять гиней у Генриха, и уговорилъ его ѣхать съ нимъ въ ваксалъ.

Всякое предложенїе сдѣлалось для него прїятно, лишь бы только освободили его отъ печальныхъ его мыслей. Такимъ образомъ безотговорочно согласился онъ на сїе, и поѣхалъ съ Капитаномъ въ ваксальные сады, не безпокоясь о томъ, въ какой онъ

будетъ тамъ компанїи. Едва только они вошли туда, какъ и подошли къ молодому Габу три женщины и одинъ мущина, и начали дѣлать ему выговоры, что онъ неисправно приходитъ на назначенныя мѣста. Генрихъ не зналъ ни достоинства ни качества говорившихъ съ нимъ; но онъ скоро примѣтилъ, что одна изъ нихъ имѣла право бранить Капитана. Это была танцовщица, другїя же находившїяся съ нею женщины были театральныя пѣвицы, а товарищь ихъ музыкантъ, родившїйся, такъ какъ и онѣ, въ щастливомъ Неапольскомъ климатѣ.

Синьоры съ *тремя услужливыми* своими *кавалерами* вошли въ одну бесѣдку, въ коей Капитанъ велѣлъ приготовить ужинъ. Ночь была прекрасная, общество многочисленное, и вездѣ виденъ былъ образъ веселїя. Въ одиннатцать часовъ прошла мимо бесѣдки, въ коей находились Генрихъ и *Синьоры*, одна хорошо одѣтая женщина. Генриху

указали ее. Праведное небо! вскричалъ онъ, я не могу убѣжать всюду гонящаго меня нещастія. Это была Лавинія, прогуливавшаяся съ одною женщиною, красота коей не уступала ея красотѣ, и которую держала она подъ руку. Какъ скоро увидѣла она Дельмора, то оставила свою подругу, и подошедши къ нему, вскричала: вотъ право кстати! понеже ты не хочешь притти ко мнѣ, то мы поговоримъ здѣсь. По томъ схвативши его за руку, уволокла въ толпу. Скажи мнѣ, Генрихъ, для которой изъ сихъ странныхъ фигуръ презираешь ты меня? спросила она у него такимъ тономъ, которой смѣшанъ былъ съ нѣжностію и досадою. Онъ увѣрилъ ее, что онъ не знаетъ ни одной изъ сихъ женщинъ, и радъ будучи, имѣя случай говорить съ нею въ присутствіи свидѣтелей, веселился тѣмъ, но она отвела его въ такую алею, по которой мало ходило людей.

Какъ скоро они пришли туда, то Лавинія разсказала ему то, о чемъ почла за приличное увѣдомить его, и скрыла отъ него нѣкоторую часть своихъ приключеній, а особливо ту, изъ которой узналъ бы онъ наклонность ея жить въ своевольствѣ; но она много настояла на жестокость его, что онъ оставилъ ее въ такое время, когда ему должно бы было помогать ей, и сказала ему, что Пасторъ Ортодоксъ послѣ родовъ ея выгналъ ее изъ родительскаго дому.

Чтожъ вы сдѣлали съ младенцемъ? спросилъ у ней Генрихъ съ торопливостію. — О! онъ родился мертвой. — Не уже ли Г. Франклинъ..? — Я . . . я . . . я не отнеслась къ нему . . . — Ахъ, Лавинія! — Могла ли бы я показаться въ Этерѣ, не подвергшись презрѣнію жителей? Тетка моя бѣдна . . . Лордъ Белвуаръ умѣлъ уговорить ее . . . Слушай, Генрихъ, ты не имѣешь права дѣлать мнѣ выговоры, ты, которой

есть причина всѣхъ моихъ проступковъ.

Генрихъ, продолжая прохаживаться съ Лавинїею, увѣрялъ ее, что онъ постарается убѣдить Г. Франклина, чтобъ онъ принялъ участїе въ судьбѣ ея, а Лавинїя просила его не принимать на себя труда сего, и вдругъ оборотившись назадъ, сказала громко: хотѣлось бы мнѣ узнать этихъ безчинницъ, кои безпрестанно гоняются за нами. Генрихъ смотрѣлъ на всѣ стороны, и увидѣлъ двухъ женщинъ, кои старались поотдалиться, и по томъ продолжали итти за ними.

Мнѣ хочется посмотрѣть имъ въ лицо, вскричала Лавинїя, побѣжавши къ нимъ; но двѣ женщины оставили прогулку, Лавинїя шла за ними, держа Генриха за руку, и въ толпѣ людей потеряла ихъ изъ виду. Минуту спустя, Капитанова компанїя соединилась съ Дельморомъ. *Синьоры* изъявили ему неудовольствїе свое за продолжительное его отсутствїе;

подруга Лавиніина увѣдомила ее, что ее ждутъ тѣ люди, кои ужинали съ ними. Капитанъ и скрипичной игрокъ спорили, между тѣмъ какъ Генрихъ прощался съ Лавиніею: Я должна разстаться съ вами, сказала она ему съ нѣжностію, но прошу васъ повидаться со мною завтра въ томъ же часу, въ которомъ я тщетно ожидала васъ севодни. Вы не можете безъ стыда отказать мнѣ въ семъ удовольствіи. Я имѣю сказать вамъ тысячу такихъ дѣлъ, отъ коихъ и ваше и мое щастіе зависитъ.

Генрихъ колебался; онъ не зналъ намѣреній Гжи. Габь, но особливо страшился обманчивыхъ прелестей Лавиніиныхъ. Воспоминаніе о нѣсколькихъ пріятныхъ часахъ, проведенныхъ имъ съ нею; красота женщины, изъявлявшей привязанность свою къ нему, и наконецъ другія еще сильнѣйшія мысли заставили его забыть Клару Элтонъ и препятствовали ему отвѣчать. Лавинія примѣтила смущеніе его: возможно ли,

сказала она ему такимъ тономъ, которой пронзилъ душу Генрихову, вѣроятно ли, чтобъ ты, котораго я столько любила, отказывался отъ свиданія съ твоею Лавиніею въ послѣдній разъ?

Въ то время, когда Лавинія хотѣла восторжествовать надъ его нерѣшимостію; въ то самое время, когда онъ пожималъ ея руку въ своей рукѣ, подошли многія женщины; одна изъ нихъ, которую велъ одинъ молодой человѣкъ, прошедши подлѣ Генриха, сильно ударила его по рукѣ. Генрихъ оборотился, и увидѣлъ, и почувствовалъ, что ударила его Клара; рука его осталась недвижимою въ рукѣ Лавиніиной, и онъ казался окаменѣвшимъ.

Какая минута для полученія отъ него отвѣта! Время понуждало, подруга Лавиніина нетерпѣливо желала итти. Придешь ли ты, Генрихъ? могу ли я ожидать тебя? повторяла она ему. Но онъ не слышалъ ее и не видѣлъ; глаза его устремлены

были на удаляющійся отъ него предметъ, наполнявшій сердце его печалію и радостію.

Лавинія, не могши добиться отъ него отвѣта, приняла важной видъ и сказала ему: хорошо же, Г. Дельморъ! естьли прозьбы мои не могутъ убѣдить васъ притти ко мнѣ, то я не прошу уже васъ объ этомъ изъ чести, а требую по праву. Естьли вы завтра въ полдни не придете ко мнѣ, то я имѣю вѣрное средство найти васъ, и вы можете ожидать моего посѣщенія. Послѣ сего оставивши Генриха въ добычу новымъ безпокойствамъ, пошла отъ него; онъ обѣщалъ ей повидаться съ нею завтра поутру, опасаясь, чтобъ посѣщеніе ея не очернило его въ умѣ высокомѣрной Гжи. Габъ.

Капитанъ не слыхалъ произходившаго между Генрихомъ и Лавиніею, выключая конца словъ ея, изъ чего заключилъ онъ, что она назначила ему свиданіе. Онъ не зналъ Лавиніи; она была молода и пригожа,

и онъ видалъ ее въ компанїи съ такою женщиною, которая давала ему поводъ надѣяться, что онъ получитъ такую же благосклонность. Онъ, стараясь показать себя человѣкомъ, живущимъ по модѣ, отвелъ Генриха въ сторону, и разсказалъ ему нѣсколько анекдотовъ, кои не оставили уже никакого сомнѣнїя о поведенїи дѣвицы Ортодоксъ.

Досадно мнѣ, сказалъ онъ Дельмору, что я привелъ любовницу свою въ ваксалъ; мы лучше бы провели время съ тѣми двумя дѣвушками, кои теперь съ вами разстались.

Любовницу свою! вскричалъ Генрихъ. Которой же изъ сихъ дамъ даете вы это почтенное титло?

Не принимайте сего важнаго вида, вы ее знаете весьма довольно: бѣдная малютка возстановила добрую о себѣ славу. Жаль мнѣ, что привязанность ея ко мнѣ сдѣлала ее смѣшною; но вы, Г. Конвай, одерживаете верьхъ надъ всѣми нами. Что съ вами сдѣлалось? Двѣ пре-

краснѣйшія изъ Лондона дѣвушки гоняются за вами по пятамъ, а вы кажется стыдитесь того.

Я мало бы сталъ утѣшаться этимъ преимуществомъ, естьлибъ и повѣрилъ тому, что вы мнѣ говорите, возразилъ ему Генрихъ. Онъ усмотрѣлъ тогда неблагоразуміе свое, пошедши съ Капитаномъ въ такое мѣсто, гдѣ всѣ видѣли его въ худой компаніи.

Посмотрите, посмотрите, кричалъ ему Капитанъ; вотъ то прелестное твореніе, которое слѣдовало за вами толь близко, когда вы прохаживались съ другою въ отдаленной алеѣ!

Боже мой! это Клара Элтонъ, вскричалъ Дельморъ оборотившись, чтобъ посмотрѣть на нее. Правду ли вы говорите, Капитанъ, что она за мною шла? — Клянусь вамъ въ томъ; она шла держась за руку сей пригоженькой дѣвушки, одѣтой въ зеленое тафтяное платье, (это была Жемима) которая старалась раз-

увѣрить ее, и утверждала, что вы не стоите того труда, каковой она прилагала, чтобъ узнать васъ.

Клара шла по сторону Жемимы, которая брала за руку Сира Джемса Рестива, видъ коего возбудилъ ревность въ Генрихѣ, а Кларинъ видъ увеличилъ тоску его.

Синьоры подошли въ то же самое время, когда и Клара шла мимо, и въ безчинныхъ выраженїяхъ изъявляли гнѣвъ свой, что онѣ оставлены мущинами изъ ихъ компанїи для такихъ женщинъ, кои, говорили онѣ, не стоили ихъ. Любовница Капитанова дѣлала ему столько упрековъ, что привлекла вниманїе мимоходящихъ. Генрихъ воспользовался симъ случаемъ, чтобъ разстаться съ Капитаномъ, и побѣжалъ въ ту часть сада, гдѣ надѣялся опять найти дѣвицу Элтонъ. Онъ увидѣлъ ее прохаживающуюся съ Жемимою, и разговаривающую съ нею о такой матерїи, которая, казалось, сильно трогала ее. Тихїе и прерывистые ихъ шаги дали

ему время разглядѣть ихъ, и перейти черезъ алею, которая прямо вела его къ той, по которой онѣ продолжали ходить. Уже онъ былъ въ виду Клары, уже рѣшился говорить съ нею, какъ данной ему по плечу ударъ заставилъ его остановиться и посмотрѣть, кто къ нему подошелъ: это былъ Г. Петръ Мартинъ, которой не далъ ему времени оборотить головы. Я весьма радъ сей щасливой встрѣчѣ, кричалъ онъ ему; куда ты идешь, другъ мой? Дельморъ ничего не отвѣчалъ ему, и продолжалъ итти, чтобъ удалиться отъ него.

Мартинъ удвоилъ шаги свои, и повторялъ тоже привѣтствіе. Генрихъ наконецъ отвѣчалъ ему: кто вамъ сказалъ, что я стараюсь встрѣтиться съ вами здѣсь? — Извините меня; я не думалъ, чтобъ присутствіе мое не понравилось вамъ; я уйду, когда вы того требуете.

Голосъ и униженной видъ, съ какимъ Мартинъ оправдывалъ себя,

легко доставили ему прощенїе, и Дельморъ первой признался, что онъ виноватъ, принявши его столь худо. Мартинъ, ободренный ласковыми Генриховыми словами, вошелъ съ нимъ въ продолжительной разговоръ, прося представить его дамамъ, съ коими былъ онъ въ ваксалѣ, и познакомить его съ молодымъ Габомъ. Генриху то было и на руку; онъ освободился отъ докучливаго человѣка, и надѣялся послѣ сего выждать время подойти къ Кларѣ. Но благопрїятной случай уже прошелъ.

Прекрасная музыка и приготовленїя къ пышному ужину въ одной хорошо убранной и освѣщенной бесѣдкѣ привлекли туда толпу людей, и Генрихъ также подошелъ туда. Какое зрѣлище для нещастнаго любовника! Сиръ Джемсъ Рестивъ съ компанїею своею вошелъ въ сїю бесѣдку, подалъ руку Кларѣ, и сѣлъ подлѣ ее съ удовольственнымъ видомъ. Генрихъ, не способенъ будучи терпѣливо перенесть щастїе своего соперника, про-

должалъ свой путь въ молчанїи, и дошедши до того мѣста, гдѣ Габъ и Италїянки пировали за столомъ, съ почтительнымъ видомъ представилъ имъ друга своего Г. Мартина.

Дамы были ласковы; мущины приняли его съ учтивостїю; но Г. Петръ Мартинъ забылъ въ сей компанїи тотъ униженной видъ, которой, какъ замѣтилъ Генрихъ, принималъ онъ съ другими людьми, и которой былъ ему свойственъ Я надѣялся было найти здѣсь Гжу. Габъ, сказалъ онъ тихонько Дельмору, садясь безъ церемонїи; посмотрѣлъ на женщинъ будто на знакомыхъ, и спросилъ у Италїянскаго музыканта: какое это вино? Вольное Мартиново обращенїе вразумило бы Дельмора о свойствѣ тѣхъ, съ кѣмъ онъ находился, естьли бы онъ прежде не разпозналъ ихъ. Безполезно уже было убѣгать ихъ въ такое время, когда глубокая ночь давала ему знать о скоромъ ихъ возвращенїи въ Лондонъ; притомъ же онъ потерялъ случай го-

ворить съ Кларою, и имѣлъ нужду разогнать свою скуку.

Сдѣлаемъ надъ самимъ собою усиліе, говорилъ самъ въ себѣ Генрихъ, садясь за столъ, уставленной всякаго рода винами. Я хотя и клялся не доходить до излишества, но я лишился Клары; и такъ надобно мнѣ утопить печаль свою въ винѣ, которое притупитъ мои чувства. Послѣ сего онъ выпилъ, или лучше сказать проглотилъ бутылку крѣпкаго вина, произнесши имя обожаемой имъ особы. Капитанъ, Петръ Мартинъ и трезвой музыкантъ послѣдовали его примѣру. Женщины смѣялись, мущины пѣли, и вскорѣ слышны были только смѣшанные голоса и хохотня. Дѣлаемой ими шумъ привлекъ на нихъ вниманіе публики; мало было завидовавшихъ имъ, а много презиравшихъ.

Въ сей безпорядочной сценѣ одинъ только Генрихъ не раздѣлялъ веселости товарищей своихъ. Единственно занимаясь тѣмъ предметомъ, кото-

раго страшился онъ лишиться, думалъ онъ только о Кларѣ, видѣлъ только что ее, слышалъ ея голосъ, и изыскивалъ средства вырвать ее изъ рукъ соперника своего. Едва лишь составлялъ онъ какой нибудь замыселъ, какъ и усматривалъ невозможность произвесть его въ дѣйство, такъ что Сиръ Джемсъ оставался спокойнымъ владѣтелемъ мѣста своего подлѣ Клары, между тѣмъ какъ Генрихъ Дельморъ продолжалъ быть игрушкою такихъ женщинъ, коихъ гнушался онъ знакомства.

Между другими рѣдкими качествами, отличавшими Г. Петра Мартина, подражанїе смѣшнымъ ухваткамъ другихъ поставляло его въ почтенной классъ шутовъ. Это было такое дарованїе, которое стоило ему нѣсколькихъ ручныхъ наказанїй, но отъ котораго получалъ онъ иногда выгоду; въ сей вечеръ употребилъ онъ его съ такимъ успѣхомъ, что заставилъ смѣяться всѣхъ смотрѣвшихъ на него, даже и на его щетъ.

Между людьми, останавливавшимися передъ бесѣдкою, въ коей Г. Петръ Мартинъ оказывалъ высокое свое дарованіе, находилась и Клара Элтонъ, которая, для лучшаго примѣчанія за Генрихомъ, спряталась позади Жемимы. Взоры ея изображали негодованіе и отвращеніе, производимыя въ ней поведеніемъ его, и послѣ встрѣтились со взорами Генриховыми; онъ узналъ ее, вскочилъ съ своего мѣста, выпилъ рюмку ликеру, съ поспѣшностію вышелъ изъ бесѣдки, и полетѣлъ за убѣгавшею его Кларою.

Съ разгоряченною отъ вина головою, и съ сердцемъ, біющимся отъ любви, бѣшенства и ревнивости, бѣгалъ онъ по всему саду, не зная, куда онъ шелъ и что дѣлалъ. Клара была въ такомъ же волненіи, какъ и Генрихъ; она шла съ дѣвицею Наппер, и ни одинъ мущина не провожалъ ее, когда Генрихъ встрѣтился съ нею на поворотѣ одной алеи, по которой рѣдко ходили; онъ подо-

шелъ къ дѣвицѣ Напперъ съ смѣлымъ видомъ, а Кларѣ почтительно поклонился.

Дѣвица Напперъ не только не осердилась за дерзость его, но еще начала разговаривать съ нимъ, и шутила надъ учиненнымъ имъ удачнымъ выборомъ, и надъ хорошею компанїею, съ которою онъ былъ въ ваксалѣ. Клара наблюдала глубокое молчанїе, и даже не удостоила и взглянуть на него. Генрихъ, ободренный винными парами и отчаянїемъ, оставилъ Жемиму, подошелъ къ Кларѣ, схватилъ ея руку, и спросилъ ее, по какой причинѣ не хочетъ она говорить съ нимъ. Клара покраснѣла съ досады, и силилась уйти отъ Генриха. Пустое! вскричалъ онъ: я непремѣнно хочу знать причину сего презрѣнїя, прежде нежели вы сыщете того щастливаго смертнаго, которой беретъ васъ за руку, не оскорбляя васъ.

Какая наглость! возразила дѣвица Элтонъ. Ахъ, милая моя Нап-

перъ! мы пропали; гдѣ найдемъ мы помощь? Боже мой! кто насъ защититъ отъ нападковъ безумца? . . . Оставьте, сударь, меня . . . покиньте мою руку, Г. Дельморъ . . . — Не бойтесь ничего; не смотря на мое безумїе, вы не подвергнетесь ни малой опасности. — Дерзость ваша доказываетъ мнѣ противное. — Дерзость моя, Клара? — Да, вскричала она заплакавъ. Онъ опустилъ ея руку и упалъ къ ногамъ ея.

Простите меня, дражайшая моя Клара! простите меня, вскричалъ онъ; я вооружился ложнымъ мужествомъ, которое не можетъ устоять противъ слезъ вашихъ; скажите мнѣ только, чѣмъ я васъ обидѣлъ, и я оставлю васъ навсегда.

Что вы сдѣлали съ своею Лавинїею?

Этотъ ли отвѣтъ на вопросъ мой? Ради Бога скажите мнѣ, принимаете ли вы предложенїя Сира Джемса Рестива, и произнесите приговоръ мой.

Кто такова та женщина, съ которою вы недавно прохаживались по сей самой алеѣ, и которая столь нѣжно пожимала вашу руку?

Ахъ, любезная моя Клара! для чего хочется вамъ увеличивать мои мученія?

Гдѣ тѣ чувствованія, коимъ я въ васъ удивлялась? Что сдѣлалось съ тою любовію, которую вы имѣли къ благопристойности? Такъ ли вы подражаете добродѣтелямъ великодушнаго опекуна моего? Не для того ли вы только притворялись быть честнымъ, чтобъ лучше обмануть? . . .

Боже мой! какое мое преступленіе, что такъ поступаютъ со мною?

Что! вы смѣете спрашивать меня о томъ? Здѣсь, въ этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ни чьи взоры не могли быть свидѣтелями вашего безпутства; здѣсь, Г. Дельморъ . . . Но я краснѣю отъ стыда, когда вздумаю, съ кѣмъ я говорю: я понесу безславіе, естьли знакомые мои увидятъ меня съ вами.

Поостерегитесь, сударыня, того, что вы мнѣ говорите . . .

Да, сударь, я повторяю вамъ, что поведенie ваше мнѣ ненавистно, и должно быть таковымъ для всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ отвращенie къ пороку. Въ послѣднiй теперь разъ дружество мое снизходитъ на то, чтобъ изъясниться съ вами. Не смотря на проступки, отъ коихъ вы не можете исправиться . . . прiятно мнѣ думать . . . что вы не ненавидите Клары Элтонъ . . . Простите! сiе признанie доказываетъ вамъ, что я никогда не увижусь съ вами, и . . . Она сдѣлала было нѣсколько шаговъ, чтобъ удалиться отъ него, и потомъ остановилась.

Генрихъ былъ еще у ногъ ея, и сокрылъ лице свое въ кисѣйномъ ея платьѣ; Клара не силилась вырваться отъ него, и продолжала давать ему благоразумные совѣты. Вы можетъ быть столько прилѣплены къ друзьямъ своимъ, примолвила она, что не примѣчаете того, что вступу-

пивши съ ними въ товарищество, изгоняете себя изъ хорошей компанїи. Порядочная женщина не можетъ допустить въ свое общество развращеннаго мущину, и не можетъ даже разговаривать съ нимъ, не запятнавши добраго своего имени . . .

Я не изъ числа этихъ презрительныхъ людей; васъ обманули; . . . кто нибудь старался очернить мое свойство; . . . клянусь вамъ, что я не столько виновенъ, каковымъ вы меня почитаете . . .

Ахъ! вспомните сїи щасливые дни, когда мы въ Этерѣ употребляли свободные наши часы на чтенїе правилъ, кои Лордъ Честерфильдъ даетъ своему сыну; вы соглашались тогда, что необходимо нужно для честнаго человѣка беречь себя даже и отъ подозрѣнїя во всемъ томъ, что можетъ вредить чести. Злорѣчїе часто увеличиваетъ проступки, но не выдумываетъ оныхъ. Мнѣ разсказывали разные анекдоты на вашъ щетъ, кои противны были благопри-

стойности, и . . . и . . . для чего не открыться мнѣ въ томъ? и сердце мое сильно было тѣмъ тронуто. Я часто старалась извинить побѣгъ вашъ изъ Этера; но видѣнное мною нынѣ . . .

Ахъ, Клара! продолжайте имѣть ко мнѣ тѣже милости! . . .

Я жалѣю о васъ отъ всего моего сердца; да, бѣдной мой Дельморъ, я жалѣла объ ослѣпленіи твоемъ каждой разъ, какъ я проходила симъ вечеромъ мимо сей бесѣдки, гдѣ ты былъ съ . . .

Позвольте мнѣ изъясниться, какимъ образомъ попалъ я въ эту компанію . . .

Ахъ, Дельморъ! не принимай сего труда . . .

Я могу увѣдомить васъ о томъ, не оскорбляя вашей чувствительности.

Хорошо! но прежде скажи мнѣ, кто такова та женщина, съ которою ты прохаживался? (Генрихъ наблюдалъ молчаніе.) Можешь ли ты

это сдѣлать, не отступивши отъ истинны?

Могу, сударыня, это была Лавинія Ортодоксъ. — Что ты говоришь? . . . Клара не смѣла болѣе говорить, боясь, чтобъ Дельморъ не примѣтилъ замѣшательства ея. Вмѣсто ее вступила въ разговоръ дѣвица Напперъ: какъ это, Г. Дельморъ! эта пригожая женщина, которая имѣетъ видъ и осанку Нимфы, есть та маленькая поселянка, о которой намъ столько говорили въ Этерѣ? Я, вообразивши, что она походитъ на сестру свою, не дивилась, что вы оставили ее: вы безъ сомнѣнія женились на ней? — Естьли онъ не сдѣлалъ этого, то онъ болѣе въ томъ виноватъ, возразила Клара почти ослабѣвшимъ голосомъ. Мущина, которой можетъ безъ страха употреблять во зло невинность, которой можетъ . . . Я содрогаюсь отъ этой мысли . . . Прощайте, сударь; вы отвѣтствовали на мой вопросъ, и я въ свою очередь увѣдомляю васъ,

что я не отвергла предложенїй Сира Джемса, — и пошла отъ него трепещущими шагами, а Генрихъ безъ чувствъ остался на томъ мѣстѣ, которое она оставила.

Земляныя пары ознобили его, и онъ опамятовавшись вскричалъ: я хочу итти за нею, хочу сказать ей, что я обожаю ее, и по томъ умереть у ногъ ея. Онъ побѣжалъ было въ ту бесѣдку, въ которой Клара ужинала, но ее уже тамъ не было, и ему сказано было, что она лишь только теперь уѣхала домой; онъ бросился къ тѣмъ воротамъ, въ кои она вышла, но не нашелъ ее, и вспомнивши ливрею Сира Джемса Рестива, пробился сквозь толпу, и побѣжалъ по Лондонской дорогѣ, не думая о Капитанѣ и Италїянскихъ пѣвицахъ, коихъ онъ дорогою проклиналъ. Поиски его были безплодны, почему и возвратился онъ въ Довгетъ-Гилъ, гдѣ сказали ему, что Гжа. Габъ прїѣдетъ завтра изъ деревни, и повезетъ его на мѣщанской

балъ, которой произходить будетъ въ одномъ Лондонскомъ трактирѣ.

ГЛАВА 40.

Влюбленной купецъ.

Генрихъ вошелъ въ свою комнату, имѣя сердце терзаемое печалію, а тѣло отягченное учиненнымъ имъ для разбитія тоски своей излишествомъ. Тщетно ласкался онъ, что сонъ успокоитъ волнующіяся его чувства; онъ оскорбилъ природу злоупотребленіемъ даровъ ея, и она наказывала его лишеніемъ величайшаго своего благодѣянія; вмѣсто изліянія на рѣсницы его утѣшительнаго для нещастныхъ бальзама, заставляла она его бодрствовать, чтобъ лучше дать ему узнать цѣну такой милости, которой не чувствуютъ, когда она слишкомъ уже оказана.

Сильная головная боль и мучительныя мысли увеличивали волненіе духа, въ которомъ Генрихъ проводилъ ночь. Подъ утро онъ за-

снулъ; но ужасныя сновидѣнія не дали ему вкусить ни малѣйшаго спокойствія. Лавинія предстала ему въ страшномъ видѣ; онъ проснулся, и вспомнивши угрозы ея, пошелъ къ ней, чтобъ воспрепятствовать ей притти къ нему, каковой поступокъ очернилъ бы его въ мысляхъ благотворителя его.

Лавинія занимала прекрасные покои у одной модной торговки, и принятое ею на себя имя, подъ коимъ тогда ее знали, написано было на доскѣ, прибиваемой надъ воротами тѣхъ людей, кои одни живутъ въ домѣ. Служанка отворила вороты, спросила у него объ имени его съ таинственнымъ видомъ, которой не удивилъ уже его, и потомъ дернула за веревочку, проведенную къ колокольчику, повѣшенному въ покояхъ.

Лишь только Генрихъ сказалъ о себѣ, какъ одинъ лакей сбѣжалъ съ лѣстницы и ухватилъ его въ свои объятія. По знакамъ радости, по-

слѣдовавшимъ за симъ опытомъ привязанности, Генрихъ узналъ голосъ Матвѣя Гудсона, коего желанїе посмотрѣть свѣтъ одержало верьхъ надъ обѣщанїемъ не выходить изъ Эпера безъ его вѣдома. При изъявленїи удовольствїя своего, увидѣвши стараго своего господина, столько онъ шумѣлъ, что Гжа. Вальясъ, или дѣвица Ортодоксъ, позвонила, чтобъ узнать тому причину. Матвѣй сдѣлалъ Генриху знакъ итти за нимъ, и заставлялъ его молчать, положивши палецъ на губы, каковой способъ употребляла мать его для наученїя его быть скромнымъ.

Отворивши двери въ комнату, увидѣлъ уже онъ себя въ объятїяхъ Лавинїи, притворившейся быть внѣ себя отъ радости, увидѣвши его у себя. Хотя она и не имѣла нужды въ уборѣ, чтобъ чрезъ то понравиться, однакожъ возъимѣла прибѣжище къ искусству, чтобъ лучше уловить его. Естьли я могла покорить его простыми прелестями натуры, го-

ворила она сама въ себѣ, то можетъ ли онъ воспротивиться мнѣ, когда я прилагаю столько труда, чтобъ сдѣлать красоту мою плѣнительнѣйшею? Но Лавинія не знала, что Генрихъ любилъ Клару, и что печаль, учинившись ей противнымъ, сдѣлала его осмотрительнѣйшимъ.

Когда старанія Генриховы и спиртъ одушевили оцѣпенѣвшія Лавиніины чувства, то приказала она подать шоколату и выслала людей своихъ. Какъ раскаяніе Генрихово утвердило ее въ тѣхъ мысляхъ, что онъ считалъ себя причиною ея безпутства, то и начала она упрекать его нещастіемъ своимъ, и приписывала ему всѣ свои напасти. Сердце Генрихово было тѣмъ тронуто; онъ старался утѣшить ее, но не употреблялъ тѣхъ средствъ, кои потребны были для полученія въ томъ успѣха. Лавинія силилась привлечь его въ свои сѣти, а Генрихъ тщился предохранить себя отъ оныхъ. Такимъ образомъ протекло три часа,

въ которое время увѣдомила она его, что послѣ родовъ ея всѣ друзья ея оставили ее, выключая Г. Франклина, къ коему не смѣла она отнестися, узнавши, что онъ Дельморъ тайно ушелъ отъ своего благодѣтеля.

Въ семъ состоянiи скудоумiя, говорила она ему, принуждена я была принять предложенiя одного стараго господина, жившаго по сосѣдству съ моею теткою . . . Онъ подалъ мнѣ помощь, въ коей вы и родственники мои отказали мнѣ, и когда зима понудила его ѣхать въ столицу, то привезъ меня съ собою, и нанялъ для меня эту квартиру. Мнѣ было бы здѣсь лучше Этерскаго житья, естьлибъ могла я наслаждаться спокойствiемъ; но васъ недостаетъ для моего щастiя.

Царствовавшая въ сихъ разсказахъ искренность заставила Дельмора повѣрить всему тому, что Лавинiя ни говорила ему; онъ ни мало не подозрѣвалъ ее ни въ какомъ намѣренiи, когда она оказывала ему

благосклонности, за кои почиталъ онъ себя одолженнымъ страсти ея къ нему. Настоящее ея положенiе казалось ему быть слѣдствiемъ перваго ея проступка, и слѣдовательно онъ одинъ былъ виновенъ въ преступленiи, гнусность коего усмотрѣлъ онъ изъ того изобилiя, въ какомъ видѣлъ тогда ту, которую почиталъ нещастною жертвою неосторожности своей.

Увѣренъ будучи, что Лавинiя уступила одной только необходимости, занялся онъ предписанiемъ ей плана реформы, надѣясь чрезъ то получить для ней прощенiе въ проступкѣ ея и милость ея сродниковъ. Для приведенiя благоразумнаго сего намѣренiя къ концу Лавинiя должна была отдать старому господину, коего была она любовницею, всѣ сiи безполезныя украшенiя, посредствомъ коихъ оказывала она безчестное свое ремесло въ спектаклях и другихъ публичныхъ мѣстахъ. Чѣмъ болѣе уборъ ея будетъ скромнѣе, тѣмъ

болѣе сродники ея и друзья увѣрены будутъ въ раскаянiи ея; онъ дѣлалъ еще ей подробное вычисленiе тѣхъ выгодъ, кои послѣдуютъ за сею реформою, какъ вдругъ услышанные ими сильные удары въ вороты возвѣстили имъ о важномъ визитѣ.

Это Милордъ! вскричала Лавинiя съ смущеннымъ видомъ; ахъ, любезной мой Генрихъ! уйди поскорѣе въ нижнюю комнату, первая дверь на право; пожалуста поскорѣе, или я пропала. Время не позволило Дельмору напомнить Лавинiи, что ей нечего было бояться присутствiя Милордова; ибо они согласились, чтобъ она отвергла благодѣянiя его. Однакожъ онъ повинулся, рѣшившись возвратиться къ ней, какъ скоро выдетъ Милордъ, и докончить планъ реформы, которой онъ только еще начерталъ ей. Онъ сошелъ съ лѣстницы, не встрѣтившись ни съ кѣмъ, и вошелъ въ залу, весьма занятъ будучи своимъ замысломъ, коего планъ распространялъ онъ по мѣрѣ,

сколько имѣлъ досугу размышлять о томъ. Другіе удвояемые удары въ вороты давали ему знать, что это были удары лакея знатнаго человѣка, и помѣшали ему думать о предпріятіи своемъ.

Въ сію минуту послышавшаяся ему въ покояхъ Лавиніиныхъ сильная сумятоха привлекла его вниманіе: тамъ отворяли и затворяли двери, и смѣшанной шумъ многихъ голосовъ заставилъ его подумать, что сіе посѣщеніе было важнѣе прежняго.

Другіе сильнѣйшіе первыхъ удары давали знать о нетерпѣливости того, кого не пускали на дворъ. Генрихъ, любопытствуя посмотрѣть ту особу, съ которою такимъ образомъ поступали, припалъ къ оконничной рѣшеткѣ, и увидѣлъ въ наемныхъ носилкахъ великорослаго, блѣднаго, сухощаваго и пожилаго человѣка. Видъ его и осанка поразили его удивленіемъ и почтеніемъ, а важные взоры внушили въ него страхъ. Генрихъ столько былъ занятъ смо-

тренїемъ на него при выходѣ его изъ носилокъ, что не оказывалъ вниманїя къ происходившему въ иномъ мѣстѣ. Благородная походка, съ какою сей старикъ подходилъ къ воротамъ; прїятная улыбка, съ какою журилъ онъ служанку, что она столь долго заставила его ждать на улицѣ, и ласковой тонъ, какимъ онъ говорилъ съ людьми своими, увеличили удовольствїе Генрихово при разсматриванїи его.

Гжа. Вальясъ утаила отъ Генриха, что и другїе, кромѣ Милорда, старались давать ей на издержки; она совершенно знала, что посѣщенїе, столько ее встревожившее, не было посѣщенїе Лорда Белвуара, которой увѣдомлялъ ее, когда онъ хотѣлъ прїѣхать къ ней; но она воспользовалась симъ предлогомъ для сокрытїя отъ Генриха распутства своего и для привлеченїя его въ новую сѣть. Къ нещастїю Лавинїи Милордъ въ сей самой день имѣлъ такїя дѣла, коихъ не могъ при-

вести въ порядокъ къ положенному часу, и какъ не хотѣлось ему ѣхать домой прежде обѣденнаго часа, то и вздумалось повидаться съ нею, въ той надеждѣ, что нечаянное его посѣщенїе доставитъ ему благодарность. Таковые случаи обыкновенны у женщинъ свойства и состоянїя Гжи. Вальясъ, но Дельморъ не зналъ еще ихъ и не подозрѣвалъ, чтобъ Лавинїя была столько въ нихъ знающа.

Когда Милордъ Белвуаръ вошелъ въ домъ, тогда Генрихъ опять началъ размышлять о скорѣйшихъ средствахъ поставить старую свою любовницу на путь добродѣтели. Но глухой шумъ у дверей той комнаты, въ которой онъ находился, снова разбилъ его мысли. Увѣряю, сударь, васъ, повторяла одна женщина, что сїя комната не принадлежитъ моей барынѣ. Пошла прочь! я хочу посмотрѣть, кто здѣсь находится, отвѣчалъ одинъ мущина, коего голосъ показался Генриху знакомымъ. Въ ту же минуту отворилъ онъ, или

лучше сказать выломилъ двери, и Дельморъ увидѣлъ входящаго Г. Габа, послѣдуемаго служанкою, которая силилась удержать его отъ того. Право, сударь, говорила она ему, (бросивши на Генриха многозначущій взглядъ) вы принимаете такую вольность, которая неприлична; сіи покои принадлежатъ одному дворянину, которой не ходитъ къ моей барынѣ; Гжа. Вальясъ никогда не проститъ васъ за это.

Габъ посмотрѣлъ на Генриха смутными глазами. Генрихъ остолбенѣлъ. — Какъ! это вы Г. Конвай! . . . вскричалъ Габъ. — Я думалъ, что вы въ деревнѣ . . . . сказалъ ему Генрихъ. — Я въ этомъ увѣренъ, возразилъ ему Габъ. На мѣсто изумленія, что онъ засталъ его у Гжи. Вальясъ, вступила ревность, которую онъ старался скрыть.

Генрихъ, не подозрѣвая дѣйствительной причины, приведшей Габа по пятамъ за нимъ, и равномѣрно не зная уловокъ, употребляемыхъ

служанками распутныхъ женщинъ для вспомоществованія своимъ хитростямъ, вообразилъ, что онъ зашелъ въ комнату какого нибудь дворянина, съ коимъ Г. Габъ имѣлъ дѣло, началъ предъ нимъ извиняться, и не примѣтилъ еще его ревности.

Габъ, вмѣсто отвѣтствованія на его учтивости, бросалъ на него яростные взоры и наблюдалъ молчаніе; но вдругъ подбѣжавши къ Генриху, вскричалъ почти задохшимся отъ гнѣва голосомъ: я хочу знать, съ коихъ поръ знакомъ ты съ Гжею. Вальясъ? Не надѣйся обмануть меня; я могу открыть истинну; естьли ты скроешь малѣйшее обстоятельство, какимъ образомъ сталъ ты вхожъ къ ней, то я поступлю съ тобою какъ со врагомъ, и ты не долженъ болѣе надѣяться на меня.

Естьли бы онъ употребилъ кротость, то Генрихъ все разсказалъ бы ему; но угрозы не могли изторгнуть изъ него тайны, которую онъ

желалъ ввѣрить одному только дружеству, такъ что слушалъ онъ Габа съ задумчивымъ видомъ, не удостоивши отвѣта ни на одинъ его вопросъ.

Габъ, разъяренный молчанiемъ, которое толковалъ онъ невыгодно для Генриха, не полагалъ предѣловъ своему гнѣву; онъ присоединилъ къ угрозамъ крикъ, и осыпалъ его такими ругательствами, что встревожилъ весь домъ; почему прибѣжала модная торговка, и соединила прозьбы свои съ прозьбами служанки, которая тщетно представляла Габу, сколько безчинное его поведенiе противно будетъ Гжѣ. Вальясъ и знавшимъ ее особамъ. Тщетно просили его говорить тише: онъ непрестанно возвышалъ голосъ, которой тотчасъ поразилъ уши Милордовы повторяемыми словами, что Генрихъ былъ любимой любовникъ. Я могу отмстить непотребной, которая меня обманываетъ; кричалъ онъ изъ всѣхъ силъ своихъ . . . Я приведу ее въ позоръ, которой она заслуживаетъ . . .

Вы не хотите, чтобъ я возмущалъ спокойствіе Милордово . . . да что мнѣ сдѣлаетъ Лордъ? деньги мои стоютъ ихъ пятидесяти . . . Пусть Милордъ заплатитъ свои долги, такъ и увидитъ, что ему останется на подарки своей любовницѣ.

Бѣшенство Габово не укрощалось, не смотря на безпрестанной звонъ колокольчиковъ въ покояхъ Гжи. Вальясъ, которая употребляла сіе средство для изъявленія ему своего гнѣва. Женщины опять начали представлять соблазнъ, какой онъ подастъ сосѣдямъ, естьли будетъ продолжать говорить такимъ тономъ, и то неудовольствіе, которое почувствуетъ Милордъ, будучи свидѣтелемъ такой сцены; но глупой и влюбленной купецъ насмѣхался надъ всѣми Великобританскими Лордами.

Изчерпавши ярость свою на того, котораго просили его уважить, напалъ онъ на бѣднаго Генриха, коему вмѣнялъ онъ въ преступленіе, что онъ ввелъ въ заблужденіе Гжу. Габъ

играемою имъ передъ нею ролею подъ чужимъ именемъ. Генрихъ, удивившись тому, что Габъ поноситъ его за такое дѣло, которое самъ ему присовѣтовалъ, бросалъ на него презрительные взгляды, продолжая наблюдать молчанiе. Поведенiе Лавинiино и ревность Габова возбудили въ немъ презрѣнiе и жалость; онъ видѣлъ въ запальчивости одного досаду, что его обманываютъ, а въ предосторожностяхъ другой пронырства непотребной женщины.

Генрихъ, увѣрившись въ дурныхъ поступкахъ Лавинiиныхъ, умѣрялъ безпокойство свое о ней по мѣрѣ видимыхъ имъ опытовъ ея распутства. Однакожъ извѣстенъ будучи, что онъ есть главная причина погрѣшностей ея, не отбрасывалъ намѣренiя своего изторгнуть ее изъ бездны грѣховной, и пособить тѣмъ злощастiямъ, кои приписывалъ онъ собственному своему неблагоразумiю.

Но какiя причины могли оправдать поведенiе женатаго человѣка,

отца семейства, коего правила должны быть согласны съ благоразумїемъ и здравою нравственностїю? Ревнивое бѣшенство Габово произвело въ Дельморѣ такое отвращенїе, что онъ не иначе могъ глядѣть на него, какъ только съ презрѣнїемъ.

Интересъ научилъ Габа, что главное достоинство купца состоитъ въ обуздыванїи своихъ страстей, въ совершенномъ знанїи цѣны акцїй, въ выгодной покупкѣ оныхъ и продажѣ. Время и опытъ научили его притворяться; онъ былъ хладнокровенъ и неусыпенъ, когда дѣло касалось до коммерцїи, и столь искусно умѣлъ скрывать склонность свою къ женщинамъ, что выключая Гжу. Габъ никто не подозрѣвалъ его въ оной.

Гдѣ тотъ человѣкъ, которой находится во всегдашней осторожности отъ любимой своей слабости? Одинъ опытной судїя рода человѣческаго увѣряетъ, что „каждой человѣкъ имѣетъ свою слабость, и что „естьли и окажется кто нибудь

„такой, которой показываетъ себя „изьятымъ отъ того, сему причи„ною то, что не достигли до того, „чтобъ узнать ее.„ Въ настоящемъ случаѣ Г. Табъ открылъ свою слабость такимъ образомъ, что не доставилъ чести ни нравственнымъ своимъ правиламъ, ни своему разсудку. Ревностїю своею къ обманывавшей его женщинѣ, и упованїемъ на честность совершенно преданнаго ему молодаго человѣка лишился онъ въ минуту плода отъ долговременнаго и труднаго притворства. Въ жару своего гнѣва открылся онъ, что онъ изтратилъ знатныя суммы для вознагражденїя той привязанности, которою Лавинїя по видимому платила за любовь его. Не умолчалъ онъ и того, что не неизвѣстно ему было, что она была любовница Лорда Белвуара, и что принимала отъ него подарки. Я знаю, говорилъ онъ Генриху, что Гжа. Вальясъ, поступая такимъ образомъ, уступаетъ только необходимости; что она при-

нуждена ласкать такого человѣка, которой обольстилъ ее и похитилъ изъ ея семейства; но для чего принимаетъ она другихъ любовниковъ? Она тысячу разъ клялась мнѣ, что имѣетъ отвращенiе къ Милорду, и что мнѣ одному принадлежитъ ея сердце.

Лордъ Белвуаръ по лѣтамъ своимъ болѣе дѣдушка, нежели любовникъ Лавинiинъ. Я моложе, присовокупилъ онъ, прiятнѣе и богатѣе; слѣдовательно Лавинiя должна была предпочесть меня; да она и увѣряла, что любитъ меня страстно. Послѣ сего я не безпокоился, что Милордъ ходилъ по одной со мною дорогѣ; но столкнуться на оной съ молодымъ человѣкомъ плѣняющаго виду есть такая обида, за которую я не могу довольно отмстить.

Габъ думалъ, что до сего времени не было у него другаго соперника, кромѣ стараго Лорда, котораго онъ презиралъ. Притомъ же честь преимуществовать предъ Лордомъ,

котораго онъ согласно съ своею любовницею почиталъ фалею, не наводила ему никакого сомнѣнія: онъ не только не ревновалъ къ нему, но забавлялся насмѣшками, кои дѣлала Лавинія надъ страстію, вдыхаемою ею въ Лорда, и вмѣстѣ съ нею смѣялся на его щетъ. Никогда не имѣлъ онъ столь высокаго мнѣнія о своей важности, какъ когда по случаю встрѣчался съ Милордомъ у Лавиніи. Презрительная улыбка его изъявляла тогда сожалѣніе его о глупости старика. Онъ трепеталъ отъ радости, размышляя о великой своей расторопности, и самое имя Лорда Белвуара, казалось, удостовѣряло его въ торжествѣ, которое онъ думалъ получить по своему достоинству, не помышляя о томъ, что онъ одолженъ былъ за него одному только вѣроломству неблагодарной распутницы. Но сражаться съ пріятностію, умомъ и ловкостію Генриха Дельмора казалось ему предпріятіемъ, превосходящимъ силы его. Не смотря на

невѣжество свое, зналъ онъ, что прекраснѣйшій изъ Англіи мущина, имѣющій отъ роду дватцать два года, всегда одержитъ верьхъ надъ сороколѣтнимъ мущиною. Естьли Дельморъ нравился Лавиніи, такъ какъ онъ имѣлъ причину подозрѣвать, то уже онъ въ свою очередь дѣлался фалею, и самъ подвергался тѣмъ насмѣшкамъ, коими онъ столь щедро награждалъ стараго Лорда. Притомъ же кто такимъ образомъ поступалъ съ нимъ? Тотъ, которой долженъ былъ оказывать ему почтеніе; такой незнакомецъ, коего облегчилъ онъ бѣдность, и пустилъ въ свой домъ подъ чужимъ именемъ.

Сіи размышленія и видъ своего соперника столько увеличили ревнивое Габово бѣшенство, что онъ казался быть сумасшедшимъ. Онъ ругалъ, кричалъ, и дѣлалъ столь великой шумъ, что вывелъ Милорда изъ терпѣнія. Удивившись, что мѣщанинъ въ его присутствіи осмѣливался поступать такимъ образомъ,

всталъ онъ съ софы, на которой разговаривалъ съ Лавинїею, и не смотря на старанїя ея удержать его, сошелъ въ ту комнату, въ которой произходилъ весь сей шумъ. Лавинїя шла за нимъ, прося его не безчестить своего достоинства при такомъ человѣкѣ, которой употреблялъ во зло снизхожденїе его; но онъ не слушалъ ее, и предсталъ предъ Габа съ такимъ видомъ, которой въ состоянїи былъ наложить на него молчанїе.

Ни гордость отъ богатства, ни мнимое превосходство, какое Габъ ласкался имѣть надъ Милордомъ, не могли поострить его дать свободу говорливости своей. Важность знатнаго человѣка затворила ротъ подлому мѣщанину, которой не осмѣлился уже насмѣхаться надъ Великобританскимъ Перомъ. Почтенїе, внушаемое достоинствомъ и знатною природою въ людей низкаго состоянїя, произвело въ Габѣ такой страхъ, что нѣсколько минутъ наблюдалъ

онъ глубокое молчаніе; но когда *Сіятельной* Лордъ спросилъ у него съ гордымъ видомъ о причинѣ шума, возмутившаго спокойствіе его, тогда Габъ забылъ, что съ нимъ говорила знатная особа, и опять принялъ смѣлость богатаго мѣщанина, которой думаетъ, что богатство его можетъ доставить ему чины и всѣ выгоды, коими пользуется дворянство. Свободно изъяснившись о томъ съ Милордомъ, обратилъ онъ весь гнѣвъ свой на Лавинію, разругалъ ее, какъ говорится, въ прахъ, и не доволенъ еще будучи грубѣйшими ругательствами, вынулъ изъ своего бумажника щетъ всѣмъ деньгамъ, коихъ она ему стоила, и упрекалъ ее въ невѣрности ея и неблагодарности.

Между тѣмъ какъ Габъ переводилъ духъ, и отиралъ текшій со лба своего потъ, Лордъ Белвуаръ разсматривалъ разные перечни издержекъ, учиненныхъ Габомъ для Лавиніи. Досадно мнѣ видѣть, сказалъ

онъ обратившись къ ней, что ты худо удерживаешь за собою столь щедраго любовника. Притомъ же по недостатку въ проворствѣ подвергаешься ты опасности потерять троихъ своихъ любовниковъ. Жалѣю о твоей ошибкѣ: какую худую имѣешь ты политику, посвятивши одно утро на троякое сїе предпрїятїе! Я право весьма печалюсь о тебѣ: надобно быть совершенно неискусившеюся . . .

Нѣтъ, нѣтъ, Милордъ! не вѣрьте, чтобъ она была такова, какъ вы думаете, сказалъ ему Габъ: не отъ ея ошибки происходитъ, что я не буду уже долѣе служить ей игрушкою. Я былъ на одной ярмонкѣ, и привезъ ей алмазныя серьги, о коихъ она многократно меня просила. Я по добродушїю своему прилетѣлъ къ ней, не побывавши еще у себя въ домѣ, чтобъ имѣть удовольствїе сдѣлать ей сей подарокъ, и вы видите, какъ она со мною поступаетъ.

Лавинія не могла снести потери серегъ, не проливши слезъ . . . — Да, да, плачь! вскричалъ Габъ; не видать тебѣ этихъ алмазовъ, какъ ушей своихъ; я отдамъ ихъ своей дочери. . . .

Своей дочери! вскричалъ Милордъ. Я тебя видалъ, но не помню твоего имени. Не о дѣвицѣ ли Софіи Габъ говоришь ты? . . . Помнится мнѣ, что есть одна молодая особа, которая носитъ на себѣ это имя. Ты хорошо сдѣлаешь, убравши алмазами это прелестное и хладнокровное твореньице . . . Однакожъ эти серьги лучше бы пристали къ достойной любви Гжѣ. Вальясъ, съ которою ты слишкомъ строго поступаешь.

Злобная улыбка, съ каковою Милордъ произнесъ сію насмѣшку, тронула самолюбіе Габово, которой возразилъ такимъ же тономъ: лучше бы было для фамиліи Вашего Сіятельства, когдабъ вы употребили остающіяся у васъ чистыя деньги въ пользу вашего внука, нежели на

любовницу; Лордъ Креспиньи болѣе имѣетъ нужды въ деньгахъ, нежели дочь моя въ алмазахъ.

Проворной отвѣтъ, учиненной на язвительныя издѣвки стараго Лорда такимъ человѣкомъ, коего ставилъ онъ на ряду съ своими лакеями, кольнулъ на нѣсколько времени гордость его; однакожъ стараясь унизить его, не безчестя своего достоинства, притворился, и обратилъ рѣчь свою къ Дельмору.

Что касается до тебя, молодой человѣкъ, сказалъ онъ ему, которой платишь хорошимъ своимъ видомъ, то ты для полученія благосклонностей этого пригоженькаго личика вѣрно не тратишь ни золота ни алмазовъ, кои по праву принадлежатъ моему внуку и дочери сего господина?

Пріятной видъ, съ какимъ произнесъ онъ вопросъ сей, не удержалъ Генриха, чтобъ не покраснѣть отъ стыда: онъ весьма опечалился, что подозрѣвали его быть любимцомъ

распутной женщины. Гжа. Вальясъ никогда не оказывала мнѣ благосклонностей, отвѣчалъ онъ Милорду; а естьли я и имѣлъ щастїе оказать ей услугу, то я въ томъ никогда упрекать ее не стану.

Лавинїя подошла было къ Габу, чтобъ удостовѣрить его въ словахъ Генриховыхъ, но онъ оттолкнулъ ее, сдѣлалъ ей новые упреки, и вышелъ, клянясь, что никогда съ нею не увидится. Сїи угрозы принудили Лавинїю обратиться къ Милорду для изпрошенїя у него покровительства противъ такого человѣка, которой по словамъ ея сошелъ съ ума. Увѣряю васъ, присовокупила она съ безпримѣрнымъ безстыдствомъ, что этотъ молодой человѣкъ есть мой братъ.

Я весьма радъ, сударыня, отвѣчалъ ей Милордъ, возъимѣвши щастїе узнать вашихъ сродниковъ. И такъ этотъ молодецъ есть братъ достойной любви особы?

Нѣтъ, Милордъ, возразилъ ему Генрихъ печальнымъ и смущеннымъ голосомъ. Не смотря на безчестное ея ремесло, я отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобъ быть изъ числа родныхъ ея; мнѣ тогда нечѣмъ бы было упрекать ее, кромѣ какъ безславіемъ, которое причиняетъ она семейству своему. Нещастная Лавинія! худое твое поведеніе возмущаетъ мое спокойствіе. Я никогда не прощу себѣ за то, что я споспѣшествовалъ твоей погибели. Не имѣя ни друзей ни богатства, не могу я доставить тебѣ помощи; но воспрепятствую тебѣ быть жертвою нещастія твоего. Я брошусь къ ногамъ благодѣтеля моего; буду у него просить покровительства для тебя, отъ коего я добровольно отрекся. Взгляни на прошедшее, и по примѣру моему оплакивай учиненную нами потерю такихъ дней, кои ознаменованы были спокойствіемъ и невинностію. Ахъ, Лавинія! ты можешь еще наслаждаться ими. Я увѣренъ, что велико-

душной, добросердечной Г. Франклинъ употребитъ силу свою у отца твоего, чтобъ уговорить его принять тебя въ домъ свой. Позволь мнѣ возвратить тебѣ то щастїе, коего лишило тебя обольщенїе.

Я согласна на то, Генрихъ, вскричала Лавинїя, но съ тѣмъ условїемъ, чтобъ ты исполнилъ свои обѣщанїя. — Боже мой! можешь ли ты надѣяться, чтобъ я послѣ толикихъ проступковъ соединилъ участь мою съ твоею? . . . Но не будемъ уже о томъ говорить; согласись, чтобъ я отвезъ тебя къ родителямъ твоимъ, чтобъ я изхитилъ тебя отъ порока. . .

Слышите, сударыня, что говоритъ вамъ *братецъ* вашъ, возразилъ Милордъ насмѣшливымъ тономъ.

Довольно слышу, чтобъ презрить его, отвѣчала Лавинїя съ презрительнымъ видомъ.

Удостойте, сударыня, (продолжалъ Милордъ) увѣдомить меня, въ какомъ колѣнѣ вышедшїй отъ насъ человѣкъ. . . . (не Габомъ ли онъ

называется? . . .) имѣетъ честь быть съ вами въ свойствѣ? Важность и хладнокровіе, съ каковыми Милордъ сдѣлалъ сей вопросъ, смутили Лавинію, и внушили въ Дельмора страхъ. Она, стыдясь, вида его вышедшаго изъ заблужденія, и боясь, что лишилась его покровительства, отступила нѣсколько шаговъ, и закрыла лице свое держимымъ ею въ рукѣ платкомъ для отеренія слезъ, кои она притворилась проливающею.

Возьми, дитя мое, продолжалъ Милордъ, вынимая свой кошелекъ, вотъ тебѣ десять гиней на тѣ издержки, коихъ стоить тебѣ будетъ возвращеніе къ той старой женщинѣ, отъ которой я тебя взялъ. Естьли ты расположена слѣдовать совѣтамъ своего *братца*, то я удвою сумму. . . Молодой человѣкъ! сказалъ онъ Дельмору: я прельщенъ твоимъ поведеніемъ; естьли твои правила таковы, каковыми онѣ кажутся быть, то ты феноменъ благоразумія. Кажется мнѣ, что ты жаловался на

свою участь. . . Вотъ мой адресъ; я не пользуюсь великимъ кредитомъ, и рѣдко даю свое покровительство, но ты можешь ходить ко мнѣ въ Сент- Джемсъ - Скверъ столь часто, какъ тебѣ захочется. Генрихъ сдѣлалъ ему низкой поклонъ; Милордъ отвѣчалъ на то, кивнувши головою съ удовольственнымъ видомъ. По томъ съ учтивостію поклонился онъ Лавиніи, какъ бы не имѣлъ никакой причины быть ею недовольнымъ; велѣлъ подвести свои носилки и уѣхалъ, не оказавши ни малаго знака печали.

Генрихъ, оставшись одинъ съ Лавиніею, державшею въ одной рукѣ полученной ею отъ Милорда кошелекъ, а въ другой платокъ свой, ласкался уговорить ее принять тѣ совѣты, о коихъ онъ уже говорилъ ей. Задумчивой видъ, съ какимъ она его слушала, не устрашилъ его; онъ пожималъ руку ея въ своей рукѣ, какъ вошелъ Габь, бросилъ на него яростные взоры, и сѣлъ въ креслы,

чтобъ перевести духъ. Страсть его къ Лавинїи не давала ему покою; онъ выжидалъ ту минуту, какъ Милордъ выдетъ изъ дому, чтобъ войти туда, не сказавши о себѣ.

Хитрая распутница знала власть свою надъ умомъ тупосмысленнаго любовника. Клянусь тебѣ, говорилъ ей Габъ, что я вижусь съ тобою въ послѣднїй разъ. . . — Клянусь вамъ, повторила Лавинїя, что вы ничего этого не сдѣлаете, и что мы вѣчно будетъ соединены узами любви. . . . Чтожъ касается до васъ, Г. Дельморъ, то я запрещаю вамъ ходить въ мой домъ, и прошу васъ теперь же вытти изъ него. Я не хочу ни васъ, ни вашихъ предложенїй, и настоящее свое положенїе предпочитаю обладанїю сокровищемъ.

Генрихъ хотѣлъ было отвѣчать ей, но Лавинїя не дала ему времени, приказывая ему наглымъ образомъ вытти изъ своего дому, и никогда въ него не возвращаться; почему онъ, видя, что не было сред-

ства обратить ее къ добродѣтели, безъ труда повиновался, и предоставилъ ее плачевному ея жребію.

Привычка подружила дѣвицу Ортодоксъ съ порокомъ. Естьлибъ Милордъ былъ богатъ, то бы онъ заслужилъ сожалѣніе ея. Правда, онъ далъ ей тѣ покои, кои она занимала; платилъ за наемъ ихъ и жалованье служанкамъ ея; снабдѣвалъ ее всякими запасами, и каждую недѣлю давалъ ей по три гинеи на мѣлочные расходы. По пріѣздѣ ея въ Лондонъ богатство сіе превзошло ея чаяніе; но теперь, когда прелести ея доставляли ей знатныя суммы, и когда доходъ ея равнялся съ доходомъ Герцогини, сіи бездѣлушки не стоили ея вниманія.

Хотя она презирала то, что называла *смѣшною экономіею* Милордовою, и хотя насмѣхалась надъ *глупою стариковою страстію*; однакожъ гордость, что она имѣла любовникомъ большаго барина, была такимъ преимуществомъ, которое

она желала бы соблюсти изъ тщеславія. Это было такое титло, которое по ея мнѣнію ослѣпляло публику, и возвышало цѣну благосклонностямъ ея, которую заставляла она платить Г. Габа. Бѣдной купецъ столько доволенъ былъ, понравившись Графской любовницѣ, что не могъ довольно возблагодарить за оказываемыя ему отъ ней милости.

Дѣлаясь скромною и простою, когда ожидала посѣщенія Милордова, не выказывала она алмазовъ, получаемыхъ ею отъ щедрости Габовой. Это была нужная политика для выманиванія отъ него подарковъ. Когда же допускаемъ былъ Габъ, то она превращалась въ щеголиху, и дѣлала ему подробное описаніе благодѣяній, коими осыпалъ ее Милордъ, чтобъ понудить его дѣлать ей новые подарки; но домъ ея содержанъ былъ на щетъ тѣхъ, кои желали волочиться за нею безъ вѣдома сихъ двоихъ любовниковъ.

Лавинія принимала такія же предосторожности для сокрытія отъ Лорда Белвуара, Матвѣя Гудсона, своего лакея. Это была такая роскошь, которую онъ изключилъ изъ ея дому; но Лавинія сдѣлалась толь большою госпожею, что не могла безъ того обойтися. Хорошая ея пріятельница, дѣвица Шарлотта, сказала ей однимъ днемъ, пріѣхавши повидаться съ нею: я удивляюсь, Гжа. Вальясь, что женщина, живущая въ хорошемъ обществѣ, не имѣетъ у себя лакея: не уже ли вы не въ состояніи давать ему плату? Лавинія отвѣтствовала на сей попрекъ тѣмъ, что поѣхала къ главному сводчику, чтобъ онъ записалъ ея имя и домъ, и доставилъ ей лакея, способнаго служить ей. Это дѣло трудновато, отвѣчалъ онъ ей. Хотя у него въ реэстрѣ записаны были имяна болѣе ста молодыхъ безмѣстныхъ людей, но ни одинъ изъ нихъ не могъ быть ей приличенъ. Послѣ сего онъ примолвилъ, что онъ подумаетъ объ

этомъ завтра, и для полученія отъ ней трехъ шилинговъ публиковалъ слѣдующее объявленіе:

„Потребенъ здоровой молодой че-„ловѣкъ для услугъ одной незамуж-„ней госпожѣ. Онъ будетъ полу-„чать хорошую плату, и мало имѣть „дѣла. Желающій можетъ явиться „къ главному сводчику.„

Браво! вскричалъ Матвѣй, прочетши сіе объявленіе въ Газетахъ: хотя я и не люблю женщинъ, однакожъ это мѣсто совершенно по мнѣ. Попробуемъ! Матвѣй ждалъ письма, которое баринъ его обѣщалъ написать къ нему; но не могши преодолѣть склонности, влекшей его къ нему, уѣхалъ изъ Этера такимъ же образомъ, какъ и Генрихъ, и имѣлъ время изтратить въ Лондонѣ тѣ прекрасныя гинеи, кои онъ столь тщательно берегъ. Нетерпѣливость привесть дѣла свои въ порядокъ понудила его тотчасъ итти къ сводчику, которой дѣлалъ ему строгой экзаменъ до тѣхъ поръ, пока не всу-

нулъ онъ ему въ руку двухъ талеровъ со штемпелемъ Королевы Анны. Экзаменъ кончился, и Матвѣй получилъ письменное свидѣтельство не только въ дарованіяхъ своихъ, коихъ не имѣлъ, но и въ томъ, что два года служилъ одной духовной особѣ, которой онъ и въ глаза не видалъ.

Лишь только Матвѣй вошелъ въ покой Гжи. Вальясъ, то и узналъ Лавинію, которая также вспомнила, что онъ былъ сынъ сосѣдки отца ея. Хотя онъ привѣтствовалъ ее подъ именемъ дѣвицы Ортодоксъ; однакожъ Лавинія, изъ тщеславія своего желая сдѣлать его свидѣтелемъ достаточнаго своего состоянія, оставила его въ своей службѣ; она ласкалась, что онъ увѣдомитъ мать свою, а слѣдовательно и все Этерское село, о той пышности, въ какой она жила, и о тѣхъ прекрасныхъ платьяхъ, кои доставляла ей красота ея. Бѣдная Лавинія! ты забываешь, или можетъ быть никогда не говорено было тебѣ,

что знатность и богатство, пріобрѣтаемыя на щетъ чести, гораздо ниже величайшаго убожества.

Г. Габь, съ коимъ Лавинія по случаю познакомилась въ театрѣ, былъ для ней неизчерпаемымъ сокровищемъ: онъ не могъ ни въ чемъ отказать столь нѣжно любимой имъ женщинѣ. За то одержалъ онъ верьхъ надъ Милордомъ, которой ласкалъ только ея тщеславію. Словомъ сказать, они, поговоривши между собою съ полчаса, помирились; онъ подарилъ ей серьги, за которыя она вздохнула, когда онъ прощался съ нею, и довольна была проворствомъ своимъ, что опять привела его къ ногамъ своимъ.

ГЛАВА 41.

Наказанная гордость.

Генрихъ - Дельморъ, выходя изъ Лавиніина дому, былъ въ нерѣшимости, итти ли ему въ домъ Г. Габа,

коего недовольные взгляды возвѣщали ему близкое его невзгодье; однакожъ польза Габова въ избѣжанiи худой славы, и презрѣнiе Генрихово къ безчинному поведенiю Лавинiину, коего Габъ былъ свидѣтелемъ, произвели въ немъ мысль, что онъ не пожертвуетъ имъ пронырству непотребной женщины, и даже ласкался, что онъ, размысливши о несправедливой своей запальчивости, устыдится ее, и столько же будетъ стараться, какъ и онъ, предать ее забвенiю; почему Генрихъ, вспомнивши, что онъ долженъ былъ ввечеру провожать Гжу. Габъ и Софiю на балъ, не усомнился возвратиться въ Довгетъ-Гилъ, и пригоповиться къ празднеству. Онъ пришелъ къ Гжѣ. Габь въ то самое время, какъ она шла въ столовую залу, и они сѣли вмѣстѣ за столъ, ибо обѣдъ отложенъ былъ до того времени, какъ перукмахеръ кончитъ свою уборку, отъ коей ожидали величайшихъ успѣховъ. Генрихъ прошенъ былъ ничего

не щадить, что могло бы сдѣлать его достойнымъ быть провожатымъ столь прекрасной дамы.

Натура избавила Генриха отъ большихъ издержекъ для его туалета; онъ украшенъ былъ собственными своими прелестями. Два часа ждалъ онъ дамъ въ залѣ, прежде нежели онѣ кончили свое одѣванье; и сїи два часа употребилъ Генрихъ на размышленїе о поведенїи Лавинїиномъ, въ погрѣшностяхъ коей упрекалъ онъ себя. Прошедшее начертывалось въ его памяти такими красками, кои возбуждали въ немъ страхъ и раскаянїе: убожество его, невозможность давать Лавинїи на издержки, естьли онъ обратитъ ее на путь добродѣтели; печальная достовѣрность, что онъ потерялъ Клару Элтонъ; горесть, видѣть ее соединяющуюся съ соперникомъ его, и отвращенїе отъ поѣздки въ Западную Индїю, единственнаго средства доставить себѣ независимое состоянїе, коего онъ добивался, были предме-

тами его размышленій во время отсутствія дамъ, занимавшихся другими заботами.

Гжа. Габъ, одѣвшись во все то, что могла выдумать способнѣйшаго привлечь на себя вниманіе собранія, и покрывшись алмазами, расположенными безъ вкуса и симметріи, вошла въ залу въ девять часовъ въ послѣдованіи Софіи, коея чистосердечіе изображалось въ простотѣ ея убора. Гжа. Габъ, весьма довольна будучи собственнымъ своимъ нарядомъ, не думала о нарядѣ Генриховомъ и Софінномъ, и поѣхала съ ними въ Лондонской трактиръ, назначенное мѣсто для празднества, въ коемъ всѣ залы наполнены уже были богатѣйшими купцами.

Въ семъ-то собраніи выказывали богатство торгующей націи. Золото, серебро, жемчугъ и алмазы блистали со всѣхъ сторонъ, и производили ослѣпляющее сіяніе. Главные купцы имѣли особенныя мѣста для своихъ фамилій, и въ сіи-то мѣста

отведена была Гжа. Габъ съ своею компанїею. Лишь только она сѣла, то бросивши торжествующїе взоры на собранїе, приняла на себя дерзость знатной женщины, считающей себя неумѣстною между тѣми, коихъ она удостоиваетъ своего присутствїя. Вскорѣ послѣ сего, вмѣсто принимаемой ею на себя важности, начались сатирическїя примѣчанїя надъ своими сосѣдями; она разсказывала соблазнительныя объ нихъ историй, въ надеждѣ, что они уважатъ ея насмѣшки.

Между тѣмъ какъ она давала свободу завистливому своему характеру, вошла одна фамилїя, коея богатство превышало богатство Г. Габа, и которая оказывала болѣе пышности. Пришедши въ ярость, что въ алмазахъ и уборѣ превзошли ее жена и дочери сего богатаго купца, удвоила она жаръ свой въ критикованїи ихъ, и не полагала предѣловъ злости своей. Отецъ, сидѣвшїй позади Гжи. Габъ, слышалъ всѣ

слова ея на щетъ дочерей его, кои покраснѣли и искали для себя мѣстъ индѣ; но онѣ тотчасъ были отомщены.

Одинъ молодой человѣкъ, одѣтый въ обновы съ головы до ногъ, съ почтенїемъ подошелъ къ дѣвицѣ Габъ и просилъ у ней позволенїя быть товарищемъ ея въ танцахъ въ продолженїе всего бала. Честь танцовать съ такою дѣвицею, коея богатство надѣлаетъ ему соперниковъ, безъ сомнѣнїя сильно занимала его, естьли судить по печали, каковую онъ почувствовалъ, когда дѣвица Габъ отвѣчала ему, что она дала слово другому кавалеру.

Кто таковъ этотъ прекрасной щоголь? спросила Гжа. Габъ съ небрежностїю у одного человѣка, которой стоялъ передъ Софїею. — Это молодой Адвокатъ, отвѣчалъ онъ ей — Развѣ купеческой прикащикъ! возразила она ему. Я всегда удивляюсь, видя, что есть такїе люди, кои забываются до того, что под-

вергаютъ себя стыду, которой заслуживаетъ тщеславіе ихъ. Я не понимаю и того, что есть такіе родители, кои позволяютъ дочерямъ своимъ танцовать съ людьми такого разбора; моя дочь, благодаря Бога, никогда не будетъ танцовать, кромѣ какъ съ знатнымъ и находящимся со мною человѣкомъ.

Знатной человѣкъ, о коемъ Гжа. Габъ говорила съ такимъ восторгомъ, не столь высокое имѣлъ мнѣніе о степени, занимаемомъ имъ въ семъ собраніи; онъ охотно бы отказался отъ своего достоинства, чтобъ заступить мѣсто того прикащика, коего она презирала. Слова Гжи. Габъ привлекли на Генриха вниманіе слышавшихъ ее; но слова ея не согласовались съ скромными Дельморовыми поступками. — Онъ! онъ знатной человѣкъ! вскричалъ нѣкто, коего голосъ не незнакомъ былъ Генриху: да это нашъ повѣса! — И я тоже думаю, отвѣчалъ ему молодой человѣкъ, просившій позволенія танцовать

съ дѣвицею Габъ: это былъ Г. Голкомбъ.

Стыдъ, быть подвержену упрекамъ Гжи. Габъ за такой проступокъ, которой подкрѣпляемъ былъ мужемъ ея, и которой даже учиненъ былъ по его совѣтамъ, сдѣлалъ столь великое впечатлѣнїе надъ Дельморомъ, что онъ не зналъ уже, что онъ говорилъ и что дѣлалъ. Чѣмъ болѣе смущенїе его увеличивалось, тѣмъ болѣе непрїятели его силились опозорить его. Пуфардо и Голкомбъ прошли на сей балъ по билетамъ, кои они умѣли достать отъ одного Американскаго купца, допустившаго обольстить себя причинами Пуфардовыми, которой заставилъ его принять въ уваженїе тѣ выгоды, кои произойдутъ изъ того для его школы.

Покорный вашъ слуга, Г. Дельморъ! сказалъ Пуфардо, подошедши къ Генриху.

Дельморъ! отвѣчала ему Гжа. Габъ; этотъ человѣкъ не знаетъ, что

онъ говоритъ: сей господинъ называется Конваемъ.

Статься можетъ, сударыня, что онъ и носитъ нынѣ на себѣ сїе имя. Когда я держалъ его у себя Христа ради, то онъ назывался Генрихомъ Дельморомъ, на которое имя онъ не имѣетъ уже права. — Христа ради! подхватилъ купецъ, коего жену и дочерей злословила Гжа. Габъ. Боже мой! какъ это, Гжа. Габъ, могло статься, чтобъ знатной человѣкъ доведенъ былъ до сего нещастїя? Совершенно ли вы увѣрены, сударь, что вы не обманываетесь? спросилъ онъ у школьнаго учителя. Сей вопросъ понудилъ Пуфарда и *эхо* его Г. Голкомба разсказать обстоятельную исторїю Генрихову, не опуская и послѣдняго приключенїя, которое повстрѣчало его съ нимъ въ приставнической тюрьмѣ.

Дельморъ имѣлъ время оправиться, и согласить настоящее свое положенїе съ тѣмъ малымъ внима нїемъ, какое онъ имѣлъ къ собранїю

въ которомъ онъ находился; но ужасное состоянїе, въ какомъ онъ видѣлъ Гжу. Габъ; трудъ, каковой она принимала для опровержения повѣсти Пуфардовой, и дѣланныя ею похвалы честному и отличному его поведенїю съ ея дочерью, произвели надъ нимъ такое впечатлѣнїе, что онъ не могъ прервать своего молчанїя; почему и растолковано это было въ невыгоду ему. Язвительныя издѣвки купцовы, злобныя замѣчанїя Пуфардовы и хохотъ Голкомбовъ привели Гжу. Габъ въ такой стыдъ, что она упала въ обморокъ, между тѣмъ какъ Дельморъ подошелъ къ Пуфарду такимъ образомъ, что заставилъ его отскочить къ другой сторонѣ залы.

Худое состоянїе Гжи. Габъ и печаль Софїина, что она сдѣлалась предметомъ всеобщаго посмѣянїя, принудили Генриха возвратиться къ ней, и помочь ей отвести мать ея въ ближнюю комнату. Какъ скоро Гжа. Габъ получила употребленїе своихъ чувствъ, то и поступила съ

Генрихомъ съ презрѣнїемъ такой женщины, коея гордость справедливо была наказана: она согнала его съ глазъ своихъ, запретила ему ходить въ домъ свой, и грозила ему упросить своего мужа, чтобъ онъ донесь на него правительству какъ на обманщика, заслуживавшаго примѣрныя наказанїя.

Между тѣмъ какъ Гжа. Габъ занимала вниманїе собранїя, Генрихъ задумавшись пошелъ изъ онаго въ Довгетъ-Гилъ для увѣдомленїя Г. Габа о семъ нещастномъ открытїи и о непрїятныхъ слѣдствїяхъ, каковыя оно имѣло для жены его и дочери. Онъ вошелъ въ залу въ то самое время, когда Габъ пришелъ отъ Лавинїи. Безпокойство, недовѣрчивость и ревность изображены были на измѣнившемся лицѣ его; видъ толь страшнаго соперника возбудилъ всѣ его страхи, кои Лавинїя тщетно старалась разогнать; она провела съ нимъ цѣлой вечеръ такимъ образомъ, что заставила его забыть утреннюю

сцену; но естьли онъ и былъ доволенъ ея ласками, то не былъ доволенъ тѣмъ тономъ, какимъ говорила она съ нимъ о Генрихѣ, и которой не казался ему безпристрастнымъ.

Случившееся на балѣ приключеніе удвоило безпокойства его: естьли отослать Дельмора, то онъ страшился, чтобъ онъ не нашелъ въ любви Лавиніи той помощи, которой онъ лишитъ его. Другія размышленія препятствовали ему держать его въ своемъ домѣ, въ которой жена его не позволитъ ему войти, естьли онъ не сошлетъ отъ себя врага спокойствія ея. Поѣздка въ Индію была единственнымъ остававшимся имъ средствомъ, и они оба занимались оною съ равнымъ удовольствіемъ. Положивши, чтобъ Генрихъ отправился на первомъ кораблѣ, которой назначенъ будетъ къ сей поѣздкѣ, Габъ совѣтовалъ ему лечь спать, выѣхать изъ дому его на другой день рано поутру, и оставить ему попеченіе о извиненіи его предъ женою его.

Лишь только Генрихъ вышелъ изъ залы, то сильная стукотня въ вороты возвѣстила о возвращенiи госпожи дому. Слезы ея и всхлипыванiя дали уразумѣть Габу, что буря готова была разродиться, и что ему должно будетъ испытать всю ея жестокость. Ахъ, Г. Габь! что вы сдѣлали? вскричала она; вы меня учинили посмѣшищемъ Лондонскихъ купчихъ. Какъ вы могли быть столь жестоки, что познакомили жену свою съ побродягою, которой обезчестилъ ее? Фуй, Г. Габъ! Подумайте о томъ стыдѣ, какому подвергли вы жену, живущую только что въ хорошемъ обществѣ! Вы ввѣрили меня мошеннику, чтобъ имѣть время рыскать и Богъ знаетъ гдѣ, и по такимъ людямъ, коихъ я не смѣю назвать. Ахъ, Г. Габь! я за васъ краснѣю отъ того. . . — Я и самъ отъ того краснѣю, отвѣчалъ ей Габъ, но совсѣмъ по другой причинѣ: оставьте мнѣ старанiе наказать плута, обманувшаго обоихъ насъ; я ничего

не пощажу, чтобъ только заставить его раскаяться въ его дерзости. Габъ нарочно говорилъ такимъ образомъ; ибо естьлибъ онъ сталъ извинять Генриха въ такомъ проступкѣ, которой былъ его проступокъ, то онъ подвергся бы опасности обнаружить тѣ причины, кои понуждали его отлучаться от своего дому.

Обѣщанїе Габово укротило гнѣвъ жены его, но не осушило слезъ бѣдной Софїи. Отецъ ея встревоженъ былъ ими; онъ подозрѣвалъ, не воспользовался ли Генрихъ тѣми случаями, кои доставляемы ему были развратнымъ его поведенїемъ и глупостїю жены его; не волочился ли онъ за его дочерью, и не любила ли она его. Почувствованная имъ отъ того печаль заставила его забыть любовь свою къ той, которая причинила сїе разстройство въ его семействѣ. — О чемъ ты плачешь? спросилъ онъ у ней суровымъ голосомъ. Естьли я узнаю, что этотъ лукавецъ цѣлилъ на тебя, то я убью его изъ своихъ рукъ.

Жестокость отца возбудила ярость матери, и они оба осыпали упреками бѣдную дочь, которую они столь часто ввѣряли подъ присмотръ посторонняго человѣка. Софія клялась, что Генрихъ всегда поступалъ съ нею со всякимъ почтенiемъ и благопристойностiю честнаго человѣка, и что онъ никогда иначе не говорилъ о самомъ себѣ, какъ съ величайшею скромностiю. Но, увы! Софія не говорила, что естьли Генрихъ Конвай есть обманщикъ, то и Карлъ Монтгомери, другъ его, не могъ быть лучше его. Сїе-то заставляло ее проливать слезы; страхъ ея, не полюбила ли она человѣка, недостойнаго сожалѣнія ея, увеличилъ печаль ея. Отецъ ея послалъ ее ложиться спать, но Софія провела ночь въ оплакиваніи своей слабости.

ГЛАВА 42.

Извѣстїе, публикованное чрезъ Газеты.

Генрихъ послѣдовалъ совѣту Г. Габа и вышелъ изъ его дому, прежде нежели богъ сна разпрощался съ Гжею. Габъ. Не смотря на терзанїя ея при воспоминанїи комической сцены, въ коей она играла главную ролю, сонъ закрылъ ея рѣсницы, какъ скоро освободили ее отъ тяжкаго бремени фальшивыхъ волосовъ, шпилекъ и разныхъ мѣлочныхъ украшенїй, составлявшихъ головной ея уборъ. Хотя Морфей былъ и богъ, однакожъ онъ не имѣлъ силы изгладить изъ памяти ея *знатнаго человѣка*, подвергшаго ее критикѣ непрїятелей ея.

Между тѣмъ какъ мы представимъ ей новыхъ прислужниковъ, я не могу лучше оставить ее, какъ подъ покровительствомъ божка.

Хотя Дельмору и мало оставалось дней прожить въ Лондонѣ до отъѣзду его въ Индїю, однакожъ

особенныя обстоятельства требовали, чтобъ онъ нанялъ себѣ квартиру въ Придворной части города. Проходя чрезъ Людгетъ - Гилъ, увидѣлъ онъ разчесаннаго человѣка, обутаго въ бѣлые шелковые чулки, которой для сбереженія своей обуви шелъ на цыпочкахъ. Вотъ щоголь, говорилъ самъ въ себѣ Генрихъ, заранѣе разгуливающій неспособность свою; естьлибъ я не былъ занятъ другими дѣлами, то пошелъ бы за нимъ посмотрѣть, куда онъ идетъ столь рано. . . — Здравствуй, другъ мой! вскричалъ щоголь подошедши. — Какъ! это вы, Г. Мартинъ! отвѣчалъ ему Генрихъ съ изумленнымъ видомъ. Куда вы идете такъ одѣвшись? — Въ команду свою, откуда я не прежде выду, какъ въ четыре часа послѣ полудни. Я имѣю намѣреніе итти оттуда въ Довгетъ - Гилъ для засвидѣтельствованія почтенія моего Гжѣ. Габъ, и чтобъ возпользоваться учиненнымъ ею мнѣ приглашеніемъ: будемъ ли мы вмѣстѣ обѣдать? —

Можетъ быть. . . — Я не знаю, увижусь ли я въ вами у Гжи. Габъ, почему не прежде разстанусь съ вами, пока мы не позавтракаемъ вмѣстѣ: войдемъ въ эту кофейню. Дельморъ согласился на это, и занялся чтенïемъ одного журнала, между тѣмъ какъ Г. Петръ Мартинъ приказывалъ подать кофею, шоколаду и чаю, что онъ тотчасъ опорожнилъ, ибо онъ по словамъ его былъ въ великихъ торопяхъ, и за что предоставилъ онъ заплатить своему другу.

Генрихъ не примѣтилъ скораго его уходу: другïя заботы занимали его такимъ образомъ, что онъ не могъ ни къ чему оказывать вниманïя, кромѣ того, что читалъ. Одна статья, заключавшая въ себѣ нещастïе его, лишила его чувствъ. Сïя статья состояла въ слѣдующемъ: „Сиръ Джемсъ „Рестивъ и дѣвица Клара Элтонъ, „наслѣдница великаго имѣнïя, по„ѣхали вчера на Сѣверъ въ намѣренïи „торжествовать тамъ бракъ свой.„ Густой туманъ покрылъ глаза его;

онъ всталъ съ отчаянiемъ въ сердцѣ, и пошелъ, не заплативши за угощенiе Г. Петра Мартина. Одинъ человѣкъ, сидѣвшiй подлѣ него, примѣтилъ смущенiе его; онъ пошелъ за нимъ и удержалъ его за руку, между тѣмъ какъ тутошнiй прислужникъ подбѣжалъ къ нему для требованiя платы за завтракъ.

Что ты дѣлаешь? спросилъ незнакомой у прислужника. — Баринъ прежде выхода своего долженъ заплатить мнѣ, отвѣчалъ онъ ему. — Другъ мой! ты нечувствителенъ, и это-то самое оставляетъ тебя въ незнанiи мученiй другаго. Ты не видишь, что сердце сего молодаго человѣка раздирается печалiю; я заплачу за него. Помни, другъ мой, что нещастной человѣкъ есть достойное почтенiя существо, коего огорченiй не можно довольно уважить.

Въ такомъ волненiи духа, въ каковое повергло Генриха сiе извѣстiе, весь свѣтъ былъ для него уже ничто: онъ шелъ куда глаза гля-

дѣли, и не прежде остановился, какъ увидѣвши почтовую коляску, отправляющуюся въ Истишнъ. Какъ скоро сказали ему, въ которое мѣсто отправляется почтовая коляска, то онъ тотчасъ и сѣлъ въ нее. Другихъ ѣздоковъ не было въ ней, слѣдовательно никто не могъ разбить печальныхъ его мыслей. Тысячекратно упрекалъ онъ себя въ нерадивости своей, въ глупой безпечности и въ угожденїяхъ Гжѣ. Габъ, кои попрепятствовали ему заниматься такимъ предметомъ, отъ котораго зависѣло щастїе его. Онъ видѣлъ Клару съ соперникомъ своимъ, и не старался отвлечь ее отъ него. Достовѣрность, что онъ самъ былъ причиною собственнаго своего нещастїя, увеличила пожиравшую его тоску, какъ вдругъ отворили дверцы въ коляску и впустили туда одну женщину, которая учтиво поклонилась ему.

Откровенное свойство женщины не оставило Дельмора въ незнанїи о имени ея и званїи. Дѣвица Перкинсъ

говорила ему о лѣтахъ своихъ, полагая число ихъ въ дватцать пять, хотя и было уже ей около притцати трехъ, и увѣдомила его, что она, любя оказывать услуги обществу, приняла мѣсто надзирательницы въ пансїонѣ Гжи. Напперъ. При семъ имени Дельморъ покраснѣлъ; ему хотѣлось поразспросить ее о похищенїи Клары, но велерѣчивая дѣвица Перкинсъ избавила его отъ сего труда.

Знаете ли вы, сударь, что у насъ въ домѣ свадьба? спросила она у него. По томъ, не дождавшись его отвѣта, продолжала: знаете ли вы Сира Джемса Рестива? Это любезнѣйшїй и честнѣйшїй господинъ въ Англїи. Дѣвица Элтонъ не могла сдѣлать лучшаго выбора: онъ благороденъ и щедръ, и осыпалъ насъ подарками. Удивляюсь, что дѣвица Элтонъ могла столь долго противиться ему; но бѣдная Клара находилась въ печали по причинѣ непостоянства другаго любовника, кото-

раго она весьма любила. Ахъ, сударь! страшно для насъ женщинъ быть столь часто жертвою нашей нѣжности. Мы не можемъ довольно защититься отъ любви. Гжа. Напперъ знала, что дѣвица Элтонъ любила бездѣльника, которой сдѣлалъ бы ее нещастною; и сїе-то понудило ее поспѣшить бракомъ, къ которому дѣвица Элтонъ не имѣла склонности. Сиръ Джемсъ не думалъ вступить въ сей союзъ; но онъ влюбился въ Клару послѣ одной прогулки, которую онъ имѣлъ въ ваксалѣ съ нашими дамами. Съ сего времени онъ болѣе прилѣпился къ ней и къ имѣнїю ея... Толчокъ коляски прервалъ рѣчь, скрививши чепчикъ говорливой надзирательницы, ударившейся головою своею о Генрихову голову.

Когда она оправила свой чепчикъ и потужила о головной боли, послѣдовавшей за симъ ударомъ, то Генрихъ сказалъ ей: естьли имѣнїе Баронетово таково, какъ вы думаете, то я дивлюсь, что онъ возъимѣлъ

прибѣжище къ похищенїю. — Ахъ, бѣдная моя голова! вскричала она. — Жалѣю о томъ, сударыня; но пожалуйте скажите мнѣ, хороша ли.. — Ахъ, сударь! не трудитесь дѣлать извиненій въ такомъ нещастїи, которое произошло не отъ васъ; естьлибъ я не стукнулась головою своею о вашу голову, то я ударилась бы въ стекло, и можетъ быть обезобразила бы себя. . . — Это было бы великое нещастїе. Скажите мнѣ, сударыня, хороша ли дѣвица Элтонъ?

Нѣкоторые находятъ въ ней красоту; но по моему мнѣнїю надобно бы было ей имѣть нѣсколько румянца для оживленїя великой ея бѣлизны. Дѣвица Напперъ никогда не могла склонить ее къ тому. . .

Боже мой! сколько дѣвица Напперъ прилагала труда, чтобъ быть прїятною сей молодой особѣ . . Я думаю, что она не трудилась склонить ее къ поѣздкѣ въ Шотландїю? . .

Вы обманываетесь, сударь, (потомъ понизила она голосъ) я даже

думаю, что Гжа. Наппер и Баронет принуждены были употребить хитрость, чтобъ заставить ее ѣхать.

Какъ это? спросилъ у ней Генрихъ, говоря еще тише.

Вы безъ сомнѣнія знаете, или и не знаете, но не сказывайте обо мнѣ, естьли вы будете говорить объ этомъ съ другими: вы можетъ быть не знаете, что Сиръ Джемсъ голъ какъ бубенъ.

Столь благородной и столь щедрой человѣкъ. . . — Ахъ, сударь! не будемъ говорить о его достаткѣ; ибо . . . но это не наше дѣло. Генрихъ едва смѣлъ переводить духъ. . . Сдѣлайте милость, сударыня, продолжалъ онъ, не лишайте меня удовольствія слушать васъ; вы говорите какъ оракулъ. . . — Вы слишкомъ учтивы, сударь; я терпѣть не могу злорѣчія, и лучше буду молчать, естьли не могу говорить добра; . . . но трудно сказать доброе о такомъ человѣкѣ, которой втрое болѣе долженъ, нежели сколько имѣетъ капита-

лу; которой для вознагражденія глупыхь своихъ издержекъ надѣется на имѣніе дѣвицы Элтонъ. Гжа. Напперъ ласкается, что этотъ бракь приведетъ въ порядокъ дѣла ея: она ждетъ возвращенія дѣвицы Элтонъ изъ Шотландіи, чтобь заплатить мнѣ годовое мое жалованье. Мы прежде сего весьма боялись, чтобъ тотъ бездѣльникъ, о которомь я имѣла уже честь говорить съ вами, не одержалъ верьху надъ Баронетомъ, и не изпровергъ надежды Гжи. Напперъ. Естьлибъ Клара не была свидѣтельницею, что онь живеть съ безчестными женщинами, то она никогда не предприняла бы сей поѣздки; ибо она никогда не хотѣла слушать вѣстей, каковыя сказываемы были ей о распутствѣ шалуна, не знающаго и творцовъ дней своихъ. Благодаря Бога, она поѣхала, и опекунъ ея какъ ни кричи, но она уже обвѣнчается, прежде нежели онъ можетъ выѣхать изъ своего замка, гдѣ онъ принужденъ оставаться по при-

чинѣ своей подагры. Уже два мѣсяца, какъ онъ писалъ къ дѣвицѣ Элтонъ, извѣщая ее о поѣздкѣ своей въ Лондонъ и о твердомъ своемъ намѣреніи взять ее изъ дому Гжи. Напперъ; но *Купидонъ*, какъ говоритъ Сиръ Джемсъ, *наложилъ арестъ на ноги бѣднаго подагрика.* Ахъ, сударь! этотъ Сиръ Джемсъ весьма уменъ. . .

Нещастная Клара! вскричалъ Дельморъ какъ бы по неумысленному чувствованію сожалѣнія. Любезная и злополучная сирота! почто Ангелъ хранитель невинности оставилъ тебя?

Боже мой! вскричала дѣвица Перкинсъ, кинувшись отъ ужасу въ другой уголъ коляски. Не имѣете ли вы, сударь, какого нибудь участія въ замужствѣ дѣвицы Элтонъ? (Генрихъ не слушалъ ее.) Скажите, сударь, знаете ли вы Клару Элтонъ? — Увы! какую помощь могу я теперь подать тебѣ? Къ чему послужитъ тебѣ пустое мое дружество? Я пролилъ бы послѣднюю кап-

аю моей крови, чтобъ спасти тебя отъ той пропасти, которую обманъ и лукавство изкопали подъ ногами твоими. И такъ этотъ-то, сударыня, планъ, которой начертали и произвели въ дѣйство въ пансіонѣ, въ мѣстѣ, посвященномъ священной должности образовать сердце и умъ юношества? Примѣръ бѣдной Клары да послужитъ урокомъ тѣмъ родителямъ, кои попускаютъ ослѣплять себя наружностію! Да научитъ онъ ихъ лучше вникать въ свойство и нравы тѣхъ воспитательницъ, коимъ они ввѣряютъ честь, спокойствіе и щастіе дѣтей и потомства своего!

Вы справедливо говорите, сударь, возразила ему дѣвица Перкинсъ, ухватившаяся за сей случай, чтобъ сдѣлать похвалу своимъ правиламъ на щетъ добраго имени Гжи. Напперъ. Эта женщина и дочь ея не довольно уважаютъ предразсудки: естьлибъ онѣ послушались моихъ совѣтовъ, то принявши на себя скромнѣйшую наружность, избѣжали бы критики,

и никогда не вмѣшались бы въ бракъ сей. Сказать вамъ правду, естьли бы онъ не былъ затѣянъ, то Гжа. Напперъ принуждена бы была отказаться отъ своей должности; кредиторы ея не принимали никакихъ резоновъ; она и дочь ея всегда были весьма неблагоразумны. . .

Неблагоразумны! Скажите лучше, что онѣ безчестныя и подлыя развратницы, такъ какъ и вы, вы, кои не устыдились участвовать въ семъ адскомъ заговорѣ. Извощикъ! отвори мнѣ дверцы: я не могу долѣе оставаться съ подругою такихъ чудовищъ. Помните, сударыня, да напомните и Гжѣ. Напперъ, что есть законы, и законы строгїе, наказывающїе за похищенїе наслѣдницы. Прощайте, сударыня; ожидайте награжденїя, достойнаго васъ и вашихъ союзницъ. Послѣ сего онъ вышелъ изъ коляски, давши дѣвицѣ Перкинсъ свободу поразмыслить о неблагоразумїи своемъ и о необходимости быть впредь поосторожнѣе.

Этого уроку никогда она не забывала.

Бѣдной Генрихъ, удостовѣрившись, что дѣвица Элтонъ предпочла бы его Сиру Джемсу, естьлибъ для похищенія ее отъ него не употреблена была хитрость, нѣсколько утѣшился; но смертельной ударъ нанесенъ былъ; Клара находилась во власти соперника его и никакое уже дѣло не понуждало Генриха ѣхать въ Истишнъ; ибо той, которой онъ искалъ, не было уже тамъ. Бросивши печальные взоры на село, проклиная Пуфарда, Гжу. Напперъ и жителей онаго, и оплакивая свое нещастіе, пошелъ онъ въ Лондонъ.

ГЛАВА 43.

Дружество старой и новой школы.

Солнечные лучи, пыль и скорая походка Генрихова привлекли на него вниманіе любезной Гжи. Буржесъ,

ѣхавшей по той же дорогѣ въ каретѣ. Куда ты такъ скоро бѣжишь? спросила у него прекрасная Ревекка. Генрихъ покраснѣлъ. Сядь ко мнѣ въ карету, сказала она ему съ пріятностію, и поѣдемъ съ нами обѣдать.

Въ звукѣ ея голоса была такая очаровательность, которую Генрихъ нашелъ непреодолимою; однакожъ онъ поблагодарилъ ее, и старался удалиться для сокрытія отъ ней замѣшательства своего. — Имѣешь ли ты причины, продолжала она, отвергать наше дружество? Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя увидѣла, тысячекратно желала я опять съ тобою видѣться: ты безъ сомнѣнія имѣешь причину убѣгать насъ?

Генрихъ извинился какъ можно было лучше; признался въ винѣ своей, что не ходилъ къ ней для засвидѣтельствованія ей своего почтенія, и открылся ей, что была одна причина, удерживавшая его отъ того, и что для сей-то самой причины не принималъ онъ тогда приглашенія ея,

но что онъ возпользуется мѣстомъ, предлагаемымъ ею въ каретѣ ея.

Прекрасная Квакерша не сдѣлала ему никакого выговору, но устремивши на него очаровательные свои взоры, сказала ему: я не люблю таинственнаго виду въ молодомъ человѣкѣ: въ твои лѣта какія тайны можетъ скрывать сердце, неподверженное преступленіямъ и угрызеніямъ совѣсти? Естьли ты учинилъ какой нибудь проступокъ, то ты поступилъ неблагоразумно . . . Щастіе что ли не благопріятствуетъ тебѣ? Ты не знаешь сердца Даніила Буржеса; онъ почитаетъ тебя. Не забылъ ли ты въ жару своемъ правилъ цѣломудрія? или не запутался ли въ такія дѣла, кои требуютъ совѣтовъ друга? Для чего забылъ ты жилище Ревекки и Даніила Буржеса? Ты нашелъ бы утѣшеніе въ ихъ дружествѣ.

Пріятной голосъ человѣколюбія, изходившій изъ розовыхъ устъ Гжи. Буржесъ, и чувствительность души

ея, изображавшаяся въ прекрасныхъ глазахъ ея, сдѣлали такое впечатлѣнïе надъ Генрихомъ, что онъ не имѣлъ силы отвѣчать ей.

Ты нещастливъ, но ты не можешь быть неблагодарнымъ, возразила она, проливши нѣсколько слезъ. Да, молодой человѣкъ, чѣмъ болѣе я смотрю на тебя, тѣмъ болѣе нахожу въ тебѣ живой образъ такого друга, котораго я въ юношествѣ моемъ нѣжно любила. Ты имѣешь черты его, голосъ и осанку. Сïе-то поразительное сходство говорило въ пользу твою въ первой разъ, какъ я тебя увидѣла. Увы! я много пострадала отъ забвенïя твоего обѣщанïя, которое лишило меня удовольствïя зрѣть въ тебѣ черты всегда милаго, но давно изчезшаго отъ меня предмета.

Гдѣ найду я черты, имѣющïя сходство съ тою, которую я обожаю? говорилъ самъ въ себѣ Генрихъ. Увы! она изчезла отъ меня.

По нѣкоторомъ молчанїи Ревекка сказала ему: здоровье мое принуждаетъ меня жить въ деревнѣ. Я ненавижу свѣтъ, но я была бы щаслива, естьлибъ нашла въ тебѣ убѣгаемое мною общество. Дельморъ готовъ былъ ввѣрить ей всѣ свои тайны, и симъ признанїемъ утвердить ее въ выгодномъ мнѣнїи, каковое она имѣла о его искренности.

Ахъ, сударыня! вскричалъ онъ трогательнымъ голосомъ: ваши милости пронзаютъ мою душу. Естьлибъ вы знали половину удручающихъ меня нещастїй . . . Клара, Клара Элтонъ! . . . и вдругъ замолчалъ.

Ты приводишь меня въ безпокойство: умерла что ли Клара Элтонъ?

Нѣтъ, нѣтъ, сударыня! она пропала; погибель ея извѣстна! . . . Она пожертвовала человѣку безъ имѣнїя, развращенному; она выдана за злодѣя, которой почитаетъ только богатство ея, а ни во что ставитъ добродѣтели ея.

Понимаю тебя, нещастной молодой человѣкъ! За чѣмъ скрывалъ ты отъ насъ склонность свою къ Кларѣ? за чѣмъ не далъ ты ей знать объ оной? Ты сказываешь намъ о томъ, когда уже весьма поздно. Мы писали къ другу нашему Франклину, и увѣдомляли его объ опасности, каковой подвергается подъ опекою у него состоящая дѣвица въ той школѣ, о которой ты намъ говорилъ. Онъ отвѣчалъ намъ, что онъ тотчасъ поѣдетъ и возьметъ ее съ собою. Естьлибъ ты увѣдомилъ тогда Даніила и Ревекку о чувствованіяхъ своихъ къ Кларѣ, то ты избавился бы отъ сей печали. Но за кого она выдана? — За Сира Джемса Рестива, отвѣчалъ ей Генрихъ вздохнувши.

Одного имени Баронетова довольно было, чтобъ заставить Ревекку содрогнуться объ участи Клариной: она слыхала о глупыхъ его издержкахъ, о долгахъ его и употребляемыхъ имъ постыдныхъ средствахъ жить на щетъ своихъ кредиторовъ

и обманываемыхъ пріятелей ; словомъ сказать, она знала, что Сиръ Джемсъ былъ не лучше мошенника.

Достойная любви Ревекка хотя была и снизходительна, однакожъ опорочила неблагоразумную безпечность Франклинову, которой, естьлибъ и не могъ самъ пріѣхать въ Истшинъ, долженъ бы былъ послать туда сестру свою, чтобъ привезть Клару къ себѣ.

Между тѣмъ, какъ они разговаривали о сей матеріи, карета въѣхала на дворъ Гжи. Буржесъ. Мужъ ея рано поутру уѣхалъ въ Лондонъ для распоряженія нѣкоторыхъ дѣлъ съ Г. Левизажемъ, и въ сей день не обѣдалъ съ нею. Генрихъ столько занялъ ее, что она не отпустила его отъ себя; они остались вмѣстѣ, чувствуя взаимное отъ того удовольствіе.

Разговоръ между Ревеккою и Генрихомъ становился отчасу важнѣе, по мѣрѣ, какъ они разсуждали о

трогательныхъ для нихъ предметахъ. Одинъ говорилъ о Кларѣ, а другая о другѣ, коего не было уже на свѣтѣ. По нѣкоторомъ молчанїи, и по пролитїи Ревеккою нѣсколькихъ слезъ, спросила она Генриха дрожащимъ голосомъ: есть ли у тебя родители?

Замѣшательство въ отвѣтѣ на такой вопросъ, которой привелъ бы къ другому такого же свойства, воспрепятствовало ему отвѣчать ей. Воспоминанїе жестокости матери своей, оставившей его въ угодность Гжи. Дельморь, всегда приключало ему печаль. Пришедши въ смущенїе отъ такого преступленїя, которое не было его преступленїе, отвѣчалъ онъ ей, что онъ лишился ихъ въ своемъ младенчествѣ, и воспитанъ былъ старанїемъ одного друга. Гжа. Буржесъ быстро посмотрѣла на него, вздохнула, и почувствовала внезапное трепетанїе во всѣхъ своихъ членахъ; она силилась говорить, но вмѣсто того упала въ обморокъ на

руки къ Дельмору. Онъ кликнулъ на помощь; горничная ея служанка ободрила его, сказавши ему, что барыня ея подвержена симъ обморокамъ. Когдажъ она столь хорошо оправилась, что утвердила Генриха въ мысли его о припадкѣ ея, то принудила его употребить къ услугамъ своимъ карету ея, отправлявшуюся въ Лондонъ за мужемъ ея. Не замѣшкай повидаться со мною, сказала она ему; отъ скораго твоего прїѣзду зависитъ мое щастїе.

Генрихъ долженъ былъ имѣть свиданїе въ восемь часовъ съ Г. Габомъ; уже было семь часовъ, а онъ не имѣлъ еще квартиры; ибо дневныя произшествїя не позволили ему прїискать оной; почему и велѣлъ онъ отвезть себя въ Чаринкроской трактиръ, гдѣ онъ нанялъ комнату, и по томъ пошелъ на назначенное мѣсто.

ГЛАВА 44.

Любовь вредна для дѣлъ.

Ревность, подозрѣнїе и недовѣрчивость непрестанно мучили безпокойной духъ Г. Габа. Страхъ отъ мнимаго нещастїя заставлялъ его претерпѣвать дѣйствительныя нещастїя, а нетерпѣливость узнать, не принимала ли Лавинїя Генриха тайно, лишала его спокойствїя; каждая минута увеличивала его мученїе, и дѣлала его несноснымъ самому себѣ. Неспособенъ будучи исправлять свои дѣла, нещастливъ у себя въ домѣ и скученъ у другихъ, тщетно искалъ онъ покоя.

Габъ при видѣ молодаго и прелестнаго своего соперника почувствовалъ, что жесточайшїя страсти раздирали его сердце. Онъ силился скрыть свое смущенїе, старался умѣрить гнѣвъ свой, и боясь обнаружить себя, наблюдалъ молчанїе. Генрихъ также ничего не говорилъ, занимаясь другими заботами.

Между тѣмъ какъ они находились въ семъ принужденномъ состоянiи, Габъ получилъ письмецо отъ одного купеческаго маклера, которой приглашалъ его притти поскорѣе къ нему для одного важнаго дѣла. Будучи въ нерѣшимости и трепеща, чтобъ Генрихъ не воспользовался симъ случаемъ для свиданiя съ Лавинiею, побѣжалъ онъ навѣстить ее въ третiй разъ, и по томъ пошелъ на назначенное мѣсто. Страхи его разсыпались помощiю найденныхъ имъ тамъ средствъ тотчасъ освободиться отъ возмутителя спокойствiя своего.

Замедленiе, причиненное Габовымъ навѣщанiемъ Лавинiи въ томъ дѣлѣ, о которомъ маклеръ долженъ былъ трактовать съ Габомъ, позволило маклеру принять Капитана Манлiя, отъѣзжающаго въ Индiю. Хотя сей Капитанъ служилъ на кораблѣ въ Королевскомъ флотѣ, и храбро сражался за свое отечество; однакожъ благородной его характеръ, великодушiе и благодѣ-

тельной нравъ покрыли его лаврами, но лишили имѣнія. Для освобожденія себя отъ бѣдности, имѣя на тѣлѣ своемъ славные знаки своего мужества, просилъ онъ мѣста въ Индѣйской компаніи, и получилъ команду надъ однимъ кораблемъ, готовымъ пуститься въ путь. Онъ пришелъ тогда къ маклеру для окончанія своихъ съ нимъ щетовъ, но балансъ не былъ въ его пользу.

Габь вошелъ въ то самое время, какъ Капитанъ, наскучивши вычисленіями и замѣчаніями на расходъ свой, сожалѣлъ о томъ времени, которое надлежало употребить на убѣжденіе одного человѣка, что у него не было уже денегъ. Я не столько этимъ безпокоюсь, сказалъ онъ, сколько потерею одного молодаго человѣка, коего преждевременная смерть лишила меня друга и пріятнаго товарища. Недостатокъ въ деньгахъ удобно можно вознаградить, но не легко найти такого прикащика, коего умъ и дарованія могли бы возвесть на мѣ-

сто Секретаря; онъ служилъ мнѣ въ сей должности, какъ я имѣлъ нещастіе лишиться его. . .

Естьли, сударь, только въ этомъ дѣло состоитъ, возразилъ Габъ, имѣя лице разгорѣвшееся отъ сильнаго желанія отвѣчать ему: то я думаю, что я нашелъ такого молодаго человѣка, которой будетъ по васъ, и я рекомендую его вамъ какъ способнаго человѣка и моего друга . . .

Я отъѣзжаю завтра, сказалъ ему Капитанъ; почему хотя бы другъ вашъ и былъ по мнѣ, но онъ не будетъ имѣть времени приготовиться. Подумайте, что поѣздка въ Индію не есть дѣло одного дня. О! что касается до этого затрудненія, то не безпокойтесь объ этомъ, подхватилъ Габъ; я беру на себя снабдить его небольшимъ числомъ товаровъ.

Габу не неизвѣстно было, что съ деньгами можно въ Лондонѣ отвратить всякія затрудненія; притомъ же благопріятной взглядъ Лавиніинъ

стоилъ знатныхъ суммъ. И такимъ образомъ чѣмъ болѣе препятствій въ его желаніяхъ, тѣмъ страшнѣе соперникъ; онъ обѣщалъ все то, чего ни требовалъ Капитанъ; маклеръ одобрилъ предложеніе его, и Манли согласился, чтобъ привели къ нему Генриха въ тотъ же вечеръ на квартиру его въ Сюфолькъ-Стритѣ.

Габъ, нетерпѣливо желая узнать, приметъ ли Дельморъ назначаемое ему мѣсто, въ такомъ былъ разсѣяніи, что то дѣло, которое привело его къ маклеру, отложилъ до другаго дня. Вышедши отъ него, пошелъ онъ въ тотъ трактиръ, въ коемъ Генрихъ нанималъ тогда квартиру. Рѣшившись выпроводить его изъ Лондона, уважилъ онъ предъ нимъ выгоды такой должности, которую считалъ онъ однакожъ недостойною его, и предложилъ ему награду за то мѣсто, которое онъ обѣщалъ ему въ Ямайкѣ. Но онъ не имѣлъ нужды въ сей предосторожности: Генрихъ, потерявши надежду

владѣть Кларою Элтонъ, равнодушно взиралъ на всякую страну, въ которую ни послалъ бы его Габъ. Климатъ, годовое время, народы жаркаго пояса, или ледовитыя земли Лапонскія, не были уже предметами, достойными его вниманія; самое желаніе, столь обыкновенное юношеству, проложить себѣ дорогу къ щастію, и любовь къ независимости, не воспламеняли уже того сердца, въ коемъ царствовала Клара Элтонъ, въ коемъ образъ ея начертанъ былъ незагладимыми чертами, и въ коемъ возродила она благороднѣйшую изъ страстей, добродѣтельную любовь.

Генрихъ, наскучившій свѣтомъ, въ коемъ бездѣльникъ торжествуетъ, а самохвальство заставляетъ молчать человѣчество, спокойно слушалъ предложенія Габа, которой разсыпался въ извиненіяхъ, что не могъ сдержать даннаго ему слова, чтобъ пристроить его къ лучшему мѣсту... Изъ послѣднихъ писемъ корреспондентовъ моихъ, говорилъ онъ ему,

узналъ я, что нѣтъ уже надобности въ Директорѣ. . . Мѣсто сїе отдано другому человѣку, котораго я долженъ поберечь по причинѣ кредиту его и глубокаго свѣденїя въ дѣлахъ. . . Притомъ же покровительство Капитана важнѣе моего, и будетъ для васъ выгодно по многимъ причинамъ. . Я не отчаяваюсь, чтобъ вы чрезъ нѣсколько лѣтъ не были столь же богаты, какъ какой нибудь Принцъ. . Миръ можетъ воспрепятствовать вашимъ успѣхамъ, но компанїя не имѣетъ ли силы возмутить Индостанъ? . . Можно ли подумать, чтобъ она попустила Индѣйцамъ быть долгое время спокойными владѣтелями отеческаго ихъ наслѣдїя? Габъ столько былъ занятъ своимъ предпрїятїемъ, что сїи артикулы положилъ на бумагу, опасаясь, чтобъ не позабыть ни одного слова, которое могло бы заохотить Дельмора принять предложенїе его.

Я на все согласенъ, отвѣчалъ ему Генрихъ, не безпокоясь навѣдаться объ имени Капитана, и пошелъ съ Габомъ въ Сюфолькъ-Стритъ.

Благопріятной пріемъ, учиненной Генриху Г. Манліемъ; оказанное имъ сожалѣніе, что онъ не могъ предложить ему соразмѣрнаго съ достоинствами его мѣста, и обѣщаніе доставить ему такія выгоды, коихъ обыкновенно не имѣютъ прикащики купеческаго корабля, доказывали, что Капитанъ имѣлъ совсѣмъ другое мнѣніе, нежели Габъ, о рекомендуемомъ ему отъ него молодомъ человѣкѣ. Генрихъ не думалъ о тѣхъ выгодахъ, кои онъ могъ бы получить отъ своихъ дарованій; онъ былъ нещастливъ, и прочее было для него ничто. — Вы кажется имѣете печаль, сказалъ ему Капитанъ. (Генрихъ вздохнулъ.) У этого молодаго человѣка нѣтъ денегъ, говорилъ онъ самъ въ себѣ; я дамъ ему въ зачетъ его жалованья двадцать гиней. Подумавши же нѣсколько о собственномъ своемъ поло-

женїи: я не имѣю и половины сей суммы для самаго себя, мыслилъ онъ; однакожъ я освобожу его отъ издержекъ, сопряженныхъ съ поѣздкою изъ Лондона въ Плимутъ; и тотчасъ предложилъ Генриху мѣсто въ своей коляскѣ, и согласился съ нимъ, чтобъ имъ ѣхать на другой день въ одиннатцать часовъ утра.

После сего распоряженїя Дельморъ вышелъ отъ него, не думая о другихъ статьяхъ, нужныхъ для путешествїя въ Индїю. Пока Габъ имѣлъ прибыль въ снабдѣванїи Генриха деньгами для обманыванїя жены своей, то онъ ничего не щадилъ; но когда дѣло шло о облегченїи участи нещастнаго, то скупость одержала верьхъ надъ человѣколюбїемъ: онъ оставилъ Генриха, даже не спросивши у него, есть ли у него деньги, на что бы можно ему было закупить небольшое число товаровъ для продажи ихъ съ барышомъ въ Индїи.

Генрихъ, пришедши въ трактиръ, увязалъ свое бѣлье и платье, и тотчась былъ готовъ ѣхать; у него не было родителей, коихъ должно бы было ему утѣшить; не было друзей, съ коими надобно бы было видѣться и проститься; взоры Клары Элтонъ устремлены были на другой предметъ, и Англія не заключала уже въ себѣ ничего такого, что могло бы привязывать его къ жизни.

Между тѣмъ какъ съ уныніемъ ожидалъ онъ времени ужинать, началъ онъ пересматривать свой бумажникъ, чтобъ освободиться отъ пустыхъ бумагъ. Между прочимъ нашелъ онъ тамъ письмо Анны Макъ-Дугаль и росписку, уполномочивающую его выкупить положенный въ закладъ портретъ. — Бѣдная Анна! вскричалъ онъ, я забылъ о тебѣ, такъ какъ и о тѣхъ деньгахъ, кои я далъ въ займы Капитану Габу; естьли онъ не отдастъ мнѣ тѣхъ денегъ, то я не въ состояніи буду исполнить даннаго мною тебѣ обѣ-

щанія, и портретъ доброй твоей барыни полежитъ еще нѣсколько времени у ростовщика. Почему тотчасъ написалъ онъ къ Капитану Габу письмо, напоминая ему о данныхъ ему въ займы пятидесяти гинеяхъ, и прося его прислать хотя двадцать двѣ гинеи, въ коихъ имѣлъ онъ необходимую нужду.

Капитанъ не бывалъ еще домой, сказала подателю письма одна женщина. Генрихъ послалъ его въ другой разъ, но Капитанъ легъ спать. На другой день рано поутру Генрихъ пошелъ самъ къ Капитану, котораго имѣлъ онъ честь видѣть въ окнѣ съ своею Синьорою, однакожъ увѣрили его, что онъ уѣхалъ въ Батъ. Дельморъ, пришедши въ ярость, что за довѣренность его такъ съ нимъ поступаютъ, пошелъ отъ Капитана, размышляя о обязанности честнаго человѣка быть скупу на обѣщанія и исправну въ исполненіи оныхъ, когда уже онъ далъ ихъ.

Я далъ обѣщанiе Аннѣ, говорилъ онъ самъ въ себѣ, идучи въ ту улицу, гдѣ жилъ ростовщикъ. - Сколько денегъ, государь мой, дали вы подъ портретъ? спросилъ Генрихъ у ростовщика. - Пять гиней, сударь, отвѣчалъ онъ ему, смотря пристально на Дельмора, у котораго было только три гинеи и нѣсколько шилинговъ. — Бѣдная Анна! вскричалъ Генрихъ трогательнымъ голосомъ.

Я думаю, сударь, что это вашъ портретъ, такъ какъ то показываютъ черты ваши. . . .

Мой! вы обманываетесь; онъ принадлежитъ одной бѣдной женщинѣ, коей я обѣщалъ выкупить его отъ васъ, но теперь съ печалiю вижу, что требуемая вами отъ меня сумма превышаетъ ту, которую я имѣю на лицѣ, и я тѣмъ болѣе жалѣю объ этомъ, что я, такъ какъ весьма вѣроятно, не буду уже имѣть возможности сдержать своего слова. . .

Не печальтесь, сударь, о честной Ирландкѣ; я сберегу этотъ порт-

ретъ до тѣхъ поръ, какъ она сама потребуетъ его . . . Естьли вамъ не противно будетъ войти въ комнату, то я покажу вамъ портретъ, и вы увидите, сударь, что догадки мои основательны.

Какъ любопытство Генрихово возбуждено было словами ростовщиковыми, то онъ и вошелъ къ нему, и увидѣлъ въ лучшей его комнатѣ поставленную картину, представлявшую Гжу. Дельморъ и его, когда было ему около двенатцати лѣтъ. Боже мой! вскричалъ онъ, отступивши нѣсколько шаговъ, я помню эту картину; но какъ она досталась во владѣнiе Гжи. Мак-Дугаль? — Я объ этомъ неизвѣстенъ, а знаю только то, что она заложена мнѣ этою женщиною, которая казалось особенно старалась о сохраненiи сего портрета.

Генрихъ припомнилъ все то, что Анна ни говорила ему о собственныхъ дѣлахъ своихъ, также и то, что она никогда ничего не говорила

ему о дѣлахъ Гжи. Дельморъ. Какъ время не позволяло ему хорошенько навѣдаться о семъ, и какъ ребяческія его приключенія утвердили его въ той мысли, что онъ родился отъ бѣдныхъ и немилосердыхъ родителей, то онъ заплатилъ проценты съ данной суммы, возвратился на свою квартиру, отправилъ багажъ свой съ почтовою коляскою, по томъ поѣхалъ къ Капитану Манлїю, выѣхалъ изъ Лондона, имѣя въ карманѣ своемъ тритцать восемь шилинговъ, и съ сею суммою предприналъ путешествїе въ Индїю.

Капитанъ и Генрихъ имѣли время дорогою утвердиться въ томъ выгодномъ мнѣнїи, каковое они возъимѣли одинъ о другомъ при первомъ своемъ свиданїи. Манли, прїѣхавши въ Плимутъ, тотчасъ пошелъ на корабль, а Генрихъ остался въ трактирѣ для принятїя тамъ багажу своего. Но какъ сигналъ къ сбору на корабль данъ былъ прежде прїѣзда почтовой коляски, то Генрихъ и по-

шелъ къ Капитану, которой принялъ его такимъ образомъ, что внушилъ къ нему почтенie въ тѣхъ молодыхъ Офицеровъ, съ коими Генрихъ долженъ былъ обѣдать. Лишь только вошелъ онъ на корабль, то и возстали затрудненiя въ принятiи его въ ихъ общество по причинѣ невозможности доставлять ему его долю и платить за положенные на кораблѣ запасы.

Тогда-то Генрихъ устыдился своего убожества, и сожалѣлъ, что принялъ сie мѣсто, не зная тѣхъ обязанностей, въ кои онъ вступилъ. Онъ еще думалъ объ этомъ, какъ поднятъ былъ якорь, и онъ увидѣлъ берега отечества своего изчезающими. Морская болѣзнь тотчасъ на него напала, и поострочила безпокойства его; но онъ выздоровѣлъ для большаго ощущенiя своего нещастiя. Оказываемыя объ немъ старанiя казались ему упреками за учиненное имъ неблагоразумie, что онъ не изъяснился съ Габомъ и Манлiемъ.

Ни уборы, ни платье, которое онъ имѣлъ съ собою (чемоданъ его привезенъ былъ тогда на транспортномъ суднѣ), не могли служить ему во время пути. Стыдясь показываться одѣтымъ иначе, нежели его товарищи, а болѣе еще того, что не имѣлъ денегъ, убѣгалъ онъ ихъ, и запирался въ углу корабля. Печаль повредила его здоровье, и сдѣлала его неспособнымъ отправлять должности своего мѣста. Пригожій, плѣняющій, пріятной и рѣзвой Генрихъ Дельморъ, будучи въ отчаяніи, въ замѣшательствѣ, и въ тягость самому себѣ, представлялъ уже изъ себя только образъ печали, и вскорѣ сдѣлался тѣнью того, чѣмъ былъ прежде. Волненіе души его нечувствительно помѣшало въ немъ разумъ.

Корабельной Лѣкарь донесъ Капитану, что молодой человѣкъ, коего онъ везъ съ собою, неспособенъ оказывать ему услугъ, коихъ онъ отъ него надѣялся. Капитанъ, тронутой

состоянїемъ Генриховымъ, приказалъ удвоить старанїя о немъ, и ничего не щадить, что только могло бы возвратить ему здоровье. Каждой старался повиноваться ему; но Дельморъ, погруженной въ состоянїе нечувствительности, не могъ цѣнить ихъ попеченїй.

Какъ онъ былъ нерадивъ въ своемъ уборѣ, неопрятенъ, блѣденъ, худъ, обезображенъ, имѣя глаза орошенные слезами и взоры устремленные въ землю, то видъ его устрашилъ помощника Лѣкарскаго, принесшаго ему одно лѣкарство, котораго Генрихъ не хотѣлъ принять, говоря ему: не продолжай жизни нещастнаго.

Тотъ, кому Генрихъ говорилъ такимъ образомъ, назывался Виллїамомъ. Кроткое и вкрадчивое его свойство соотвѣтствовало занимаемому имъ мѣсту. Упросивши Генриха принять лѣкарство, изъявилъ онъ ему печаль свою, видя его въ семъ жалкомъ состоянїи, и постепенно

достигъ до того, что уговорилъ его перемѣнить бѣлье, выбриться, и прочесть книгу, которую онъ ему давалъ. Дельморъ слушалъ его съ удовольствiемъ, и сдѣлалъ все то, чего онъ отъ него требовалъ, но не читалъ книги, которую Виллiамъ на другой день нашелъ на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ положилъ ее наканунѣ. Генрихъ изъ учтивости обѣщался быть внимательнѣе къ его совѣтамъ, и взглянулъ на тѣ мѣста въ книгѣ, кои Виллiамъ показалъ ему.

Между тѣмъ какъ онъ пробѣгалъ ихъ, Виллiамъ вынулъ изъ своего кармана другую книгу, которую читалъ со вниманiемъ; титулъ и содержанiе ея сходственнѣе были съ положенiемъ Генриха, которой просилъ Виллiама сообщить ему нѣчто изъ ней, но Виллiамъ не отвѣчалъ ему ничего. Генрихъ взглянулъ на то мѣсто, надъ которымъ онъ по видимому размышлялъ, и увидѣлъ, что это были *страданiя* нещастнаго Вертера.

Книга открыта была на томъ мѣстѣ, гдѣ сочинитель дѣлаетъ слѣдующее замѣчанїе: — „Я иногда понять не „могу, какъ она любитъ другаго, „какъ она смѣетъ . . . и которое такимъ образомъ оканчивается: „ме„жду тѣмъ какъ я думаю только о „ней, знаю только ее, и во всемъ „свѣтѣ имѣю только ее!„

Когда вы прочтете эту книгу, то сдѣлайте мнѣ удовольствїе, ссудите меня ею, сказалъ ему Генрихъ съ торопливостїю. — Я прочелъ уже ее, отвѣчалъ ему Вилліамъ. По томъ бросивши безпокойной взглядъ къ дверямъ, сказалъ Генриху: ссудите меня пистолетомъ. — У меня нѣтъ его, отвѣчалъ ему Генрихъ вздохнувши.

Вилліамъ отдалъ ему книгу, не воображая себѣ, что опасно позволять ему чтенїе, въ тысячу кратъ опаснѣйшее тончайшаго яда; чтенїе, произведшее великое число самоубїйствъ, и коего пагубныя дѣйствїя сокрыты подъ видомъ величайшей чувствительности.

Генрихъ и Вилліамъ заперлись вмѣстѣ для пожиранія сего опаснаго сочиненія. Генрихъ нашелъ въ исторіи Нѣмецкаго героя собственную свою исторію; Сиръ Джемсъ Рестивъ сдѣлался *Албертомъ*, причинявшимъ ему печали. Онъ хвалилъ правила Вертеровы, и по его примѣру вознамѣрился вдругъ кончить всѣ свои нещастія.

Вертеръ имѣлъ одну только причину возненавидѣть жизнь, а я имѣю ихъ тысячу, говорилъ самъ въ себѣ Генрихъ. — Я имѣю тысячу побужденій броситься въ объятія единственнаго Отца, коего я зналъ, предстать предъ него прежде времени, назначеннаго имъ для моего возвращенія, и просить о покровительствѣ, въ коемъ отказываютъ мнѣ въ семъ развращенномъ мірѣ. — Нещастіе и напасти ознаменовали часъ моего рожденія. — Вертеръ имѣлъ мать, друзей и родительской домъ: онъ лишился Шарлотты, но онъ зналъ, что она обѣщана была другому . . . Ахъ, Клара! . . . Ахъ, Боже мой!

я . . . но, Вертеръ, голосъ твой призываетъ меня; последую тебѣ . . . Тогда была полночь; Генрихъ тихо вошелъ на верьхнюю палубу, и имѣя за пазухою своею Вертера, бросился въ море.

ГЛАВА 45.

Самоубійство.

Небо усыпано было блестящими звѣздами, разливавшими зыблющійся свѣтъ по текучимъ водамъ; море было спокойно; пріятность прекрасной ночи вывела на галлерею, находящуюся на кормѣ, корабельнаго священника, размышлявшаго о добродѣтеляхъ своей супруги, съ коею нужда приневолила его разстаться, и о тѣхъ выгодахъ, кои онъ доставитъ Астрономіи, употребивши часъ спокойствія на произведеніе новыхъ наблюденій. Шумъ, причиненный паденіемъ Генриховымъ, заставилъ священника забыть и любезную свою супругу, и теченіе звѣздъ. Естьли

бы онъ принялъ столько же предосторожностей для спасенія утопавшаго человѣка, сколько Генрихъ принялъ оныхъ для погубленія себя, то исторія моя кончилась бы на предъидущей Главѣ. Сей священникъ имѣлъ жену и дѣтей; онъ не зналъ имени утопавшаго человѣка, но онъ былъ чувствителенъ, человѣколюбивъ, и не слушалъ пагубныхъ совѣтовъ достойнаго презрѣнія эгоизма.

Морскія волны уволокли Генриха подъ галлерею, на коей находился священникъ, которой, видя его погибающаго, сбросилъ съ себя платье, соскочилъ въ море, схватилъ его за волосы, и кликнулъ на помощь. На голосъ его прибѣжали нѣсколько матросовъ, и встащили ихъ вмѣстѣ на корабль.

Генрихъ лишился уже движенія, да и священникъ едва дышалъ. Увѣдомили Капитана объ опасности, каковой приключеніе сіе подвергло священника, къ которому имѣлъ онъ нѣжнѣйшее дружество, и о состояніи,

въ каковомъ находился лунатикъ, коего онъ спасъ отъ явной смерти. Манли препоручилъ Дельмора въ смотрѣнїе Виллїама, а священника велѣлъ положить въ постелю, и самъ за нимъ ходилъ.

Виллїамъ, скинувши съ Генриха платье, нашелъ у него ту пагубную книгу, которую онъ ему далъ, и увидѣлъ на шеѣ его золотое сердечко, въ коемъ лежали волосы; онъ бросилъ книгу въ море, и употребилъ средства, предписанныя для возстановленїя обращенїя крови. По двучасныхъ прилѣжныхъ staранїяхъ Виллїамъ положилъ Генриха въ теплую постелю, въ коей испарина больнаго произвела въ немъ надежду совершеннаго излѣченїя.

Священникъ умѣлъ плавать, и не имѣлъ другаго припадка, кромѣ того, которой неразлученъ отъ страха. Однакожъ Капитанъ воспользовался тѣмъ временемъ, какъ они на другой день поутру вмѣстѣ завтракали, для представленїя ему неблагораз-

умнаго его поступка: отецъ семейства, говорилъ онъ ему, долженъ быть скупѣе на жизнь свою, нежели мы холостые люди. — Я согласенъ въ этомъ, отвѣчалъ ему священникъ; но мнѣ казалось, что нѣкоторая вышшая сила толкнула меня въ слѣдъ за симъ нещастнымъ; я даже горю желанїемъ посмотрѣть на него, и узнать, по какой причинѣ учинилъ онъ сїе преступленїе ... Въ сїе время принесли къ Капитану письмо отъ больнаго, и онъ прочелъ его въ слухъ.

Государь мой!

„По безразсудству моему покусившись на жизнь, коею я одолженъ „теперь человѣколюбїю служителя „алтарей Бога, коего я осмѣлился „презрѣть милосердїе, какимъ обра„зомъ предстану я предъ васъ и „предъ достойнаго моего благодѣ„теля? Стыдъ мой равняется съ „моимъ преступленїемъ; но раскаянїе, „мною отъ того чувствуемое, по„даетъ мнѣ право надѣяться, что

„вы меня въ томъ простите. Ахъ,
„государь мой! я не имѣю никого,
„кромѣ самаго себя, для защищенія
„дѣла моего предъ вами. Естьлибъ
„вы знали мое сердце, то вы сжали-
„лись бы надъ моимъ положеніемъ. Я
„составляю игралище фортуны, не-
„щастенъ за преступленіе родителей
„моихъ, коихъ я никогда не имѣлъ
„щастія знать; отверженъ, оста-
„вленъ, забытъ отъ . . . Но сіи причины
„не извиняютъ неблагодарности моей
„къ Творцу моему и къ вамъ; совѣсть
„моя непрестанно доказываетъ мнѣ,
„что здоровье и жизнь даны намъ не
„для пребыванія въ безпечности и
„не для окончанія дней нашихъ
„самоубійствомъ. Я чувствую тяжесть
„неблагоразумныхъ моихъ поступковъ,
„кои никогда не были слѣдствіемъ
„порока, но слѣдствіемъ страстей
„заблуждающагося юношества. Поз-
„вольте мнѣ заняться тѣми долж-
„ностями, для коихъ позволили вы
„мнѣ сопутствовать вамъ, и не
„отриньте молодаго человѣка, ко-

„торой постарается сдѣлаться до-
„стойнымъ той довѣренности, коею
„вы его почтили; а между тѣмъ
„остаюсь съ моимъ почтенїемъ, и
„проч.„

Я не примѣчаю ни малаго слѣда глупости въ этомъ письмѣ, сказалъ священникъ Капитану. — И я также, отвѣчалъ Манли, и приказалъ сказать Г. Конваю, что онъ хочетъ нѣсколько съ нимъ поговорить. Генрихъ тотчасъ вошелъ въ комнату, въ коей Капитанъ завтракалъ съ священникомъ. Манли при видѣ человѣка, похожаго на страшилище, изпустилъ вопль; священникъ оборотилъ голову, чтобъ посмотрѣть на предметъ, возбуждавшїй въ немъ страхъ, и самъ сдѣлалъ такое движенїе, которое изъявляло ужасъ.

Томные взоры Генриховы устремлены были на Капитана; онъ остался недвижимъ у дверей кабинета, и не смѣлъ съ нимъ говорить. Капитанъ, тронутый состраданїемъ, прервалъ молчанїе, и представляя

Генриха священнику: Г. Конвай! сказалъ онъ ему, вотъ та честная духовная особа, которая спасла вамъ жизнь. Генрихъ изпустилъ глубокой вздохъ, залился слезами, и бросился къ ногамъ священниковымъ.

Праведное Небо! вскричалъ священникъ, обнявши его, могу ли я вѣрить глазамъ своимъ? . . . не сонъ ли это? . . . Но нѣтъ, это онъ, это другъ мой, благодѣтель мой! Божественный Промыслъ! продолжалъ онъ, ставши на колѣни: ты предоставилъ мнѣ верьховное щастїе подвергнуть опасности жизнь мою для соблюденїя жизни достойнаго, чувствительнаго Дельмора.

Вы обманываетесь, Г. Кадоганъ, возразилъ ему Капитанъ; его зовутъ Конваемъ. — Пусть будетъ онъ Конвай или Дельморъ; я не стараюсь проникнуть въ причины, понудившїя его перемѣнить имя. Сїи слезы, сїи радостные восторги признательнаго сердца увѣряютъ васъ, что онъ есть лучшїй, добродѣтельнѣйшїй изъ людей;

пусть будетъ онъ жертвою фортуны, или любимцомъ ея, но это онъ, сударь; да, это тотъ молодой и нѣжной другъ, которой былъ покровителемъ дѣтей моихъ, утѣшителемъ моей Элизы. . . . Не уже ли забыли вы Кадогана?

При семъ толь любезномъ имени Дельморъ вышелъ изъ своей спячки, и поднялъ руки и глаза къ небу: Боже Всемогущїй! вскричалъ онъ, какую новую цѣну даешь Ты существованїю моему? Ахъ, достойной другъ мой! гдѣ ваша супруга?... гдѣ дѣти ваши? Я трепещу . . . За чѣмъ вы здѣсь?

Вы узнаете объ этомъ въ другое время, а теперь порадуемся встрѣчѣ нашей. Капитанъ! я вамъ представляю честнѣйшаго человѣка, лучшее сердце, и украшенїе общества.

Чистосердечная Кадоганова радость и свѣденїе Манлїево о добродѣтеляхъ его обезпечили его въ разсужденїи Генриха. Старанїе его въ утаенїи своего имени возбудило въ немъ любопытство,

но онъ отложилъ удовлетворенїе онаго до спокойнѣйшаго времени. Онъ радовался щастливому случаю, повстрѣчавшему его съ другомъ, къ коему казался онъ толь нѣжно прилѣпленнымъ. Пригласивши Генриха обѣдать къ своему столу, просилъ онъ ихъ выйти въ другую комнату, желая доставить имъ свободу поговорить безъ свидѣтеля. Я знаю уже ваши приключенїя, сказалъ онъ Кадогану, но статься можетъ, что Г. Конвай, или Дельморъ, не почтетъ за пристойное увѣдомить меня о причинѣ, понудившей его сѣсть на корабль. . . — Божусь, сударь, вамъ, возразилъ ему Генрихъ со скромностїю, что выключая одного проступка, учиненнаго мною въ первомъ моемъ юношествѣ, не могу я упрекнуть себя ни въ одномъ такомъ, которой бы могъ вредить моей чести и праводушїю. Капитанъ настоялъ, и Кадоганъ и Генрихъ вышли, давши ему знать, что они повинуются, опасаясь ему наскучить.

Радость, чувствуемая Кадоганомъ, что увидѣлся съ своимъ благодѣтелемъ, мѣшала ему отвѣчать на Генриховы вопросы о Г. Франклинѣ и о дѣлахъ собственнаго его семейства. Когдажъ онъ нѣсколько успокоился, то разсказалъ ему, что Капитанъ Манли есть тотъ самой Офицеръ, коего онъ столько ему хвалилъ, и съ коимъ онъ уже ѣздилъ въ Западную Индїю. Безчисленные опыты дружества, кои я видѣлъ отъ него, продолжалъ онъ, принудили меня принять то мѣсто, которое я теперь занимаю. Какъ скоро получилъ онъ команду надъ симъ кораблемъ, то и началъ стараться о моемъ производствѣ; онъ доставилъ мнѣ способы поправить состоянїе мое, и выходилъ для жены моей и дѣтей пенсїи, а также и для меня, коими я и буду пользоваться по возвращенїи моемъ въ Англїю. . . .

Ахъ, другъ мой! какъ могли вы разстаться съ обожающею васъ же-

ною? спросилъ у него Генрихъ съ чувствительностїю.

Увы! любовь должна была уступить нуждѣ, отвѣчалъ ему Кадоганъ, имѣя глаза, омоченные слезами. Многочисленное мое семейство, покровительствуемое добродѣтельнымъ Франклиномъ, возбудило зависть въ Пасторѣ Ортодоксѣ. Какъ скоро онъ узналъ, что оно одолжено подпорою своею милостямъ Г. Франклина, то началъ меня гнать, и мнѣ сказано было, что онъ вышлетъ меня изъ Этера, коль скоро найдетъ другаго на мое мѣсто. Злость его не ограничивалась на мнѣ; жена моя и дѣти сдѣлались для него ненавистными предметами; онъ возбудилъ противъ нихъ одну близкую родственницу нашего покровителя, которую я изъ почтенїя не именую, и подвергъ ихъ всегдашнимъ обидамъ. Не въ состоянїи будучи долѣе терпѣть мучительства его, рѣшился я оставить Этеръ, и кстати получилъ письмо отъ Капитана Манлїя. Когда я по-

казалъ его моей Элизѣ, то она уговорила меня не отвергать благосклонности, представляемой намъ щастїемъ.

Между симъ временемъ одно печальное приключенїе понудило Г. Франклина ѣхать въ Батъ, и споспѣшествовало моей рѣшимости. — Одно приключенїе! вскричалъ Генрихъ. Кадоганъ наблюдалъ молчанїе; Генрихъ многократно взглядывалъ на него и угадалъ причину, препятствовавшую ему говорить. То есть похищенїе Клары, сказалъ онъ самъ въ себѣ и вздохнулъ; Кадоганъ бросилъ на него умильной взглядъ, и наконецъ сказалъ ему: я изъяснилъ вамъ причины, понудившїя меня разстаться съ моимъ семействомъ; удовольствуйте теперь мое любопытство въ разсужденїи того, что могло доставить намъ щастїе встрѣтиться здѣсь. Я знаю причину, принудившую васъ выѣхать изъ Элера; но не могу понять того, что препятствовало вамъ писать къ Г. Франклину.

Генрихъ разсказалъ ему все случившееся съ нимъ съ того дня, какъ онъ оставилъ Франклина, до самаго вступленія своего на корабль; онъ говорилъ ему безъ околичностей о страсти своей къ Кларѣ Элтонъ, и не скрылъ отъ него обидъ своихъ, кои по его мнѣнію причинилъ онъ Лавиніи. Они столько занялись собственными своими дѣлами, что и не думали о приглашеніи, каковое Капитанъ учинилъ Генриху, которой продолжалъ повѣствованіе свое до самаго вечера. Священникъ взялъ на себя извинить его предъ Капитаномъ, и разсказалъ ему приключенія своего друга. Чистосердечіе, найденное Манлїемъ въ признаніи Генриховомъ проступковъ своихъ, столь сильно тронуло его, что онъ послалъ просить его къ себѣ ужинать. Съ сего времени началась между ими искренняя довѣренность, и Манли уволилъ его отъ должностей его мѣста.

Желая услышать повѣствованіе нѣкоторыхъ другихъ приключеній, о

которыхъ Генрихъ и священникъ не имѣли времени говорить, пригласилъ онъ ихъ на другой день завтракать, и всѣ трое разстались весьма довольными своимъ разговоромъ.

Генрихъ, легши спать, началъ размышлять о преступленіи, которое учинилъ онъ въ предъидущую ночь. Хотя онъ и раскаявался, что дерзнулъ покуситься на жизнь свою, однакожъ не менѣе былъ равнодушенъ къ средствамъ соблюсти ее. Правда, Провидѣніе повстрѣчало его съ другомъ въ такое время, когда онъ почиталъ себя оставленнымъ отъ всего свѣта; но онъ лишился Клары. Скорой отъѣздъ Г. Франклина хотя и могъ бы воспрепятствовать браку ея съ Баронетомъ, но должно ли было ему ласкаться, что онъ прервётъ его? Сіи сомнѣнія не дали ему заснуть; онъ всталъ не спавши, и пошелъ къ Капитану печальнѣе прежняго.

ГЛАВА 46.

Краткое повторенїе.

Повѣствованїе Генрихово о приключенїяхъ своихъ побудило священника увѣдомить его о многихъ обстоятельствахъ, коихъ онъ не зналъ до сихъ поръ, и кои важно было для него знать для обнаруженїя Лавинїина съ нимъ поведенїя во время пребыванїя его въ Этерѣ.

Чтобъ лучше можно ему было познакомить Генриха съ Капитаномъ, которой его слушалъ, то онъ долженъ былъ описать ему Франклина и другихъ особъ, имѣвшихъ участїе въ главныхъ приключенїяхъ сей исторїи. Безъ сомнѣнїя можно вспомнить сказанное мною, что Франклинъ любилъ жить дружески съ своими васалами, и что онъ всякой день, выключая Воскресенье, ходилъ къ содержательницѣ трактира подъ знакомъ *Козьей головы*. Посѣщенїя толь важнаго человѣка напыщали Гжу. Гуд-

сонъ, и дѣлали ее страшною сосѣдкамъ ея, коихъ тайны легко она проникала, и сообщала ихъ по томъ Франклину: она разсказывала ему не только все то, что произходило въ семействахъ, но и отъ себя выдумывала соблазнительныя исторіи, коихъ выдавала она себя за очевидную свидѣтельницу. Словомъ сказать, Гжа. Гудсонъ чванилась тѣмъ, что болѣе другихъ знала; однакожъ умалчивала о такихъ дѣлахъ, кои скрывать отъ Франклина имѣла она свои выгоды.

Хотя она знала о любовныхъ связяхъ дѣвицъ Ортодоксъ съ Ландмилицкими Офицерами, и хотя часто замѣчала между ими и ихъ любовниками такую дружественность, которая не совмѣстна была съ цѣломудріемъ; однакожъ умолчала о томъ, чтобъ не прервать чрезъ то баловъ, даваемыхъ въ ея домѣ.

Поручикъ, сынъ стараго Довнеса, не былъ столько скроменъ. Возгордившись, что понравился пре-

красной Лавиніи, тщеславился онъ своимъ торжествомъ, не думая о томъ, что побѣда его причиняла безчестіе предмету любви его. Въ Пасторовомъ домѣ не знали о связи Лавиніиной съ Порутчикомъ, но въ селѣ было уже о томъ извѣстно. Крестьяне часто бывали свидѣтелями ночныхъ ихъ сходбищъ, и многіе приписывали нечаянной припадкѣ меньшой дочери Пасторовой естественному дѣйствію такой причины, которую она тщательно скрывала отъ отца своего. Гжа. Гудсонъ держала вѣрной щетъ тому времени, съ котораго Лавинія начала жаловаться на болѣзнь, изгнавшую изъ лица ея живость, и увѣдомила о томъ Г. Франклина, когда добрая ея пріятельница Гжа. Ортодоксъ сдѣлала ей довѣренность о намѣреніи его женить Генриха на Лавиніи. Тогда-то разсказала она ему о всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся до связи между Ландмилицкимъ Офицеромъ и дѣвицею Ортодоксъ, и открыла ему

безчинное поведенiе Пасторовыхъ дочерей.

Франклинъ увидѣлъ тогда, что Лавинiя ласкалась скрыть свой проступокъ на щетъ спокойствiя Генрихова, и что она старалась погубить молодаго человѣка, коему назначалъ онъ Кларину руку. Хотя онъ не изъяснился еще въ своихъ намѣренiяхъ, однакожъ расположенъ былъ отказать Дельмору все свое имѣнiе, и сдѣлать щастiе его совершеннымъ, соединя его съ дѣвицею Элтонъ, коей проникъ онъ склонность къ Генриху. Не хотя, чтобъ выборъ ихъ былъ его дѣломъ, ждалъ онъ того, чтобъ они, прежде нежели онъ будетъ говорить о томъ съ сестрою своею, получили другъ къ другу рѣшителъную наклонность.

Нещастiе, случившееся съ Лавинiею въ присутствiи Викарiя, подтвердило сомнѣнiя трактирщицыны и оправдало страхи Франклиновы; онъ тайно призвалъ къ себѣ Кадогана, чтобъ подробнѣе узнать отъ него

о такомъ дѣлѣ, о самомалѣйшемъ коего обстоятельствѣ хотѣлъ онъ быть извѣстенъ. По томъ пошелъ онъ къ Лавиніи, началъ выговаривать ей за ея лукавство, и грозилъ ей увѣдомить о томъ отца ея, естьли она не скажетъ ему истинны. Стыдъ признаться въ намѣреніи обмануть Дельмора понудилъ Лавинію приписывать ему свой проступокъ; но когда Франклинъ сказалъ ей, что будутъ смотрѣть за поведеніемъ ея, и что она совершенно будетъ оставлена, естьли рожденіе младенца, котораго она носила въ своемъ нѣдрѣ, не будетъ согласно съ тѣмъ временемъ, когда Генрихъ получилъ ея благосклонность: тогда она принуждена была признаться, что творцомъ ея нещастія былъ молодой Довнесъ; что онъ оставилъ ее въ то время, какъ состояніе ея не могло уже быть сокрыто отъ взоровъ публики, и какъ между симъ временемъ пріѣхалъ Дельморъ въ Этеръ, то она надѣялась загладить

пятно, причиненное Довнесомъ доброй ея славѣ, заставя Генриха повѣрить, что онъ былъ ея обольститель, и такимъ образомъ принудить его жениться на ней.

Столько лукавства въ возрастѣ чистосердечія увеличило то презрѣніе, какое имѣлъ уже Франклинъ къ Лавиніи. Однакожъ онъ помогъ ей сыскать убѣжище у тетки, жившей въ худой избѣ по близости отъ парка Лорда Белвуара. Въ семъ-то убогомъ состояніи понравилась она сему Лорду, о фамиліи коего должна я увѣдомить Читателей моихъ; для того что въ послѣдствіи сей исторіи Милордъ будетъ играть отличную ролю отъ той, въ которой я сначала вывела его на сцену.

ГЛАВА 47.

Родословіе фамиліи Лорда Белвуара.

Графъ и Графиня де Белвуаръ происходили въ прямой линіи отъ одного изъ храбрѣйшихъ Ирландскихъ Королей. Глава фамиліи владѣлъ безчисленными помѣстьями въ Англіи и Ирландіи; природа его давала ему отличной степень при Дворѣ, а дарованія пріобрѣли почтеніе Агличанъ. Графиня Маргарита Макнамара, сестра его, имѣла достатокъ, независимой отъ него, чему были причиною старанія матери ея, предусмотрѣвшей склонность къ забавамъ сына своего, коего добрыя качества соединены были съ великими недостатками. Графъ при первой поѣздкѣ своей въ Лондонъ сдѣлался игрушкою придворныхъ и бездѣльниковъ.

Тогда не было еще позволено въ Англіи обнаруживать безпутство, и молодые Лорды не включили еще

въ число своихъ привилегій свободу содержать публично любовницъ. Лордъ Белвуаръ, нетерпѣливо желая освободиться отъ строгихъ законовъ благопристойности, смягчилъ ихъ строгость; но не смѣя отвезть любовницы своей въ Ирландію, чтобъ не оскорбить добродѣтельную мать свою, привезъ ее въ одну Аглинскую провинцію, къ великому соблазну жителей.

Мать Графова, узнавши о поведеніи сына, увѣдомила его объ опасности, коей онъ подвергался; но онъ не отвѣчалъ на письма ея, и думалъ, что нашелъ сокровище въ обладаніи такою женщиною, которая любила только богатство его. Не смотря на страсть, которую она притворялась имѣть къ нему, и на тѣ издержки, кои онъ дѣлалъ въ угожденіе ей, гроты и лѣса Дербиширскіе наскучили ей, и въ то самое время, какъ клялась она Милорду въ вѣчной вѣрности, оставила его, и уѣхала въ Лондонъ съ

однимъ молодымъ и бойкимъ Полковникомъ.

Графъ, пришедши въ ярость, отчаяніе и стыдъ, что за легковѣріе свое былъ одураченъ, клялся отмстить, но напередъ отослалъ къ непостоянницѣ забытыя ею у него вещи, и на другой день послѣ своего нещастія уѣхалъ въ Ирландію.

Графиня Маргарита Макнамара, сестра Графова, воспользовалась отсутствіемъ его, и оставила обожавшую ее мать свою. Гордясь тѣмъ степенемъ, въ коемъ судьба произвела ее на свѣтъ, а болѣе еще напыщаясь независимымъ имѣніемъ, которое завѣщалъ ей отецъ ея при своей смерти, по наступленіи перваго дня совершеннолѣтія своего перешла она въ свой домъ, и дала свободу повелительному своему характеру.

Графиня Белвуаръ, презрѣнная своимъ сыномъ и оставленная дочерью, старалась найти въ достойной любви Гортензіи Монтго-

мери тѣ чувствованія, въ коихъ отказывали ей дѣти ея. Натура всѣмъ наградила Гортенсію, но щастіе ничѣмъ не надѣлило. Лордъ Белвуаръ, увидѣвши ее, до крайности влюбился въ нее, къ великому удовольствію своей матери, заключившей изъ страсти его къ Гортенсіи, что онъ обращается на путь добродѣтели. Она не безъ причины надѣялась, что привязанность его къ достойной почтенія женщинѣ будетъ легчайшимъ средствомъ прервать худыя знакомства и утвердить его щастіе.

Дѣвица Монтгомери, казалось, предопредѣлена была для произведенія сей щастливой перемѣны. Лордъ Монтгомери, отецъ ея, имѣлъ знаменитыхъ предковъ, многочисленное семейство, но мало достатку для поддержанія своего достоинства. Многіе изъ сыновей его содержались Государевымъ жалованьемъ, получаемымъ ими отъ тѣхъ мѣстъ, кои они занимали въ правительствѣ, въ арміи и въ церкви; одинъ только старшій

его сынъ сносилъ неудобства, сопряженныя съ знатностію, не имѣющею хорошаго достатка; онъ жилъ въ старомъ замкѣ своихъ предковъ, и пожиралъ въ молчаніи ту печаль, что онъ, по наложенному на себя долгу, перенесть въ потомство убожество ихъ вмѣстѣ съ ихъ именемъ, увеличиваетъ свои нужды.

Хотя Гортенсія не имѣла другаго приданаго, кромѣ пріятностей, красоты и ума, но Графиня Белвуаръ предпочла ее предъ всѣми выгодами, коихъ сынъ ея могъ надѣяться, женившись на единственной дочери одного Герцога, пріятельницѣ Графини Маргариты, которая весьма желала сего союза; однакожъ любовь убѣдила Лорда Белвуара сдѣлать лучшій выборъ; онъ далъ свою руку Гортенсіи, и надменная Графиня Маргарита, раздраженная симъ бракомъ, явно разсорилась съ нимъ и съ своею матерью, которая оплакивала неблагодарность ея, между тѣмъ какъ Графъ смѣялся надъ гнѣвомъ сестры своей.

Вдова Белвуаръ чрезъ три года послѣ торжествованія брака сына своего заплатила дань природѣ, и снесла съ собою во гробъ сожалѣніе Графово и добродѣтельной его супруги. Печаль о потерѣ друга повредила здоровье Гортенсіино, и угрожала ей умереть отъ утомленія. Лордъ Белвуаръ, стараясь разсѣять ее, предложилъ ей ѣхать въ Англію.

Гортенсія къ нещастію своему приняла предложеніе своего мужа, которой, не имѣя уже благоразумной матери для присматриванія за своимъ поведеніемъ, опять вергся въ заблужденія своего юношества. Графъ снова сдѣлался жертвою страстей своихъ; возобновилъ знакомство съ старыми своими товарищами въ непозволенныхъ забавахъ, и помирился съ любовницею, столь недостойнымъ образомъ обманувшею его.

Графиня де Белвуаръ была уже матерью двоихъ сыновей, и чревата третьимъ младенцемъ. Супругъ ея

обѣщалъ ей ко времени родовъ ея опять привезть ее въ Ирландію; но сіе обѣщаніе учинено было въ прекрасныхъ садахъ замка Белвуара, а забыто въ окружностяхъ Сентъ-Джемскаго дворца. Тщетно напоминала она ему о тѣхъ очаровательныхъ минутахъ, кои они раздѣляли въ спокойствіи безмятежной жизни; вихрь столицы увлекалъ его съ собою; разсѣянность погасила любовь, соединявшую его съ Гортенсіею, и онъ оказывалъ уже ей одно только совершеннѣйшее равнодушіе, скрываемое имъ подъ учтивою наружностію.

За невѣрностію къ женѣ последовала невѣрность и къ любовницѣ: скоро другой предметъ изгладилъ въ сердцѣ его прекрасную Фанни, и Графъ де Белвуаръ нечувствительно далъ свободу страстямъ своимъ. Игра довершила разореніе его; онъ кругомъ задолжалъ, и не прежде началъ помышлять о приведеніи въ порядокъ дѣлъ своихъ, какъ по рожденіи женою его шестаго младенца. Уже онъ

имѣлъ четырехъ сыновей и двухъ дочерей, требовавшихъ родительской помощи. Лордъ Креспиньи, старшій его сынъ, достигъ до тѣхъ лѣтъ, что надобно было жениться, какъ Графъ вправду уже занялся уменьшеніемъ разорявшихъ его издержекъ. Въ то время, какъ онъ хотѣлъ благоразумное свое намѣреніе произвесть въ дѣйство, Епископъ де . . . предложилъ ему союзъ свой, и Лордъ Креспиньи по нуждѣ женился на такой женѣ, которая ему не нравилась. Соединеніе ихъ было знакомъ къ ихъ ссорамъ. Графиня, какъ я уже сказала выше, объявила себя покровительницею наукъ и дарованій, расточала имѣніе свое съ голодными сочинителями, и приводила мужа своего въ бѣшенство.

Яковъ Макнамара, второй сынъ Лорда Белвуара, вступилъ въ духовное званіе, чтобъ попользоваться церковными доходами, коимъ отецъ его имѣлъ списокъ. Естьли бы онъ имѣлъ другія средства для поддер-

жанія своего достоинства, то отказался бы от такого состоянія, которое не сообразно было съ гордымъ его характеромъ. Онъ получилъ Епископство, и доказалъ, что знатной священнослужитель не слишкомъ безпокоится о должностяхъ Прелата.

Августъ Макнамара, третій сынъ Графовъ и тотъ, о которомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, предназначенъ былъ къ воинскому званію, и погибъ въ цвѣтѣ своего возраста. Меньшой сынъ умеръ почти въ колыбели.

Смерть Лорда Креспиньи, печаль Графини Белвуаръ о поведеніи своей невѣстки, и разстройка въ имѣніи Графовомъ, принудили жену его жить съ дочерями своими и внучкою въ одномъ Дербиширскомъ помѣстьѣ. Хотя Графиня Селина и Графиня Эмилія Макнамара были молоды и прекрасны, но нещастіе матери ихъ столь сильно трогало ихъ, что онѣ пред-

почли спокойствіе ея предъ увеселеніями столичнаго города.

При ихъ-то глазахъ Лордъ Белвуаръ представилъ услуги свои Лавиніи, и не устыдился тронуть чувствительность двухъ дочерей, воспитанныхъ добродѣтельною его супругою. Онѣ оплакивали глупость отца своего, но не жаловались на то. Примѣръ Графининъ научилъ ихъ благоразумію. Толико-то истинно, что одинъ хорошій примѣръ лучше витіеватѣйшихъ умствованій.

ГЛАВА 48.

Переходъ.

Обратимся къ доброму священнику, и обозримъ вмѣстѣ съ нимъ Этерской замокъ и жителей его.

Привязанность дѣвицы Франклинъ, принудившая Генриха уйти отъ нее, разстроила тотъ планъ, которой Франклинъ вмѣстѣ съ Кадоганомъ начерталъ для будущаго Дель-

морова щастія. Стремительной отъѣздъ предмета, учинившаго столько безпорядку въ такомъ сердцѣ, гдѣ прежде сего царствовало благоразуміе, оставилъ въономъ пустошу, которую одна только любовь могла наполнить. Ни посѣщенія Пастторовы, ни классическіе авторы, ни любовь къ славѣ не способны были разсѣять ученой исторіографки: она узнала прелести пріятнѣйшей страсти, и все ея знаніе уступало существеннѣйшимъ удовольствіямъ. Лѣта Ортодоксовы дѣлали его непривлекательнымъ утѣшителемъ; собственное его поведеніе изпровергало употребляемыя имъ доказательства для возстановленія спокойствія въ ея сердцѣ. Древняя и новѣйшая исторія, высокой штиль Греческихъ авторовъ, красоты Латинскаго языка, пріятность Аглинскихъ пїитовъ, лишились силы своей помирить ее съ кабинетомъ ея. Тщетно Пасторъ представлялъ ей тотъ шумъ, которой исторія ея произведетъ въ свѣтѣ;

ту зависть, которую она возбудитъ; ту славу, которая изъ того произойдетъ: она вздыхала по другимъ удовольствїямъ, коихъ не находила съ нимъ.

Она была въ тягость друзьямъ своимъ, несносна самой себѣ; почему философїя не для чего инаго служила ей тогда, какъ только для того, чтобъ дать ей узнать тѣ болѣзни, для коихъ сїя самая философїя не могла предписать лѣкарствъ. Ипохондрїя и нервяная болѣзнь въ первой разъ начали ее мучить. Увы! говорила она Пастору, естьли сїи болѣзни сопряжены съ человѣчествомъ, то какимъ образомъ древнїе избавлялись отъ оныхъ? Ни одинъ Историкъ не упоминаетъ, чтобъ *Горацїи* и *Курїацїи* имѣли нервяные припадки. Я не помню даже, чтобъ жаловались на сїю болѣзнь во время Троянской войны. Ахъ! безъ сомнѣнїя вмѣстѣ съ паденїемъ Римской Имперїи безпечность дала узнать сїи болѣзни, повреждающїя только ослабѣвшїе умы.

И въ самомъ дѣлѣ умъ дѣвицы Франклинъ столько ослабѣлъ, что братъ ея боялся, чтобъ она не впала въ безумїе.

Нещастна будучи въ учиненномъ ею выборѣ, тѣмъ болѣе мучилась отъ онаго, что сдѣлалась завидливою щастїю другаго. Сїя-то жестокая страсть понудила ее возбудить негодованїе Ортодоксово на старшую дочь его, вышедшую за Капитана Марша. Пришедши въ ярость, что Анна не съ Дельморомъ убѣжала, и что самой себѣ должна была приписывать уходъ его, отмстила за сїе на бѣдной дѣвушкѣ, обязавши отца ея запретить ей входъ въ домъ свой.

Капитанъ, женившїйся единственно только для освобожденїя себя отъ бѣдности, намѣренъ былъ оставить жену свою, естьли Пасторъ не дастъ ему приданаго. Франклинъ по обыкновенному своему великодушїю удержалъ его отъ того, и даже помирилъ съ Ортодоксомъ; а чтобъ въ

тому успѣть, то допустилъ его въ свое общество.

Какъ скоро хитрой Маршъ поговорилъ нѣсколько дней съ дѣвицею Франклинъ, то и узналъ, что въ угодность ей надобно было злословить Дельмора, и что это было также вѣрнымъ средствомъ понравиться Пастору; почему онъ наговорилъ столько худа о Генрихѣ, что сдѣлался обоихъ ихъ любимцомъ, и даже наперсникомъ дѣвицы Франклинъ.

Когда жена Пасторова получила позволенїе увидѣться съ дочерью своею по примѣру ея супруга, то и простила ей такой проступокъ, коего она была причиною. Притомъ же страхъ, чтобъ Ортодоксъ не узналъ о неблагоразумныхъ ея поступкахъ, и печаль, что она споспѣшествовала безчестїю Лавинїину, вдохнули въ нее нѣжнѣйшїя чувствованїя къ старшей своей дочери.

Таково было положенїе дѣлъ въ двухъ главныхъ домахъ въ Этерѣ,

когда молодой Довнесъ возвратился къ отцу своему. Увидѣвши Лавинію въ Лондонѣ, и по причинѣ ея распутства почитая себя свободнымъ отъ вознагражденія женидьбою того безчестія, которое причинилъ онъ ея фамиліи, явился въ Пасторовомъ домѣ со всякою благонадежностію такого человѣка, которой не чувствуетъ ни малаго угрызѣнія совѣсти.

Старой Довнесъ, предпочитавшій деньги предъ своею ключницею, а ее передъ своимъ сыномъ, узналъ отъ пронырливой Гжи. Гудсонъ, что сестра Франклинова почувствовала сильную страсть къ Дельмору. Естьли сердце дѣвицы Франклинъ могло воспламениться къ молодому человѣку, говорилъ онъ самъ себѣ, то для чегожъ не быть ей чувствительной къ услугамъ сына моего, которой лучше другаго? Почему онъ тотчасъ принялъ намѣреніе ввести его въ замокъ, и сообщилъ замыселъ свой шурину своему Доктору Грегорію.

Надежда получить часть того богатства, которое бракъ сей доставитъ племяннику, понудила дядю вспомоществовать предпріятію сему. Довнесъ поговорилъ о томъ съ своимъ сыномъ, и сообщивши ему все то, что сказала ему Гжа. Гудсонъ о любви дѣвицы Франклинъ къ Генриху, совѣтовалъ ему вытѣснить его изъ сердца ея, и ничего не щадить, чтобъ только жениться на ней. Когда согл ашенось было о всѣхъ наступательныхъ средствахъ, чтобъ *вдругъ овладѣть крѣпостію*, то положили они итти на *приступъ*, какъ скоро представится къ тому случай.

Худое здоровье дѣвицы Франклинъ доставляло Грегорію частые случаи видѣться съ нею. Искусство ласкать самолюбію больной и разговаривать съ нею о политическихъ новостяхъ дѣлало посѣщенія его необходимыми; почему вскорѣ прислано было за нимъ, чтобъ онъ скорѣе шелъ къ дѣвицѣ Франклинъ, которая чувствовала сильной ломъ въ головѣ.

Онъ побѣжалъ въ замокъ, и принявши соболѣзнующій видъ, началъ говорить съ нею такимъ образомъ, что далъ ей понять, что онъ зналъ источникъ болѣзни ея. Она вздохнула, и съ тѣхъ поръ ученая и глубокомысленная питомица почтеннаго Пастора Ортодокса сдѣлалась игрушкою сельскаго Эскулапія, котораго она всегда презирала.

Грегори говорилъ ей о своемъ племянникѣ, и дѣвица Франклинъ позволила ему на другой день поутру представить его себѣ. Прежде еще разсвѣта приготовились они къ сему важному визиту. Молодой Довнесъ надѣлъ свой мундиръ, и съ разчесанными и разпудренными волосами и съ бантомъ на шляпѣ пошелъ къ своему дядѣ, которой одѣлся на подобіе Лондонскаго Доктора.

Въ назначенной часъ пошли они тихими шагами къ замку, и пришли къ оному въ то самое время, какъ Франклинъ возвращался съ прогулки. Холодной и скромной видъ, съ ка-

кимъ онъ подошелъ къ нимъ, разстроилъ племянника и привелъ въ смущенїе Доктора; но ласковой прїемъ, учиненной имъ дѣвицею Франклинъ, разогналъ ихъ страхи и увеличилъ надежды. Грегори былъ краснорѣчивъ, молодой Довнесь услужливъ, краска въ лицѣ больной оживилась; разговоръ сдѣлался интереснѣе; Генрихъ былъ забытъ, и царство его кончилось торжествомъ Порутчиковымъ.

Удовольствїе видѣть впечатлѣнїе, производимое надъ молодымъ человѣкомъ тѣми прелестями, кои Генрихъ презиралъ, возбудило въ дѣвицѣ Франклинъ живость. Веселость ея удивила Ортодокса и Франклина, кои дрожали отъ страха, чтобъ не сдѣлаться свидѣтелями какихъ нибудь новыхъ сумазбродствъ. Владычество мое колеблется болѣе прежняго, говорилъ самъ въ себѣ Ортодоксъ. — Сестра моя хочетъ покрыть себя новымъ стыдомъ, думалъ Франклинъ. Одинъ только Капитанъ Марть

доволенъ былъ нечаянною перемѣною, примѣченною имъ во нравѣ дѣвицы Франклинъ: естьли другъ мой женится на ней, говорилъ онъ самъ въ себѣ, то отдастъ мнѣ тѣ деньги, коими я его ссудилъ. И такимъ образомъ во время обѣда каждой занимался разными заботами.

Съ сего времени дѣвица Франклинъ позволила Довнесу видѣться съ нею всякой день. Онъ столь хорошо притворилъ себѣ страсть, коей не чувствовалъ, что наконецъ получилъ ея руку. Они въ провожаніи Матвѣя тайно выѣхали изъ Этера, поѣхали вѣнчаться въ Лондонъ, и оттуда увѣдомили Франклина о союзѣ своемъ. Гнѣвъ его равенъ былъ съ изумленіемъ, въ каковое онъ пришелъ отъ толикой неблагодарности. Онъ вознамѣрился было наказать Довнеса, лишивши сестру свою наслѣдства; но Кадоганъ внушилъ въ него кротчайшія чувствованія; онъ столь хорошо защищалъ дѣло дѣвицы Франклинъ, что братъ ея при-

гласилъ ее возвратиться въ Этеръ. Она пріѣхала съ своимъ супругомъ, а Матвѣй остался въ Лондонѣ, чтобъ узнать, по словамъ его, то, чѣмъ занимался большой свѣтъ.

Довнесъ, не имѣя уже нужды притворяться, далъ свободное теченіе порочнымъ своимъ наклонностямъ. Онъ не щадилъ именія Франклинова, чрезмѣрно расточая оное. Нечувствителенъ будучи къ жалобамъ жены своей, нерадѣлъ онъ объ ней, и безпрестанно отлучался, чтобъ только избѣжать ея присутствія. Дѣвица Франклинъ, увидя тогда погрѣшность свою, сдѣлалась ревнивою, недовѣрчивою и вздорливою, и когда ей не можно было браниться съ своимъ мужемъ, то приводила въ отчаяніе своего брата.

Франклинъ, наскучивши безпрестанными смутнями, снова началъ жалѣть о потерѣ Генриха, и дѣлалъ всякіе поиски, чтобъ узнать о мѣстѣ пребыванія его. Естьли бы онъ успѣлъ въ томъ, то онъ намѣренъ

былъ соединить его съ Кларою, и кончить съ ними жизнь свою.

Между тѣмъ какъ онъ занимался симъ намѣренïемъ, получилъ онъ письмо, коимъ Г. Буржесь увѣдомлялъ его объ опасности, въ каковой находилась Клара у Гжи. Напперъ. Пришедши въ замѣшательство, что ему должно было поручить ее въ смотрѣнïе недовольной мужемъ своимъ женщинѣ, отложилъ онъ до другаго времени взять ее къ себѣ; но когда изъ другаго письма узналъ онъ, что Гжа. Напперъ посажена въ тюрьму, то онъ поспѣшалъ ѣхать. Однакожъ подагрической припадокъ, о коемъ говорила Генриху дѣвица Перкинсъ, помѣшалъ ему предпринять путь, и онъ не прежде могъ ѣхать, какъ когда уже увидѣлъ въ журналахъ, что Клара уѣхала въ Шотландïю, чтобъ тамъ обвѣнчаться съ Шевалье Рестивомъ. Онъ поскакалъ туда въ провожанïи Гжи Калоганъ, а Викарïй поѣхалъ къ Капитану Ман-

лїю, отъ коего получилъ онъ въ сїе время письмо.

Такимъ образомъ остались въ Этерѣ только такїя особы, кои другъ друга ненавидѣли. Довнесъ презиралъ жену, на которой онъ женился только для обогащенїя своего; а она ненавидѣла его для того, что не нашла въ немъ того уваженїя, котораго ожидала отъ него. Гжа. Ортодоксъ, завидуя, что сынъ управительской сдѣлался супругомъ сестры своего помѣщика, увѣдомила мужа своего, что Довнесъ былъ обольститель Лавинїи. Пасторъ, весьма радъ будучи, что нашелъ случай замарать Довнеса, тотчасъ сказалъ объ этомъ дѣвицѣ Франклинъ, которая начала тѣмъ упрекать вѣроломнаго своего супруга. Сей выгналъ Ортодокса изъ замка, которой удвоилъ худые свои поступки съ женою своею. Гжа. Гудсонъ, по причинѣ отъѣзда Франклинова потерявши свою важность, наложила узду на языкъ свой; а Капитанъ Маршъ, не

будучи уже допускаемъ къ столу Гжи. Довнесъ, не сказавшись женѣ своей, уѣхалъ для утѣшенія себя въ Лондонъ.

ГЛАВА 49.

Возвращеніе Генрихово въ Англію съ новымъ сопутникомъ.

Все разсказанное Кадоганомъ Генриху увеличило печаль его, что онъ лишился Клары и оставилъ покровителя своего. Не смотря на достовѣрность, что онъ невиненъ въ обольщеніи Лавиніи, сердце его не прощало ему вины его предъ Франклиномъ. Сіе воспоминаніе столько же трогало его, сколько и бракъ дѣвицы Элтонъ съ ненавистнымъ соперникомъ.

Кадоганъ и Манли, будучи свидѣтелями мученія его, совѣтовали ему возвратиться въ Англію. Присутствіе ваше нужно доброму Франклину, сказалъ ему священникъ. Какъ онъ огорченъ отъ сестры своей, и обмануть въ надеждѣ щастія, ко-

торое онъ предопредѣлялъ Кларѣ, то вы одни можете сдѣлать ему старость его сносною.

Сей послѣдней причины довольно было заставить Генриха принять подаваемой ему совѣтъ. Но сїе намѣренїе легче было принять, нежели произвести въ дѣйство. Хотя вѣтеръ возпрепятствовалъ Капитану пристать къ Мадерѣ, однакожъ они два мѣсяца были на морѣ прежде прїѣзду своего къ острову Св. Елены. Стоявшїе тамъ три корабля Индѣйской компанїи доставили Генриху случай возвратиться въ Англїю. Манли рекомендовалъ его Капитану того корабля, на которой онъ сѣлъ, а Кадоганъ снабдилъ всѣмъ тѣмъ, что нужно было для пути его. Прощанїе ихъ было трогательное. Манли, оказавши Генриху опыты своего дружества, распустилъ парусы, и продолжалъ свой путь.

Генрихъ, оставшись одинъ, бросилъ болѣзненной взглядъ на окружавшихъ его, между коими было нѣ-

сколько такихъ людей, кои обогатились въ Индіи на щетъ справедливости и человѣчества. Они ѣдутъ, говорилъ онъ самъ въ себѣ вздыхая, примѣромъ своимъ побудить другихъ пуститься на такія же преступленія для собранія сокровищъ.

Одинъ молодой человѣкъ, подошедши къ нему, спросилъ у него, знаетъ ли онъ кого-нибудь изъ находящихся на кораблѣ. Когда Дельморъ отвѣчалъ ему, что онъ не знаетъ и имени ни одного пасажира, то молодой человѣкъ разсказалъ ему исторіи сопутниковъ ихъ. Между прочимъ говорилъ онъ ему объ одной дамѣ, по имени Несбитъ. Генрихъ вспомнилъ, что сестра Монтгомеріева также называлась, и ласкаясь, что это была та, которую Г. Банвелъ ждалъ уже нѣсколько мѣсяцовъ, искалъ благопріятной минуты навѣдаться о томъ.

Какъ вѣтеръ былъ противенъ, то не прежде, какъ по шестинедѣльномъ ожиданіи Гжа. Несбитъ вошла

на корабль. Холодной и скромной ея видъ, гордая поступь и прилагаемое ею старанїе убѣгать взоровъ своихъ сопутниковъ не производили желанїя въ Генрихѣ поговорить съ нею. Тщетно старался онъ найти въ чертахъ ея лица сходство съ чертами Монтгомерїевыми; онъ видѣлъ въ нихъ нѣкоторой остатокъ красоты, укрывшейся отъ вреда, причиняемаго оспою, но не замѣтилъ ни одной черты, которая могла бы показать ему, что она сестра его друга. Оливковой цвѣтъ ея лица помрачилъ даже блескъ глазъ ея, кои были прїятнаго расположенїя. Она прошла по палубѣ, не оказавши вниманїя къ путешественникамъ, и заперлась въ своей каютѣ.

Корабль подъѣзжалъ уже къ Англїи, а Генрихъ не имѣлъ еще случая повидаться съ Гжею. Несбитъ. Однакожъ однимъ вечеромъ вышедши на палубу, обратила она къ нему рѣчь свою, и разговаривала съ нимъ о разныхъ предметахъ такимъ обра-

зомъ, что подала ему выгоднѣйшее мнѣнїе о разумѣ своемъ, нежели каковое онъ имѣлъ о особѣ ея. Она дѣлала ему разные вопросы, а между прочимъ, знаетъ ли онъ Г. Банвеля? — Это сестра моего друга, говорилъ самъ въ себѣ Генрихъ, и спросилъ ее съ своей стороны, помнитъ ли она Карла Монтгомерїя? Она покраснѣла: по случаю что ли вы узнали, кто я? возразила она ему смущеннымъ видомъ. — Нѣтъ, отвѣчалъ ей Генрихъ, а я имѣю честь быть знакомъ съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, коего я наименовалъ. По томъ разсказалъ онъ ей о прилагаемыхъ Г. Банвелемъ старанїяхъ исполнить ея коммисїю, и о нетерпѣливости его увидѣть ее въ Лондонѣ.

Съ сего времени началась между ими довѣренность, и разговоры ихъ сдѣлались чаще. Гжа. Несбитъ смотрѣла иногда на Генриха съ безпокойнымъ видомъ; по томъ дѣлала ему вопросы о родителяхъ его и о томъ степени, какой они занимали въ свѣтѣ,

и просила его говорить съ нею чистосердечно; но Генрихъ, стыдясь открыть ей тайну своего рожденія и преступленіе мнимой своей матери, не захотѣлъ удовольствовать ее. — Я богата, говорила она ему, но столько нещастлива, что вы не можете того вообразить. Я возвращаюсь въ Европу только для того, чтобъ расплатиться долгомъ съ одною особою . . . Слезы и всхлипыванія не дали ей увѣдомить Генриха о такомъ дѣлѣ, которое, казалось, сильно трогало ее. Печаль Гжи. Несбитъ привела ему на память тѣ мученія, кои онъ уже претерпѣлъ.

По мѣрѣ, какъ Генрихъ приближался къ Англіи, страхъ встрѣтить новыя препоны уменьшалъ радость, которую онъ почувствовалъ бы при воззрѣніи на отечество свое, естьлибъ не была у него похищена Клара. Съ нею потерялъ онъ щастіе, и всѣ страны свѣта не имѣли уже для сердца его пріятностей. Размышляя, какимъ бы образомъ предстать ему

предъ Франклина, искалъ онъ въ своемъ бумажникѣ письма, даннаго ему Кадоганомъ, и въ то же время нашелъ письмо, писанное къ нему Анною. Онъ показалъ его Гжѣ. Несбитъ, говоря ей: сія женщина безъ сомнѣнія нещастливѣе васъ. — Боже мой! вскричала она: должна ли я вѣрить глазамъ моимъ? Какъ! бѣдная Анна еще жива? Ахъ, достойнѣйшій любви человѣкъ! вы не знаете важности сего открытія. Я это уже слишкомъ вижу; встрѣча съ вами увѣряетъ меня, что Небо тронулось моимъ раскаяніемъ; оно простило мнѣ преступленіе. . . . Радость и печаль лишили ее чувствъ; она упала въ обморокъ, и лежала въ постелѣ до самаго сшествія своего съ корабля, въ которое время призвала она Генриха въ свою каюту, изтребовала отъ него Аннинъ и его адресъ, представила ему свои услуги, и узнавши, что Анна жила въ Ирландіи, поѣхала въ Дублинъ, а Дельморъ направилъ путь свой въ Лондонъ, куда щастливо и пріѣхалъ.

ГЛАВА 50.

Много знакомыхъ, да мало друзей.

Уже было около шести часовъ вечера, когда Дельморъ вышелъ изъ повозки у воротъ того трактира, въ коемъ онъ прежде квартировалъ. Хотя онъ и чувствовалъ сильную боль въ головѣ, и имѣлъ нужду въ покоѣ, однакожъ послалъ навѣдаться, въ Лондонѣ ли находится Франклинъ. Посланной возвратившись сказалъ ему, что его не было въ Лондонѣ, и что неизвѣстно, когда онъ пріѣдетъ. Тогда Генрихъ, не имѣя уже причинъ скрывать свое имя, вознамѣрился ѣхать въ Клафамъ, посѣтить добродушныхъ Квакеровъ, и увѣдомить ихъ о своихъ приключеніяхъ. Но какъ часъ и время не позволили ему исполнить своего намѣренія, то онъ отложилъ посѣщеніе свое до утра и пошелъ въ театръ, гдѣ увидѣлъ въ одной ложѣ рѣзваго Петра Мартина. Онъ поспѣшилъ подойти къ нему, но былъ

отъ него принятъ непріятнымъ образомъ.

Развѣ забыли вы меня? спросилъ у него Генрихъ смѣючись. — Совсѣмъ не то, отвѣчалъ ему Мартинъ съ важнымъ видомъ. — Такъ для чегожъ вы принимаете меня такимъ образомъ? — Для того что я желалъ бы дать вамъ знать, что я не ищу вашего знакомства. — По чему бы это такъ? — Я увѣдомлю васъ объ этомъ въ другое время, естьли то сочту за благо. — Теперь же, вскричалъ Генрихъ, дрожа отъ гнѣва, отвѣчай мнѣ, или . . . Надежда на защиту ободрила трясущагося петиметра; и онъ отвѣчалъ презрительнымъ тономъ: удивляюсь я, что человѣкъ твоего разбору смѣетъ грозить дворянину. Пошолъ прочь, бездѣльникъ! или я могу тебя наказать.

Дельморъ противопоставилъ обиднымъ словамъ Мартиновымъ шпынство разумнаго человѣка. Боязливой видъ одного и благородная смѣлость другаго привлекли на нихъ вниманіе

публики. По мѣрѣ, какъ ссора разгорячалась, хохотанье увеличивалось. Мартинъ, не смѣя уже бороться съ столь страшнымъ непрїятелемъ, вскочилъ въ ложѣ на лавку, и просилъ покровительства у партера для предохраненїя его отъ худыхъ намѣренїй плута и побродяги, которой обманывалъ его, говорилъ онъ, подъ подложными именами.

Вы дѣльно говорите, вскричалъ одинъ человѣкъ, сидѣвшїй на лавкѣ въ партерѣ; онъ не заплатилъ еще мнѣ за три кафтана. Этотъ человѣкъ былъ портной Г. Габа, которой не разсудилъ за благо заплатить долги Генриховы, когда онъ жилъ у него. Г. Бюкрамъ, присоединивши свои упреки къ нападкамъ Мартиновымъ, возбудилъ вниманїе одной женщины, которая вдругъ вскричала сиповатымъ голосомъ: ты ли это, Генрихъ? я рада, увидя тебя.

Дружескїя сїи слова заставили Генриха оборотиться къ той сторонѣ, откуда происходилъ сей

голосъ. Какое же было его изумленіе, когда онъ сквозь бѣлилъ и румянъ узналъ увядшія черты Лавиніи Ортодоксъ! Порокъ покрылъ безобразіемъ красоту ея лица и блистательность глазъ ея. Ужасная сухощавость заступила мѣсто дородности, и все ея тѣло понесло наказаніе за распутную жизнь.

Боже мой! вскричалъ Генрихъ: не уже ли это прекрасная Лавинія, или тѣнь ея? — Это она самая, Дельморъ, отвѣчала она, закрывши лице свое платкомъ. — Слышите, подхватилъ Мартинъ: вотъ одно изъ тѣхъ имянъ, подъ коими онъ окрадываетъ честныхъ людей. Одна дама, свидѣтельница сей тревоги, увеличила оную нечаяннымъ своимъ обморокомъ, которой разстроилъ людей, принужденныхъ выйти изъ ложи для поданія ей помощи; въ то же время поднятъ былъ занавѣсъ, вниманіе устремлено на піесу, и шумъ утихъ.

Какъ скоро молчаніе возстановило хорошій порядокъ, то Мартинъ

продолжалъ обижать Генриха, разсказывая сидѣвшимъ подлѣ него тѣ анекдоты, о коихъ Пуфардо увѣдомилъ Гжу. Габъ во время бала. Генрихъ, не въ состоянiи уже будучи долѣе терпѣть, схватилъ его за воротъ и потащилъ въ коридоръ. На крикъ Мартиновъ прибѣжали констабли и приказали имъ *сидѣть смирно* (*). Не смотря на почтенiе Генрихово къ налагаемому на него закону, Петръ Мартинъ не преставалъ обвинять его въ проступкахъ, учиненныхъ мнимою его матерью. Между симъ временемъ пришелъ портной, имѣя при себѣ Г. Трапа, которой задержалъ бѣднаго Генриха по доносу Г. Бюкрама.

Приказъ отъ начальства, которой имѣлъ при себѣ Трапъ, положилъ конецъ ссорѣ и страхамъ Петра

(*) Констабли суть полицейскiе служители, подчиненные мирнымъ судьямъ. Когда возстаетъ споръ, то должность ихъ есть утишать оной, приказывая *сидѣть смирно*. Не можно поступить въ противность сего приказанiя.

Мартина. Онъ пожелалъ Генриху добраго вечера, и освободившимъ его отъ врага его констаблямъ далъ на водку. Трапъ спросилъ Дельмора, не хочетъ ли онъ ѣхать въ каретѣ, и больше ли у него денегъ, нежели какъ въ первой разъ, когда онъ былъ его колодникомъ? — Пойдемъ пѣшкомъ, отвѣчалъ ему Генрихъ; а это и испровергло замыслы тюремщиковы.

Генрихъ при входѣ своемъ въ тюрьму приказалъ подать себѣ ужинать, и заплатилъ впередъ, чѣмъ и пріобрѣлъ себѣ почтеніе Трапово, которой коль скоро увидѣлъ, что у колодника много было золота въ кошелькѣ, старался предупреждать приказанія его, говорилъ съ нимъ почтительно, и шумѣлъ на жену свою, что она не проворно готовитъ вещи, нужныя для спокойствія барина, заслужившаго величайшее уваженіе. Онъ уже не былъ тотъ звѣрской человѣкъ, которой забавлялся приращеніемъ нещастій подобныхъ себѣ варварскою грубостію, но чело-

вѣкъ тихой, учтивой и услужливой. Генрихъ во время ужина спросилъ у него, сколь великъ долгъ, за который онъ взятъ подъ стражу, и сказалъ, что онъ охотно бы заплатилъ его, естьлибъ Г. Габь увѣдомилъ его о томъ. Я не знаю, сколько вы должны, отвѣчалъ ему Трапъ, но я совѣтую вамъ отдать ему половину суммы. — Половину! — Безъ сомнѣнія: естьли онъ не возьметъ ее, то не давайте ему ничего. — Вы не думаете о томъ, Г. Трапъ . . . — Есть и кромѣ васъ, сударь, много такихъ, кои платятъ такимъ образомъ долги свои. Парламентъ хочетъ выдать милостивой актъ для не могущихъ платить должниковъ, и вы не повѣрите, сколько сей актъ доставляетъ намъ колодниковъ. Всякой день тюрьмы наполняются Лордами, Графинями, дворянами . . . — Перестаньте, сказалъ ему Генрихъ; вы подадите мнѣ весьма худое мнѣніе о той милости, которая служитъ источникомъ толикихъ злоупотребленій.

ГЛАВА 51.

Смертельная болѣзнь. Помѣшательство въ опасной операціи, причиненное однимъ почтеннымъ старикомъ.

Усталость отъ пути, неблагодарность Маршинова, бѣдственное состояніе Лавиніи, воспоминаніе о потерѣ Клары, сильное желаніе увидѣться съ Франклиномъ, были слишкомъ сильные удары для слабаго Генрихова здоровья. Онъ провелъ ночь безъ сна, и на другой день поутру открылась горячка съ худыми признаками. Мѣсто, въ коемъ онъ находился, не хорошо было и для тѣхъ, кои наслаждались совершеннымъ здоровьемъ, кольми же паче для больнаго, лишеннаго помощи. Состояніе его каждую минуту дѣлалось хуже, и помѣшало ему услышать извѣстіе, что и другіе заимодавцы требовали отъ него долговъ, простирающихся до ста фунтовъ стерлинговъ. Трапъ поспѣшилъ

увѣдомить его о томъ, чтобъ заставить его принять тѣ совѣты, къ коимъ Генрихъ оказалъ отвращенїе.

Однакожъ Генрихъ воспользовался тѣмъ временемъ, когда горячка поуменьшилась, и кое-какъ намаралъ на лоскуткѣ бумаги, надписанномъ имъ на имя Г. Буржеса, подробное описанїе настоящаго своего положенїя. Тюремщикъ, согласившись съ посланнымъ съ письмомъ, раздѣлилъ съ нимъ деньги, данныя ему на извощика, и ввечеру принесъ къ Генриху отвѣтъ, что Г. Буржеса нѣтъ дома, а жена его не распечатывала письма. На другой день поутру послалъ онъ другое письмо на имя мужа и жены, но оно не лучшую же имѣло участь. Трапъ опять положилъ половину денегъ въ свой карманъ, а посланной половину свою пропилъ.

Какъ болѣзнь Генрихова отчасу болѣе усиливалась, то онъ потребовалъ Лѣкаря, въ дарованїяхъ коего былъ онъ совершенно увѣренъ, ска-

завши Трапу, гдѣ его найти. Но сего-то Трапу и не хотѣлось; колодникъ вырвался бы изъ рукъ его, естьлибъ узнали, гдѣ онъ находится. Такимъ образомъ постарался онъ привести къ нему Лѣкаря, не знавшаго правилъ медицины, коему онъ далъ титулъ Аптекаря. Поступки, голосъ, видъ и платье сего Трапова Доктора сдѣлали толь непрїятное впечатлѣнїе надъ Генрихомъ, что онъ не удостоилъ его и отвѣтомъ на дѣлаемые ему отъ него вопросы. Генрихъ упорно наблюдалъ молчанїе, а Г. Докторъ утѣшился въ томъ рюмкою водки, которую онъ почтительно принялъ изъ запачканной руки Гжи. Трапъ. Проглотивши ее однимъ залпомъ, началъ онъ разсказывать Генриху соблазнительную исторїю бѣдныхъ его товарищей, сидѣвшихъ подъ карауломъ, такъ какъ и онъ, въ домѣ Траповомъ. Генрихъ, наскучивши глупыми его рѣчами, спросилъ у него, для злословленья что ли онъ пришелъ къ нему, или для предпи-

санія лѣкарствъ на болѣзнь его? — Естьлибъ не забылъ я своихъ ланцетовъ, возразилъ ему Докторъ, то бы вы тотчасъ испытали дѣйствія моего искусства; вы увидѣли бы тогда, справедливъ ли вашъ вопросъ. Но мы это забвеніе вознаградимъ нарывными пластырями, проносными лѣкарствами и всѣмъ тѣмъ, что нужно для вашего изцѣленія. Эти разныя операціи отложимъ мы до сего вечера.

Но горячка не дала ему на то времени: въ назначенной часъ она столько усилилась, что Генрихъ совершенно помѣшался въ умѣ. Несмысленной Докторъ, думая, что больной былъ дуракъ, повторялъ, что ему надобно пустить столько крови, чтобъ бѣлки вывернулись. Прежде всего онъ связалъ его; по томъ, сбросивши съ себя покрывавшее его лохмотье, хотѣлъ было нанесть смертной ударъ, какъ одинъ почтенной старикъ попросилъ позволенія войти и побыть при операціи. Нещастія,

приведшія его съ часъ времени назадъ во *владѣнія* Г. Трапа, спасли Генриха; онъ пощупалъ у него пульсъ. — Что вы хотите дѣлать? вскричалъ онъ. — Я хочу пустить кровь дураку, отвѣчалъ ему Траповъ Докторъ. — У этого молодаго человѣка гнилая горячка; естьли пустить ему кровь, то онъ умретъ. По томъ оборотившись къ Гжѣ. Трапъ, сказалъ ей: ты будешъ отвѣчать за жизнь его. Поберегись! естьли онъ погибнетъ отъ этого шарлатана, то я донесу на тебя въ судѣ, какъ на соучастницу въ его смерти.

Не смотря на страхъ, произведенной въ Гжѣ. Трапъ сею угрозою, Докторъ упорно стоялъ въ первомъ своемъ намѣреніи. Гинеи Генриховы были столь обольстительны, что не льзя было столь скоро отбросить надежду владѣть ими. Старикъ при помощи служанки и тюремщицы, не иначе какъ силою, наконецъ выгналъ его.

Какъ скоро Г. Олдамъ (такъ звали Лѣкаря, котораго Провидѣніе послало на помощь Генриху) велѣлъ развязать веревки, коими больной былъ привязанъ къ своей постелѣ, то и предписалъ ему полезныя лѣкарства. По томъ спросилъ онъ у Трапа о фамиліи Генриховой, который отвѣчалъ ему: это лукавецъ, обманывающій публику подъ подложными именами. Онъ уже въ другой разъ теперь живетъ здѣсь за свои шалости, и естьли онъ вылѣчится, то только для того, чтобъ обокрасть своихъ кредиторовъ: онъ намѣренъ остаться въ тюрьмѣ до публикованія Парламентскаго акта. — Досадно мнѣ это, отвѣчалъ ему Олдамъ съ холодностію; но онъ не меньшую отъ того заслуживаетъ помощь, которую мы обязаны подавать страждущему человѣчеству. Можетъ быть онъ раскается. . . — Раскается! у него столько денегъ, что не льзя ему исправиться. . . . Приходъ двоихъ друзей Лѣкаревыхъ

и одного стряпчаго прервалъ разговоръ ихъ. Они пришли объявить доброму старику, что какъ они заплатили за него долги, то онъ можетъ слѣдовать за ними.

Хотя онъ горѣлъ желанїемъ увидѣться съ своею дочерью и съ довольнымъ числомъ внучатъ, кои съ нетерпѣливостїю ждали возвращенїя его; однакожъ онъ самъ пошелъ за лѣкарствами, предписанными имъ Генриху, и обѣщалъ навѣстить его на другой день поутру. Узнавши же объ имени заимодавца, которой посадилъ Генриха въ тюрьму, взялъ на себя переговорить съ нимъ и сдѣлать его посговорчивѣе. Въ самомъ дѣлѣ онъ въ точности исполнилъ сїи намѣренїя, и не нашелъ препятствїя въ своемъ предпрїятїи. Портной, смягченный трогательнымъ Олдамовымъ повѣствованїемъ о положенїи Генриховомъ, отказался бы даже отъ долгу, естьлибъ не имѣлъ надежды, что Габъ заплатитъ ему за него. При семъ имени Олдамъ рѣшился

сходить къ нему самъ, когда онъ посмотритъ Генриха; но нашедши его въ глубокомъ снѣ, вышелъ отъ него и пошелъ къ Габу.

Представленія его передъ Габомъ не были столько удачны, какъ передъ портнымъ. Скромной Олдамовъ видъ не понравился Гжѣ. Габъ; мужъ ея ненавидитъ, говорила она, тѣхъ людей, кои берутся вымучивать милостину; но Софія, подошедши къ доброму старику, изпросила у него прощеніе родителямъ своимъ, и всунула ему въ руку гинею. Олдамъ при выходѣ своемъ сказалъ Габу, что онъ долженъ припомнить одного молодаго человѣка, по имени Генриха Дельмора, котораго привелъ онъ въ худое состояніе. Для него-то изпрашиваю я у васъ помощи, примолвилъ онъ. Этотъ плутъ проситъ насъ о помощи! вскричала Гжа. Габъ. . . — Его нѣтъ въ Англіи, возразилъ мужъ. . . — Онъ въ тюрьмѣ и на смертной постелѣ, подхватилъ Лѣкарь. . . Однакожъ ему не дано было

кончить и сказано съ гордымъ видомъ, чтобь онь тотчасъ вышелъ вонъ.

Но имя Генриха Дельмора возбудило вниманіе дѣвицы Левизажъ, вышедшей уже за Милорда Креспины и находившейся при семъ пріемѣ. Хотя она небрежно развалилась на софѣ, однакожъ удостоила сказать Олдаму, что онъ можетъ отнестись къ Г. Франклину, которой въ этомъ Генрихѣ Дельморѣ великое бралъ участіе. Но какъ Франклинъ находится въ Спа, то больной будетъ имѣть время умереть въ тюрьмѣ, естьли онъ не найдетъ другихъ средствъ къ выходу изъ оной. Сей совѣтъ, поданной съ грубостію, послужилъ однакожъ къ распоряженію поступковъ добраго старика, которой ничего не опустилъ, чтобъ только оказать услугу нещастному Генриху.

Между тѣмъ какъ онъ занимался поправленіемъ его здоровья и выводомъ изъ тюрьмы, Генрихъ ушелъ изъ ней по нерадѣнію смотрѣвшихъ

за нимъ. Гжа. Трапъ, служанка и баба, нанятая Олдамомъ для хожденія за Генрихомъ, успокоились отъ трудовъ своихъ посредствомъ вина, коего онѣ понатянулись во ожиданіи смерти больнаго. Генрихъ погруженъ былъ въ прежнее усыпленіе, но на минуту пробудился, и увидя себя одного, всталъ, одѣлся, и не зная, въ какомъ онъ находился мѣстѣ, вышелъ изъ онаго и побѣжалъ по Лондонскимъ улицамъ, прежде нежели примѣтили побѣгъ его.

Трапъ узналъ объ ономъ по тому состоянію, въ какомъ нашелъ онъ по возвращеніи своемъ трехъ женщинъ; онѣ растянулись по полу и не могли ничего говорить. Страхъ, чтобъ несмотрѣніе ихъ не лишило его добычи, понудилъ его летѣть въ комнату Генрихову. Пришедши въ ярость, что не нашелъ тамъ никого, потузилъ жену свою, и упрекалъ ее въ опущеніи колодника, которой можетъ быть, говорилъ онъ, былъ человѣкъ великой важности.

Не зная, что предпріять, рѣшился было онъ писать къ Г. Буржесу; но нашедши подъ столомъ бумажникъ Генриховъ, въ которомъ лежалъ банковой билетъ на десять фунтовъ стерлинговъ, препоручилъ больнаго Провидѣнію, и утѣшился объ уходѣ его.

Олдамъ пришелъ на другой день поутру въ провожаніи Литлетона, Доктора Ревекки Буржесъ. Удивившись бѣгству Генрихову, коего онъ вчера оставилъ въ совершенно другомъ состояніи, началъ онъ спрашивать приставленную къ нему бабу, и узналъ наконецъ, что онъ ушолъ по ея оплошности. Безпокоясь о его участи, грозилъ онъ тюремщику довести его до наказанія; но Трапъ смѣялся надъ его гнѣвомъ, и не прежде выпустилъ двоихъ Медиковъ, какъ когда они заплатили ему по щету за лѣкарства, коихъ онъ не покупалъ. Олдамъ отдалъ ему деньги, а Трапъ вручилъ ему письмо, которое Генрихъ писалъ къ Г. Буржесу и кото-

рое не было къ нему отослано для удержанія даннаго посланному талера. Письмо состояло въ слѣдующихъ словахъ:

Любезной государь мой!

„Тотъ молодой человѣкъ, кото„рой приходилъ къ вамъ для перего„воровъ касательно до дѣвицы Эл„тонъ, и котораго вы приняли съ „толикимъ снизхожденіемъ, не имѣетъ „уже нужды скрывать отъ васъ, „что онъ называется Генрихомъ Дель„моромъ, и есть другъ добродѣ„тельнаго Франклина. Естьли онъ „имѣетъ еще ко мнѣ нѣкоторыя чув„ствованія доброжелательства, то „удостойте, государь мой, предва„рить его въ мою пользу, пока я „самолично буду въ состояніи при„знаться ему въ проступкахъ моихъ. „Поудержитесь разсужденіемъ сво„имъ о томъ неблагопріятномъ впеча„тлѣніи, каковое должно произвесть „надъ вами то мѣсто, откуда я „пишу къ вамъ; я не скрою отъ

„вась ничего такого, что могло бы „сдѣлать вась судьею моихъ дѣйствій, „и первую минуту свободы моей упо„треблю на то, чтобъ открыться „вамь вь оныхъ; ибо я твердо увѣ„рень, что найду вь сердцѣ ва„шемь такіе совѣты, вь коихъ имѣеть „нужду неопытность для предо„храненія себя впредь оть подобныхъ „заблужденій. Естьли Г. Франклина „нѣть вь Лондонѣ, то сдѣлайте „одолженіе, пришлите ко мнѣ адресь „его сь подателемь сего письма.„

Литтлетонь взяль на себя отвезти письмо сіе кь добродушному Кваперу, и тотчась поѣхаль вь Клафамь, гдѣ и нашель Ревекку сь ея мужемь. За радостію, почувствованною ею оть полученія извѣстія о молодомь незнакомцѣ, котораго она не могла забыть, послѣдовала смертельная тоска, когда она услышала о нещастіи его. Ударь, приключившійся оть того слабому ея здоровью, увеличиль нервяныя ея болѣзни.

Въ то время, какъ Буржесъ ничего не щадилъ для открытія того мѣста, куда ушолъ Генрихъ, Литлетонъ обѣщалъ чрезъ Газеты награжденіе тому, кто подастъ ему объ немъ свѣденіе. По томъ Буржесъ послалъ курьера въ Спа, гдѣ находился тогда Франклинъ, увѣдомляя его о нещастіи Генриховомъ и предваряя въ его пользу, естьли онъ будетъ отысканъ.

ГЛАВА 52.

Отвращенное нещастіе.

Между тѣмъ какъ курьеръ Даніила Буржеса ѣдетъ изъ Лондона въ Спа, займемся мы достойною любви Кларою Элтонъ, которую мы оставили на Шотландской дорогѣ, въ сопутствіи молодой вертопрашки и обманщика.

Печаль, что Генрихъ нерадѣлъ объ ней для такой женщины, въ которую почитала она его сильно влюб-

леннымъ, и желанiе отмстить за сiе, понудили прекрасную Клару уступить убѣжденiямъ Сира Джемса Рестива и докукамъ Гжи. Напперъ. Богатая наслѣдница согласилась, или лучше сказать попустила везти себя въ Шотландiю для довершенiя тамъ нещастiя любовника своего и для приготовленiя самой себѣ плачевной жизни. Лишь только она выѣхала изъ Истшина, то и желала уже возвратиться туда, и оплакивала ослѣпленiе свое. Ни ласки провожавшей ее Жемимы, ни чрезмѣрность страсти, каковую притворялся имѣющимъ къ ней хитрой Баронетъ, не могли изгладить изъ сердца ея образа нещастнаго Генриха. Чѣмъ болѣе приближалась та минута, въ которую бракъ долженъ былъ заставить ее забыть его, тѣмъ болѣе она чувствовала, что любила его; притомъ же никакое извиненiе не могло оправдать поступка ея предъ Франклиномъ, искавшимъ только щастiя ея.

Отягчена будучи печалїю и угрызѣнїями совѣсти, прїѣхала она въ Бервикъ, и ей оставался уже одинъ только шагъ до пропасти. Приближенїе опасности повредило здоровье ея, и понудило ее остановиться на Твидскихъ берегахъ. Жемима и Сиръ Джемсъ начали безпокоиться о семъ припадкѣ, которой могъ быть вреденъ ихъ замысламъ: первая поощряла ее продолжать путь, а послѣднїй не щадилъ ничего для вспомоществованїя ей. Онъ представлялъ Кларѣ, что для довершенїя его щастїя оставалось не болѣе уже мили; но она не слушала. По мѣрѣ, какъ удалялась она отъ Гжи. Напперъ, жаръ ея въ одолженїи оной на щетъ своего спокойствїя охладѣвалъ, а разумъ, сдернувши ослѣплявшую ее завѣсу, показалъ ей наконецъ, что воспитательница ея не для чего инаго присовѣтовала ей вступить въ сей бракъ, какъ только для собственныхъ своихъ выгодъ. Хотя она и сокрушалась о томъ, но боясь прослыть

легкомысленною и стыдясь отступить назадъ, когда уже столь далеко зашла, рѣшилась напослѣдокъ уступить прозьбамъ Жемиминымъ и убѣжденiямъ Баронетовымъ. Когда она согласилась ѣхать, то Сиръ Джемсъ взялъ почтовыхъ лошадей, и самъ понуждалъ извощиковъ поспѣшать отъѣздомъ.

Между тѣмъ какъ онъ былъ на дворѣ, Клара и Жемима оставались въ комнатѣ, одна унылымъ образомъ занимаясь Генрихомъ Дельморомъ, а другая напѣвая Италiянскую пѣсенку. Вдругъ ужасной шумъ вывелъ Клару изъ ея задумчивости, а Жемиму заставилъ приложить ухо; она побѣжала къ окну и вскричала: мы погибли! Сира Джемса берутъ подъ караулъ; безъ сомнѣнiя накажутъ и меня какъ соучастницу его. . . — Да въ чемъ вы соучаствуете? спросила у ней Клара съ испуганнымъ видомъ. . . — Въ похищенiи наслѣдницы. Ахъ, любезная моя Клара! защитите меня. Небольшой ударъ въ двери,

учиненной однимъ человѣкомъ, просившимъ позволенія войти, увеличилъ ужасъ Жемиминъ и смущеніе Кларино.

Не отворяйте, вскричала она, держа Клару за платье и горько плача; не отворяйте, или я выскочу въ окно. Клара ободрила ее, и какъ повторяемые удары принудили ее наконецъ повинуться, то она съ трепетомъ подошла къ дверямъ и отворила. Вошелъ одинъ почтенной старикъ; не столько лѣта, сколько печали изпестрили лобъ его морщинами, а почти потемнѣвшіе глаза его изражали скорбь. Простите меня, сударыни, сказалъ онъ имъ; но которая изъ васъ двухъ хотѣла соединить судьбу свою съ задержаннымъ теперь бездѣльникомъ? Клара краснѣла, и наблюдала молчаніе. Что вамъ до этого нужды? отвѣчала ему Жемима съ презрительнымъ видомъ; щастливы вы, что Сиръ Джемсъ не слышитъ наглыхъ рѣчей вашихъ; онъ тотчасъ наказалъ бы

васъ. . . — Безчестной обольститель поудержится отъ того. Увы, сударыня! не въ первой уже разъ заслужилъ онъ сей упрекъ отъ нещастнаго отца; но вѣроломецъ нечувствителенъ къ моимъ воплямъ. Такъ, сударыня, онъ спокойнымъ окомъ взиралъ на нещастія моего семейства. . . . Всхлипыванія стариковы не дали ему болѣе говорить; Клара была тѣмъ тронута, и какъ Жемима смотрѣла на него съ равнодушіемъ, то онъ сказалъ ей: на васъ-то онъ, сударыня, старался обвѣнчаться. Статься можетъ, отвѣчала она ему съ веселымъ видомъ. — Твердость ваша увѣряетъ меня, что поступокъ мой не воспрепятствуетъ вамъ соединиться съ бездѣльникомъ, которой для женидьбы на васъ оставляетъ обожающихъ его жену и дѣтей, и изрываетъ мнѣ гробъ.

Клара, почти задохшаяся отъ слезъ, вскричала: Праведное Небо! возможно ли, чтобъ Сиръ Джемсъ Реставъ былъ то чудовище, о коемъ вы го-

ворите? Точно шакъ, сударыня: состоянїе ваше утверждаетъ меня, что васъ назначилъ онъ для вонзенїя кинжала въ мое сердце. Страхъ, чтобъ не увеличить безпокойства ваши, препятствуетъ мнѣ сообщить вамъ множество такихъ дѣлъ, кои излѣчили бы васъ отъ любви, которую онъ вдохнулъ въ васъ. . . — Говорите! не скрывайте отъ меня ничего! я напередъ раздѣляю ту печаль, которою вы, кажется, пронзены. Клара изъяснилась съ такою твердостїю, что принудила наконецъ старика разсказать ей слѣдующее:

Я отправляю въ Лондонѣ хорошее званїе, говорилъ онъ ей, которое доставило мнѣ почтенїе отъ публики. Небо похитило у меня жену мою въ цвѣтѣ ея возраста, и оставило меня вдовымъ съ двумя дочерьми, коихъ отослалъ я въ одинъ Парижской монастырь. Старшая возвратилась ко мнѣ въ тѣхъ лѣтахъ, въ кои могла смотрѣть за моимъ домомъ, а Марїя, младшая, оста-

лась во Францїи для довершенїя воспитанїя своего. Когда сестра ея вышла за мужъ, то Марїя заняла ея мѣсто; прїятности ума ея и достойныя почтенїя качества ея сердца одержали верьхъ надъ наружнымъ ея видомъ, которой имѣлъ однакожъ всѣ прелести красоты.

Не смотря на щастїе, которое она должна была найти въ моей нѣжности, ужасная задумчивость угрожала довесть ее до гроба. Я старался разсѣять ее, но она однимъ днемъ призналась мнѣ, что одно только посѣщенїе воспитавшихъ ее монахинь способно было разогнать ея скуку. Я согласился на отъѣздъ ея, увы! не зная, что онъ происходилъ для свиданїя съ обольстителемъ ея. Марїя утаила отъ меня, что она познакомилась съ Сиромъ Джемсомъ Рестивомъ у банкира, чрезъ коего пересылалъ я къ ней деньги въ Парижъ, не зная, такъ какъ и я, хитрыхъ замысловъ измѣнника, располагавшагося погубить ее. Онъ при-

творился любящимъ ее: она повѣрила его клятвамъ, и согласилась на потаенной бракъ, которой совершилъ онъ въ присутствіи другихъ бездѣльниковъ, коихъ уговорилъ онъ вспомоществовать обману своему.

Выбранный имъ предлогъ, чтобъ не разсердить своего дядю, отъ коего по словамъ его ждалъ онъ себѣ имѣнія, принудилъ дочь мою умалчивать предо мною о состояніи своемъ. Путешествіе, предпринятое ею въ Парижъ, служило только для произведенія на свѣтъ плода ея и моего стыда. По возвращеніи своемъ сдѣлалась она печальнѣе, нежели предъ отъѣздомъ своимъ; прежнее мое снизхожденіе позволяло ей предпринимать другія поѣздки, и я узналъ въ послѣдствіи, что онѣ служили для тѣхъ же причинъ.

Я долгое время пробылъ бы въ заблужденіи, естьлибъ не пріѣхалъ Сиръ Джемсъ. Какъ онъ не могъ уже воспрепятствовать Маріи открыть мнѣ положеніе свое, то она и объ-

явила мнѣ, что онъ ея супругъ, и я имѣлъ слабость согласиться, чтобъ бракъ содержанъ былъ втайнѣ, дабы не замарать Сира Джемса передъ дядею, коего называлъ онъ себя наслѣдникомъ. Тогда дочь моя родила у меня четвертаго своего младенца, и я сносилъ укоризны сосѣдей своихъ, отъ коихъ я скрывалъ замужство ея.

Сиръ Джемсъ, расточивши мое имѣнїе, вовлекъ меня въ ту бездну, которую онъ изкопалъ подъ ногами моими. Я жаловался, а онъ извинялся, и давалъ мнѣ обѣщанїе возвратить тѣ деньги, коими я ссужалъ его, и клялся мнѣ въ короткое время вознаградить нѣжную любовь Марїину.

Положившись на его клятвы, уговорилъ я старшаго зятя своего быть со мною порукою въ знатной суммѣ, которую Сиръ Джемсъ занялъ во время избранїя своего въ Парламентскїе Члены . . . Но я употреблю во зло терпѣнїе ваше, когда буду раз-

сказывать вамъ всѣ пронырства, употребленныя имъ для погубленія меня. О естьлибъ онъ ограничилъ замыслы свои только лишеніемъ меня имѣнія моего! но бѣдная дочь моя . . . Нѣтъ, я никогда въ томъ не утѣшусь. Ручей слезъ омочилъ его щеки, изсохшія отъ старости; Клара смѣшала свои слезы съ слезами нещастнаго старика, а Жемима вздохнула.

Вдругъ прервавши молчаніе, продолжалъ онъ: на прошедшей недѣлѣ осеквестровали мою мебель за другой долгъ, по которомъ мы были порукою, и о которомъ сказалъ онъ намъ, что заплатилъ его. Вотъ, примолвилъ онъ такимъ голосомъ, которой изображалъ и печаль его и негодованіе, отвѣтъ его на письмо мое къ нему о семъ дѣлѣ. Клара прочла слѣдующее:

Государь мой!

„Я не могу учинить вамъ другаго отвѣта, кромѣ какъ извиниться предъ вами въ тѣхъ хлопотахъ,

„въ какихъ вы находитесь по дѣламъ „моимъ. Я не въ состоянiи теперь „разплатиться съ вами, но ласкаюсь „быть щастливѣе въ послѣдствiи. „Чтобъ увѣрить васъ въ искренности „моихъ намѣренiй, то признаюсь „вамъ, государь мой, что дочь ваша „не должна жалѣть о такомъ чело-„вѣкѣ, которой имѣлъ нещастiе. . . „Право я не знаю, какимъ образомъ „сказать вамъ, что она не жена „мнѣ, и что дядя, о которомъ я „вамъ говорилъ, есть небывалое су-„щество, къ коему я возъимѣлъ „прибѣжище для понужденiя ея со-„гласиться принять мои услуги. „Любовь сдѣлала меня преступни-„комъ, а разумъ поправитъ мой про-„ступокъ. Я въ сiю минуту ѣду въ „Шотландiю съ одною молодою го-„спожею, коея безчисленное богат-„ство, весьма нужное для меня, „подастъ мнѣ средства доставить „Марiи и дѣтямъ ея хлѣбъ. Я нико-„гда не забуду оказанныхъ вами мнѣ „одолженiй, и постараюсь заплатить

„за оныя послѣ моей свадьбы. Впро-
„чемъ остаюсь, и пр. и пр.„

Варваръ! вскричала Клара, отдавая письмо старику, и прося его продолжать повѣствованіе свое.

Меня не было дома, когда подали сіе письмо моей дочери; она узнала руку и развернула его. Какое зрѣлище для чувствительнаго отца! По возвращеніи моемъ домой нашелъ я Марію съ окровавленною головою отъ удара объ стѣну и растянувшуюся на полу безъ чувствъ. По суточныхъ стараніяхъ о воззваніи ее къ жизни открыла она глаза, и по томъ впала въ яростное безуміе. Изъ словъ ея, прерываемыхъ всхлипываніями, узналъ я, что ей хотѣлось, чтобъ я ѣхалъ въ погоню за измѣнникомъ. Зять мой, жена его и дѣти Маріины просили меня о томъ же; я посовѣтовался съ стряпчимъ; онъ поострилъ меня преслѣдовать вѣроломца; стряпчій поѣхалъ со мною, и мы велѣли взять Сира Джемса подъ караулъ, не за злодѣйство его, законъ не

наказываетъ сихъ преступленій, но за деньги, коими онъ мнѣ долженъ. Вы можете, сударыня, вывесть его изъ хлопотъ, и даже дать ему свою руку . . . — Я сударь, я! мнѣ соединиться съ убійцею вашей дочери! Праведное Небо! естьли я способна къ такой подлости, то накажи меня въ сію минуту. Ахъ, нещастной старецъ! узнайте лучше сердце Клары Элипонъ. Я хочу утѣшить дочь вашу, и привесть въ забвеніе печали ваши; я хочу возвратить вамъ спокойствіе. Вы остановили меня на краю пропасти; мое теперь дѣло извлечь васъ изъ бездны нещастій, коихъ я учинилась невинною причиною. Ахъ, государь мой! эта поѣздка служитъ мнѣ урокомъ, и замѣняетъ долговременные опыты. Я вижу, что молодая особа, слишкомъ полагаясь на собственное свое благоразуміе, сама себѣ готовитъ погибель. Здѣсь-то кончатся *неблагоразумные поступки моего юношества*; теперь-то покорю я пове-

деніе свое совѣтамъ добродѣтельнаго опекуна моего. Естьли вы одобряете меня, сказала она Жемимѣ, то вы можете ѣхать со мною къ Г. Франклину; вы въ покровительствѣ его найдете честнѣйшую выгоду, нежели въ покровительствѣ Сира Джемса. Я постараюсь уговорить его принять участіе въ нещастной участи вашей матери; но не буду уже дѣлать ничего такого, чего бы онъ не одобрилъ. Подумайте о моемъ предложеніи; я ѣду, и не перемѣню уже намѣренія. По томъ она встала, приказала подать почтовыхъ лошадей, дала свой адресъ незнакомцу, и ожидала только отвѣта Жемимина, чтобъ ѣхать.

Жемима не смѣла ни на что рѣшиться. Завѣса, покрывавшая коварные поступки ея матери, разодралась; почему она не могла ничего ожидать отъ Франклина; но Клара была молода, Жемима имѣла надежду заставить ее перемѣнить мысль; и такъ надобно ей было не оставлять

богатой своей добычи, и сіе-то понудило ее послѣдовать за нею въ Этеръ, куда и пріѣхали онѣ въ то самое время, когда Франклинъ дѣлалъ въ Лондонѣ поиски въ разсужденіи Клары.

Довнесъ принялъ Клару и Жемиму съ такою же учтивостію, сколько жена его изъявила имъ неудовольствія. Сердце Кларино забилось, увидя себя въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ жилъ прежде сего Генрихъ; она жалѣла о тѣхъ удовольствіяхъ, коихъ не могла уже вкушать безъ него, и почувствовала сильнѣйшую печаль, что оставила его.

Не смотря на отвращеніе Гжи. Довнесъ къ молодымъ и пригожимъ женщинамъ, забыла она его въ разсужденіи Клары, но не могла побѣдить онаго къ Жемимѣ. Ненависть ея обнаружилась, когда она примѣтила, что Довнесъ волочился за нею. Не слушая тогда уже ничего, кромѣ одной смѣшной ревности, приказала она людямъ своимъ, по

примѣру Оливїера Кромвеля, своего героя, присматривать за его поступками. Дѣвица Элтонъ увѣдомила объ этомъ Жемиму, и выговаривала ей за тѣ безпорядки, кои кокетство ея производило въ семъ семействѣ; но вмѣсто исправленїя ея съ прискорбїемъ увидѣла она, что совѣты ея побуждали Жемиму питать подозрѣнїя въ женѣ, и ободрять неблагоразумїе мужа.

Въ безпрестанныхъ ссорахъ, кои имѣла Гжа. Довнесъ съ своимъ супругомъ, напоминала она ему невѣрности его, и упрекала въ невѣжествѣ: преступленїе, коего не могла она простить ему. Скука, почувствованная Кларою отъ сихъ побранокъ, заставила ее искать знакомства Гжи. Кадоганъ. Чрезъ нее-то дѣвица Элтонъ научилась знать, что не довольно было имѣть дарованїя, но что должно обработывать умъ хорошимъ чтенїемъ, естьли кто хочетъ снискать любовь на долгое время. Библїотека Гжи. Напперъ и

педантство дѣвицы Франклинъ произвели въ Кларѣ отвращенїе къ ученїю; но разговоры Гжи. Кадоганъ заставили ее думать иначе. Стыдясь, что не знала даже и имянъ тѣхъ авторовъ, о коихъ она говорила ей, прибѣгла она къ библїотекѣ Франклиновой, гдѣ и нашла, чѣмъ удовольствовать свое любопытство. Съ сего времени Клара не знала уже скуки, и свободные часы свои употребляла на украшенїе ума своего.

Между тѣмъ, какъ новой свѣтъ, казалось, открывался предъ ея глазами, Франклинъ прискакалъ въ Бервикъ, чтобъ исторгнуть Клару изъ рукъ ея хищника. Увѣдомившись же о случившемся въ сей поѣздкѣ происшествїи, и узнавши, что Клара находится въ Этерѣ, прїѣхалъ онъ туда и простилъ проступокъ ея. По прозьбѣ Клариной былъ онъ и столько великодушенъ, что привелъ въ порядокъ дѣла Гжи. Напперъ; но съ трудомъ можно повѣрить неблагоразумїю родителей и опекуновъ, кои,

увидя, что школа ея возстановилась, опять начали вверять ей воспитаніе юношества. Пуфардо помирился съ нею, и хорошая Истшинская компанія еще стала искать знакомства Гжи. Наппер̂ъ.

По томъ Франклинъ началъ стараться исправить недостатки Жеминины, доставляя ей средства удовлетворить тщеславію своему. Онъ подарилъ ей прекрасныя платья, довольную сумму денегъ и лошадь для прогулки съ Кларою. Лишь только получила она во владѣніе тѣ вещи, неимѣніе коихъ вредило ея щастію, то и начала искать другихъ инаго уже роду. Услуги Довнесовы ласкали ея гордости, но не удовлетворяли ея сердца.

Прапорщикъ Вельсъ, племянникъ Гжи. Гудсонъ, былъ приличнѣйшій для ея свойства любовникъ. Натура не болѣе благопріятствовала ему, какъ и щастіе; но онъ носилъ военной мундиръ, имѣлъ бантъ на шляпѣ, и былъ одинъ такой мущина

въ Этерѣ, которой, не будучи женатъ, казался ей сноснымъ. Притворимся влюбленною въ него, говорила сама въ себѣ Жемима, а по томъ посмѣемся надъ этимъ молодымъ горделивцомъ. Довнесъ, не бывшій въ довѣренности, безпокойнымъ окомъ взиралъ на успѣхи соперника своего; ревность, лишившая его спокойствія, дала ему тогда почувствовать тѣ мученія, кои заставлялъ онъ терпѣть жену свою. Онъ искренно влюбленъ былъ въ Жемиму, и даже принялъ намѣреніе похитить ее, и предпринять съ нею путешествіе во Францію, взявши одною рукою гинеи стараго Франклина, а другою уведши предметъ своей страсти. Вельсъ разстроилъ его замыслы, и Жемима безъ принужденія предавалась удовольствію мучить его.

Между тѣмъ какъ самолюбіе внушало въ сихъ трехъ особъ тысячу различныхъ средствъ къ увеличенію своей казни, Клара, Франклинъ и сестра его спокойно вкушали пріят-

ности дружества. Ахъ, милая моя Клара! вскричалъ однимъ днемъ Франклинъ, взявши ее въ свои объятія: Небо по видимому назначило насъ для составленія щастія Генриха-Дельмора . . . — Онъ женился, возразила ему Клара вздохнувши. . . . — Женился! да на комъ? — Да развѣ не позволили вы ему взять за себя дѣвицу Ортодоксъ? сказала она ему покраснѣвши. За симъ вопросомъ послѣдовало объясненіе, возбудившее въ Кларѣ надежду. Франклинъ, разсказавши ей объ учиненномъ имъ открытіи, приписалъ величайшія похвалы сердцу и уму Генрихову.

Сіе подало новыя причины къ увеличенію печали Клариной и Франклиновой, что они по причинѣ гоненій сестры его лишились сообщества молодаго, достойнаго почтенія человѣка. Они имѣли одинаковое желаніе узнать то мѣсто, гдѣ онъ жилъ, и какъ Франклинъ нарочно для сего вознамѣрился ѣхать въ Лондонъ, то Клара просила его зайти

къ старику, которому она одолжена была своимъ спасенїемъ.

Прозьбы Кларины были повелѣнїями для Франклина; онъ тщетные дѣлалъ поиски о Дельморѣ, но щастливѣе былъ въ другихъ своихъ поступкахъ. Онъ нашелъ старика въ то время, когда онъ и зять его ведены были въ тюрьму за долги Сира Джемса. Онъ не только заплатилъ ихъ, но еще приказалъ стряпчему своему привесть въ порядокъ дѣла ихъ, и обьявилъ себя покровителемъ дѣтей Марїиныхъ, которая за нѣсколько дней предъ симъ умерла. Нещастная Марїя при послѣднемъ издыханїи своемъ упросила отца своего, чтобъ онъ далъ свободу Баронету, сосланному въ Индїю по указу Правительства.

Клара съ радостїю узнала о тѣхъ услугахъ, кои Франклинъ оказалъ освободителю ея, но весьма опечалена была тѣмъ, что онъ не могъ отыскать жилища Генрихова. Почувствованная ею отъ того печаль разстро-

ила ея здоровье, и понудила ее подкрѣплять мнѣнїе Доктора Грегорїя, совѣтовавшаго Гжѣ. Довнесь ѣхать на теплыя воды въ Спа отъ такой болѣзни, которую одинъ супругъ ея могъ излѣчить. Франклинъ одобрилъ предписанїе Докторское; но больная положила сама въ себѣ не ѣхать, естьли поѣдетъ туда и Жемима. Мужъ ея рѣшился не ѣхать туда, естьли не сдѣлаетъ имъ компанїи Жемима. Упорство ихъ заставило бы отложить поѣздку, естьли бы худое Кларино состоянїе вдругъ не понудило Франклина ѣхать. Довнесъ притворился занятымъ дѣлами, и остался въ Этерѣ; Жемима сказала, что она воспользуется симъ отсутствїемъ для свиданїя съ своею матерью; а Гжа. Довнесъ, довольно свѣдущая въ брачныхъ удовольствїяхъ съ молодымъ супругомъ, отказалась отъ сопутствованїя своему брату, и рѣшилась докончать свою исторїю. Это было способное время; Ортодоксъ вошелъ въ милость, выключая своего

аппетиту; онъ лишился употребленія чувствъ своихъ, такъ какъ и памяти, и сдѣлался чрезъ то полезнѣе для исторіографки; ибо удивительное его просвѣщеніе каждую минуту доставляло ей матеріи для украшенія сочиненія, что и задерживало обнародованіе онаго.

Отказъ Жемиминъ ѣхать въ Спа не столько уже былъ чувствителенъ Кларѣ, каковъ бы онъ былъ за нѣсколько мѣсяцовъ прежде. Компанія съ Гжею. Кадоганъ сдѣлала ее осмотрительнѣйшею; притомъ же Жемима охуждала склонность ея къ Генриху, вмѣсто того что Гжа. Кадоганъ одобряла оную. Сія была не изъ послѣднихъ причинъ, побудившихъ ее предложить Франклину взять ее съ собою. Удовольствіе его, съ какимъ онъ согласился на сіе, поострило ее еще просить его взять и дѣтей ея. Такое добродушіе тронуло сердце Франклиново; онъ далъ Кларѣ волю располагать ихъ щастіемъ, и вся компанія поѣхала, такъ что тѣ, для

коихъ предложено было сїе путешествїе, не хотѣли и проводить добраго старика. Ни перемѣна мѣста, ни веселости Спааскїя не могли разогнать печали Клариной. Сердце ея всегда вздыхало по Дельморѣ. Когда Франклинъ это примѣтилъ, то отправились они въ Лондонъ, гдѣ наконецъ и услышали вѣсти объ Генрихѣ. Но какїя вѣсти! Слезы и стенанїя Гжи. Буржесь дали имъ знать о причинѣ печали ея; они раздѣляли оную, но не знали еще тогда главнаго источника тоски ея. Прежде изъясненїя сего таинства должно намъ заняться нужнѣйшимъ дѣломъ, и увѣдомить Читателя о многихъ достойныхъ примѣчанїя приключенїяхъ жизни Ревеккиной.

ГЛАВА 53.

Неблагоразумные поступки прекрасной Квакерши.

Зефанїя и Ревекка Фри, отецъ и мать Ревекки Буржесь, были весьма

строгіе наблюдатели своей религіи, и приверженнѣйшіе къ предписываемымъ ею должностямъ. Боясь осквернить чистоту своей вѣры, убѣгали они сообщества съ людьми другихъ религій, поселившимися въ Филадельфіи.

Хотя они долгое время не имѣли наслѣдниковъ, коимъ могли бы оставить безчисленное свое богатство; однакожъ довольны были своею участію. Небо, безъ сомнѣнія тронувшись ихъ молитвами, произвело на свѣтъ Ревекку въ такихъ лѣтахъ, когда родители ея отчаялись въ толь великомъ благодѣяніи. Казалось, *Граціи* образовали молодую Квакершу, которая, не смотря на строгость богослужебныхъ правилъ родителей ея, получила хорошее воспитаніе. Кротость ея свойства, простота нравовъ и изящной умъ возвышали блескъ ея прелестей; однимъ словомъ, Ревекку любили всѣ тѣ, кои ее видѣли, такъ что никто не смѣлъ питать въ разсужде-

нїи ея другихъ желанїй, кромѣ основанныхъ на добродѣтели.

Юная Ревекка, будучи не столь сурова, какъ ея родители, изъявляла однакожъ имъ любовь свою ненарушимою привязанностїю къ Квакерству, и согласїемъ своимъ не выходить за мужъ, кромѣ какъ за воспитаннаго въ одной съ ними религїи. Не смотря на старанїя ихъ погребсти въ уединенїи обладаемое ими сокровище, имя Ревеккино не укрылось отъ молвы, разнесшейся повсюду о красотѣ ея.

Зефанїя Фри имѣлъ загородной домъ, называемой *Отлендсъ*, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Филаделфїи; натура и искусство постарались украсить оной. Въ семъ-то прелестномъ мѣстѣ Ревекка, соперница *Флоры*, упражнялась въ смотрѣнїи за благодѣянїями весны, коимъ она уподоблялась, и скрывала отъ *непросвѣщенныхъ* тѣ дары, коими Грацїи столь щедро одарили ее. Едва только вступила она на шестнатца-

той годъ своего возраста, какъ подагрической припадокъ воспрепятствовалъ отцу ея сотовариществовать ей въ прогулкахъ ея, и принудилъ ее одну обработывать ту часть сада, которую она для себя предназначила. Зефанія провелъ весь мѣсяцъ Іюнь въ болѣзни, а дочь его употребила оной на утѣшеніе его и на смотрѣніе за травами и цвѣтами, составлявшими главное ея упражненіе.

Ревекка, примѣтивши въ одинъ день, что одно деревцо, посаженное прекрасными ея руками, почти засыхало, встала весьма рано, чтобъ подать ему помощь; но не могши въ томъ успѣть, потребовала совѣту у садовника, которой подошелъ къ ней съ запинкою. Видъ, поступь, замѣшательство, бѣлизна его рукъ, стараніе его скрывать отъ ней блѣдное и похудѣлое лице, и прекрасные, но томные глаза столько поразили ее, что она непрестанно смотрѣла на него, и видя, что онъ, поливая

цвѣтникъ, трепеталъ, спросила у него съ безпокойнымъ видомъ: боленъ что ли ты, другъ мой? Я беру участіе въ твоемъ состояніи . . . Удивляюсь, что Жаспаръ употребляетъ такого человѣка, которой имѣетъ нужду въ покоѣ. . . На, возьми эти деньги; постарайся о себѣ, и когда въ состояніи будешь приняться за работу, то возвратись сюда; ты найдешь здѣсь друзей. Садовникъ не хотѣлъ принять денегъ, и наблюдалъ молчаніе.

Ревекка, боясь, не оскорбила ли она его, усугубила старанія свои о молодомъ человѣкѣ, коего учтивыя слова не сообразны были съ отправляемымъ имъ ремесломъ. Языкъ его изражалъ нѣжность, а взоры чувствованіе. Ревекка слушала его съ удовольствіемъ; но приходъ Жаспара, главнаго садовника, прервалъ ихъ разговоръ. Ревекка въ смущеніи и задумчивости пошла въ свои покои, гдѣ тщетно искала спокойствія. Любопытствуя узнать

другія подробности о молодомъ человѣкѣ, въ коемъ столь великое брала участіе, считала она часы, кои казались улетающими на *свинцовыхъ крыльяхъ*. День показался ей долѣе году, а ночь скучнымъ вѣкомъ. Какъ скоро заря освѣтила горизонтъ, побѣжала она въ садъ, и просила молодаго садовника сорвать ей розанъ. Онъ подалъ его Ревеккѣ съ такимъ же замѣшательствомъ; но краска въ лицѣ его была живѣе, а взоры не столько томны. Прельстившись другъ другомъ, продолжали они видѣться въ теченіи нѣсколькихъ дней, такъ что ни одно слово не измѣнило тайнѣ ихъ сердца.

Любовь нечувствительно сдѣлала глубокую рану въ сердцѣ прекрасной Квакерши, не примѣтившей еще безпорядковъ, кои она въ немъ производила. Ревекка ограничивала тогда щастіе свое утреннею своею прогулкою. Она находила, что цвѣты, травы и деревца, за коими ходилъ Эфраимъ, имѣли болѣе блеску и больше

благовонія, нежели тѣ, за коими ходилъ Жаспаръ. Прекрасной станъ молодаго садовника, плѣнятельныя черты лица его, благородныя его поступки и скромные взоры безпрестанно вертѣлись въ ея памяти, и возвышали его превыше его состоянія. Но тайна, которую она хранила отъ своихъ родителей о положеніи души своей, была такая тайна, причину коей долгое время не знала бы она, естьлибъ случай не изтолковалъ ей оной.

Однимъ днемъ прогуливаясь по саду, тщетно искала она тамъ Эфраима. Не смѣя спросить у Жаспара о другѣ своемъ, обѣжала она паркъ, зашла въ теплицы, по томъ въ оранжерею, и возвратилась въ свою комнату съ угнѣтеннымъ печалію сердцемъ. Слезы омочили прекрасное лице ея, сонъ отбѣжалъ отъ рѣсницъ ея; страхъ и надежда держали ее въ нерѣшимости до другаго утра, въ которое опять начала она свои поиски, кои продолжала дѣлать

цѣлую недѣлю. Наконецъ, отчаявшись найти его, осмѣлилась поговорить объ немъ съ Жаспаромъ: что ты сдѣлалъ съ молодымъ любителемъ цвѣтовъ? спросила она у него закраснѣвшись. — Я не знаю, гдѣ онъ, отвѣчалъ ей Жаспаръ; но онъ отлучился, не потребовавши себѣ платы; я боюсь, не боленъ ли онъ . . . — Боленъ! нашей ли онъ религіи? — Нѣтъ, но онъ хорошій садовникъ. — Постарайся узнать, куда онъ ушелъ; естьли онъ боленъ, то онъ можетъ имѣть нужду въ помощи; онъ Христіанинъ, и не долженъ страдать по причинѣ своей религіи . . . — Это-то и понуждало меня дѣлать поиски, но никто не могъ подать мнѣ объ немъ извѣстія. Ревекка съ уныніемъ пошла отъ него въ рощицу для оплаканія тамъ отсутствія Эфраимова.

Съ сего времени Ревекка проводила дни свои въ саду и въ паркѣ, съ томностію влача *очаровательной образъ* свой по тѣмъ мѣстамъ,

на кои непоколебимо устремлены были мысли ея. Въ одинъ вечеръ воспользовавшись прекраснымъ сіяніемъ луны, чтобъ прогуляться вдоль канала, усаженнаго кедрами, встревожена она была шорохомъ бѣгущаго за нею человѣка; она съ трепетомъ обернулась, и страхъ ея увеличился, увидя, что не призракъ за нею слѣдовалъ, а молодой оборотливой человѣкъ, одѣтой въ алое блестящее золотомъ платье, какое носили *міряне*. Сей *непросвѣщенной* бросился къ ногамъ ея, называлъ ее *властительницею судьбы своей*; голосъ его произвелъ въ сердцѣ ея смущеніе; онъ похожъ былъ на голосъ молодаго любителя цвѣтовъ; но, увы! онъ не былъ Квакеръ.

Чтожъ онъ началъ говорить семнатцатилѣтней дѣвушкѣ, коея чистая душа не знала лукавства? Изъяснивши ей любовь свою въ страстныхъ словахъ, увѣдомилъ онъ ее, что онъ родился въ Англіи, что служилъ въ непріятельской арміи,

что будучи раненъ въ одномъ сраженіи, перенесенъ былъ въ Филадельфію; что слышалъ онъ о прелестной Квакершѣ; что увидя ее, полюбилъ, не имѣя надежды удостоиться взаимной любви ея; однакожъ влекомъ будучи непреодолимою склонностію, переодѣлся онъ въ садовника, и получилъ отъ Жаспара позволеніе помогать ему въ трудахъ его; что доволенъ будучи взираніемъ на Ревекку, питалъ онъ въ молчаніи пожиравшій его огонь, и что теперь пришелъ онъ къ ней навѣки съ нею проститься. Долгъ мой, неизвѣстность, понравлюсь ли я вамъ, и невозможность получить васъ отъ родителей вашихъ, примолвилъ онъ, заставятъ меня презирать смерть для окончанія моихъ нещастій.

Ревекка ничего не говорила; слезы ея наверстывали молчаніе ея. Любовникъ, съ униженіемъ простершійся у ногъ ея, и едва осмѣливавшійся касаться платья ея, былъ для ней столь новое зрѣлище, что оно

сдѣлало ее недвижимою. Между тѣмъ какъ она смотрѣла на него, вскричалъ онъ: о ты, которую я обожаю! не попусти, чтобъ различіе нашей вѣры составило наше нещастіе. Не одного ли Отца мы дѣти, и, увы! жертвы одинаковыхъ страстей? Неужели ты потерпишь, чтобъ я умеръ, для того что я родился не въ одной съ тобою религіи? Ревекка плакала; слезы ея текли ручьями на любовника, коему судьба грозила разлукою съ нею. — Жалѣешь ли ты о мученіяхъ моихъ? повторялъ онъ: скажи мнѣ, Ревекка, столько ли ты меня любишь, чтобъ могла жалѣть о нещастіи моемъ? Ревекка, неспособна будучи притворять себѣ такихъ чувствованій, коихъ не имѣла, пожала у него руку; онъ поцѣловалъ ее съ жаромъ; сердце Ревеккино трепетало, зрѣніе помутилось, уста дрожали . . . — Любишь ли ты меня? спрашивалъ онъ у ней многократно, но она не имѣла силы отвѣчать ему. Наконецъ ободренная

ночною тишиною, сказала ему: естьли родители мои согласятся на союзъ нашъ, то ты будешь для меня цѣлымъ свѣтомъ.

Это значило вдругъ и ободрить его въ жизни, и осудить на смерть. Смертный хладъ разлился по его чувствамъ; онъ силился отвѣчать, но едва могъ произнесть сіи прерываемыя вздохами слова: мы погибли.... естьли твои родители ... возъимѣютъ только подозрѣніе ... что ты меня слушаешь! Такъ, Ревекка, такъ!... я лишусь тебя навсегда ... естьли ты имъ скажешь ... что ты меня любишь. Она колебалась, противопоставляла ему свои должности, религію, обѣщаніе свое не выходить за мужъ, кромѣ какъ за того, кого ей назначатъ; но любовь одержала верьхъ надъ разумомъ, и Ревекка согласилась повидаться съ нимъ въ другой разъ.

Каждой день былъ свидѣтелемъ новаго ихъ свиданія. По мѣрѣ, какъ Ревекка привыкала видѣть своего

любовника, познакомливалась она съ ложью, чтобъ обмануть родителей своихъ, не смотря на ихъ бдительность. По прошествіи недѣли молодой воинъ сказалъ ей вздыхая, что онъ получилъ приказъ ѣхать въ армію, и что они должны разлучиться можетъ быть навсегда. Отчаяніе ихъ лишило ихъ на нѣсколько минутъ языка: соединимся, сказалъ онъ ей; пусть я возьму съ собою на поле славы почтенное названіе твоего супруга. Ревекка! соединись со мною неразрѣшимыми узами, или вонзи кинжалъ въ грудь твоего любовника. Ревекка содрогнулась, отступила отъ ужасу, хотѣла бѣжать; но онъ удержалъ ее, просилъ себѣ прощенія у ногъ ея, получилъ оное, и опять оскорбилъ ее. Что могла противопоставить толикой любви молодая дѣвица, семнатцати лѣтъ отъ роду, слабая, боязливая, чувствительная, имѣя сердце преданное жесточайшей страсти? Родительская власть и строгія Квакерскія правила уступили

сильнѣйшимъ причинамъ; словомъ сказать, Ревекка согласилась соединить участь свою съ участїю *мїрянина*, давши слово сохранять сїе въ тайнѣ при жизни родителей своихъ; они обвѣнчались за нѣсколько часовъ до отъѣзда молодаго любовника въ присутствїи одного священника и сестры Буржесовой, двоюродной сестры Ревеккиной. На ея-то имя хотѣлъ онъ пересылать письма, кои должны были утѣшать ихъ во время отсутствїя, естьли Небо позволитъ имъ жить другъ для друга. Но, увы! они оба не знали, что день ихъ брака долженствовалъ быть днемъ вѣчной разлуки. Смерть похитила у Ревекки обожаемаго ею супруга: онъ сражался противъ дикихъ, и лишился жизни съ оружїемъ въ рукахъ.

Извѣстїе о семъ нещастїи повергло бы ее во гробъ безъ помощи двоюродной сестры ея. Небо предопредѣлило мнѣ нещастїе сїе, сказала ей Ревекка, для наказанїя меня

за ослушаніе родителямъ моимъ. Она слишкомъ уже поздно узнала проступокъ свой, и одноминутное щастіе приготовило для ней цѣлой вѣкъ печалей; притомъ же она примѣтила по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, что ей не можно долѣе скрывать замужства своего. Добрая ея родственница одна только извѣщена была о состояніи ея въ то самое время, когда дѣла призывали ее въ Англію. Она, не хотя предоставить ее плачевной ея участи, отложила свой отъѣздъ, и не прежде уѣхала, какъ уже послѣ родовъ Ревеккиныхъ. Хотя Даніилъ Буржесъ получилъ согласіе Зефаніи на союзъ свой съ нею, но онъ столько былъ великодушенъ, что вспомоществовалъ стараніямъ сестры своей для сокрытія состоянія Ревеккина отъ родителей ея. Онъ отвезъ ее въ загородной свой домъ, гдѣ и произвела она на свѣтъ сына, котораго двоюродная сестра ея увезла съ собою въ Англію и ввѣрила его

для воспитанія одной вѣрной особѣ, жившей не подалеку отъ Лондона.

Зефанія, видя приближающійся конецъ свой, спѣшилъ свадьбою дочери своей съ Даніиломъ Буржесомъ. Честной Квакеръ, будучи свидѣтелемъ тоски ея, не смѣлъ предложить ей руки своей. Любовь научила его уважать печаль ея, а человѣколюбіе жалѣть о нещастіи ея. Другія, кромѣ Ревекки, приписали бы разборчивость его безпристрастію, но она знала его сердце, и естьли и была тогда нечувствительна къ любви его, то по тому, что не могла забыть покойнаго супруга своего. Однакожъ болѣзнь родителей ея принудила ее повинуться имъ; она вступила въ новой союзъ, и чрезъ нѣсколько дней послѣ своей свадьбы лишилась отца своего и матери. Между симъ временемъ дядя Даніиловъ сдѣлалъ его своимъ преемникомъ, почему онъ и оставилъ Америку и поѣхалъ съ женою своею въ Англію,

гдѣ Ревекка ласкалась увидѣть сына своего. Даніилъ уже записалъ за сего младенца имѣніе матери его, и даже предназначилъ ему свое имѣніе, естьли умретъ безъ наслѣдниковъ. Извѣстія, присылаемыя къ нему отъ сестры его касательно до сына жены его, понуждали его предупреждать желанія ея сверьхъ ея чаянія. Красота, пріятности ума и другія дарованія, коими натура одарила сего младенца, дѣлали его почти столько же любезнымъ Буржесу, какъ и женѣ его. Притомъ же онъ зналъ, что онъ не могъ лучше изъявить ей привязанности своей; ибо младенецъ былъ живой образъ оплакиваемаго ею супруга: молодой воинъ одинъ только занималъ ея сердце, но Даніилъ пріобрѣлъ почтеніе ея, и сего-то онъ домогался.

Ревекка по пріѣздѣ своемъ въ Лондонъ полетѣла къ своей золовкѣ: облегчительница моихъ мученій! сказала она ей, повези меня къ моему сыну. Зара поблѣднѣла, затрепетала

и наблюдала молчаніе. Гдѣ онъ? скажи мнѣ! какое нещастіе должна я еще сносить? вскричала Ревекка. — Ужаснѣйшее, какое только мать можетъ ощутить! — Умеръ что ли онъ? спросила она у ней почти задохшимся голосомъ. — Увы! я не знаю объ этомъ; его похитили . . . Ни поиски, ни величайшія награжденія не могли доставить намъ объ немъ свѣденія; лишеніе его причинитъ мнѣ смерть . . . — И мнѣ, отвѣчала ей Ревекка всхлипывая. Въ самомъ дѣлѣ съ сего дня чувствовала она въ себѣ только что худое здоровье, а Зара чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сего печальнаго приключенія умерла.

ГЛАВА 54.

Погонка.

Гжа. Буржесъ увѣдомила Франклина о сихъ обстоятельствахъ: тогда сочли они время, съ котораго начатое дѣло противъ Гжи. Дельморъ

открыло обманъ ея, учиненный ею для лишенія Клары именія деда ея, и заключили изъ того, что Генрихъ былъ сей сынъ, о коемъ Ревекка столько сокрушалась. Склонность, почувствованная ею къ нему при первомъ на него воззреніи, и сходство въ чертахъ его съ чертами супруга ея утвердили ее въ подозреніяхъ ея. Но досада, что она лишилась его въ то время, когда случай, такъ сказать, повергалъ его въ объятія ея, увеличивала тогда печаль ея. Ревекка, по слабости своей не въ состояніи будучи переносить толикихъ нещастій, думала уже только о смерти, и взирала на приближеніе конца своего, какъ взираетъ путешественникъ на конецъ труднаго пути, где онъ полагаетъ пределъ своимъ безпокойствамъ.

Нежная заботливость Кларина, отличныя ея чувствованія къ Генриху и похвалы, делаемыя ею достойнымъ любви качествамъ его, утешали несколько нещастную Ре-

векку, упорно стоявшую въ томъ, что Генрихъ сынъ ея. Чѣмъ болѣе изъявляла она Кларѣ желанїе свое видѣть ихъ соединившимися прежде смерти ея, тѣмъ болѣе увеличивала отчаянїе свое. Отъѣздъ Франклина и Гжи. Кадоганъ въ Этеръ умножилъ также унынїе Кларино, а особливо при видѣ нещастнаго состоянїя Ревеккина, коей Докторы предписали ѣхать къ Бристольскимъ водамъ, какъ единственное лѣкарство отъ болѣзней ея.

Клара, вознамѣрившись сотовариществовать Ревеккѣ въ Бристоль, за нѣсколько дней предъ отъѣздомъ своимъ поѣхала въ Истшинъ, не давши объ этомъ знать Гжѣ. Напперъ. Надѣясь прїятнымъ образомъ удивить ее, вошла она въ залу, не велѣвши докладывать о себѣ; она нашла тамъ воспитательницу свою сидящую съ Пуфардомъ, женою его, одною дамою, однимъ молодымъ смуглымъ человѣкомъ, щепетливымъ Голкомбомъ и щеголеватымъ Довнесомъ, волочив-

шимся за Жемимою. Замѣшательство и молчанїе, кои заступили мѣсто шумной радости дѣвицы Наппер, дали разумѣть Кларѣ, что присутствїе ея было ей въ тягость. Пуфардо, стараясь возстановить прежнюю веселость, насказалъ нѣсколько глупыхъ словъ, сопровождаемыхъ своимъ хохотаньемъ. Но вдругъ перемѣнилъ онъ рѣчь, и обратясь къ Кларѣ, сказалъ ей: вы безъ сомнѣнїя не знаете забавнаго приключенїя, случившагося на одномъ балѣ, который даванъ былъ въ городѣ? Я не занимаюсь балами, отвѣчала она ему съ важнымъ видомъ. Надобно знать, сударыня, возразилъ Пуфардо, что когда Голкомбъ и я получили билеты на балъ, куда пускали только людей перваго класса, то есть первыхъ нашихъ купцовъ, то я рѣшился ѣхать туда съ прїятелемъ своимъ . . . Я прежде всего взялъ предосторожность узнать, состоитъ ли эта компанїя изъ людей извѣстнаго ранга, каковой всегда ищетъ такой чело-

вѣкъ, какъ я . . . Ибо должно увѣдомить васъ, сударыня, что я не по нуждѣ продолжаю держать пансіонеровъ, то есть, что я это дѣлаю только по привычкѣ и для своей забавы . . . Ибо вы видите, что я буду дворяниномъ, когда только мнѣ за благо разсудится. . . . — Пусть такъ, возразила ему Жемима, но напередъ разскажите намъ это интересное приключеніе. — Я сказалъ вамъ, дѣвица Элтонъ, что я былъ на этомъ балѣ, гдѣ нашолъ я шалуна . . . — Какого шалуна? спросила у него Клара покраснѣвши. — Да скажите ему имя, сказала ему Жемима съ злобнымъ видомъ. — Того лукавца, котораго я держалъ у себя Христа ради, возразилъ онъ. Потомъ взглянувши на Клару и Гжу. Напперъ, продолжалъ: вы помните, сударыни, что онъ нѣсколько лѣтъ носилъ на себѣ имя *Сира Генриха*, и что сіе имя столько же не принадлежало ему, какъ и тѣ имена, кои онъ послѣ принималъ на себя. Но этотъ

шалунъ вошелъ въ домъ одного знатнаго купца, по имени Габа, и былъ на той ногѣ, чтобъ жениться на дочери его, которая была .... богата; не такъ ли, Голкомбъ? Ну вотъ какъ мы вошли въ залу на балъ, то и увидѣлъ я своего повѣсу хорошо одѣтаго и хорошо принимаемаго, для того что онъ носилъ на себѣ имя одного знатнаго человѣка ... — Не Конваемъ ли онъ назывался? спросилъ молодой человѣкъ, пришедшій съ дамою, которую Клара нашла у Гжи. Напперъ. — Точно такъ, сударь, отвѣчалъ Пуфардо важнымъ тономъ; потомъ продолжалъ: какъ я воспитывалъ его, то онъ и не могъ укрыться отъ моей проницательности; не смотря на прекрасное его платье, узналъ я шалуна, которому я всегда предсказывалъ нещастной конецъ. Вы знаете, Г. Голкомбъ, что я говорилъ вамъ тысячу разъ, что не миновать ему висѣлицы ... — Вы лгали въ этомъ тысячу разъ, возразилъ ему молодой

человѣкъ. — Пуфардо отступилъ отъ ужасу, дама заплакала, а молодой человѣкъ съ трудомъ умѣрилъ гнѣвъ свой. Естьли бы я не имѣлъ почтенія къ дамамъ, вскричалъ онъ, то наказалъ бы твою дерзость. Знай, бездѣльникъ, что этотъ Конвай, котораго я не зналъ точнаго имени, честнѣе тебя. Знай также, Г. Пуфардо, что Гжа. Дельморъ дѣйствительно находится въ Лондонѣ съ сорокью тысячами фунтовъ стерлинговъ въ своемъ карманѣ для того, котораго ты смѣешь называть шалуномъ, и знай еще, что Гжа. Дельморъ, вдова Г. Несбита, есть моя сестра. Хотя бы Генрихъ принадлежалъ ей, или былъ сынъ другой матери, это до тебя не касается; но я объявляю тебѣ, что тотъ бездѣльникъ, которой будетъ имѣть безстыдство злорѣчить Генриха Дельмора, погибнетъ подъ моими ударами.

Сіе открытіе сдѣлало надъ каждымъ изъ компаніи различное впеча-

шленіе. Пуфардо перемѣнилъ тонъ и рѣчь; жена его, ничего не говорившая, бросала на него негодующіе взоры; Гжа. Напперъ умирала отъ нетерпѣливости узнать о томъ поболѣе; Жемима устремила глаза свои на Клару, которая плакала; Голкомбъ краснѣлъ, а Довнесъ игралъ съ Жемиминымъ вѣеромъ. Монтгомери (ибо это былъ онъ) по нѣкоторомъ молчаніи сказалъ тогда гостямъ, что Гжа. Несбитъ пріѣхала изъ Ирландіи, гдѣ она останавливалась, проѣзжая изъ Индіи для сысканія Генриха Дельмора. Мы всѣ занимаемся одною заботою, примолвилъ онъ; невѣстка моя, которую вы здѣсь видите и которая одолжена своимъ щастіемъ великодушію Гжи. Несбитъ, отдала бы, такъ какъ и я, все то, что она ни имѣетъ, чтобъ только найти того друга, о которомъ этотъ нищій школьной учитель столь худо говоритъ. Нѣтъ ли изъ васъ кого нибудь такого, кто бы могъ подать мнѣ объ немъ

извѣстіе? — Онъ умеръ, вскричала Клара, не могши воспротивиться удручавшей ее печали. — Естьли это правда, отвѣчалъ ей Монтгомери, то сестра моя не переживетъ его: эта бѣдная женщина идетъ уже великими шагами на тотъ свѣтъ. Но мнѣ кажется, сударыня, что вамъ сказано это извѣстіе на мученіе вамъ; повѣрьте мнѣ, сударыня, что это насказали вамъ недоброжелатели. Чортъ меня возьми, естьли я вѣрю въ томъ хотя одному слову! Монтгомери не зналъ отборныхъ выраженій, и не смотря на грубыя свои ухватки, нравился женщинамъ, для того что былъ откровененъ и честенъ. Дѣвица Элтонъ почувствовала къ нему такое почтеніе, что ввѣрила ему до малѣйшей подробности въ разсужденіи страсти своей къ Генриху.

Между тѣмъ какъ они объ этомъ говорили, Пуфардо, жена его и Голкомбъ вышли, или лучше сказать убѣжали, весьма щастливы будучи,

что столь дешево отделались. Гжа. Пуфардо дорогою бранила своего мужа, что онъ болтовствомъ своимъ навлекалъ на себя поношенiе; Пуфардо думалъ, что у мореходца помѣшанъ мозгъ; а она утверждала, что онъ умнѣе его; отъ словъ дошло дѣло до кулаковъ; по томъ они помирились, а послѣ опять разбранились, и такимъ образомъ провождали жизнь свою въ жалобахъ, что они нещастливы. Голкомбъ укрощалъ или возбуждалъ ихъ ссоры, смотря по выгодѣ, каковую онъ имѣлъ отъ поддерживанiя ихъ въ семъ хорошемъ навыкѣ.

ГЛАВА 55.

Раскаянiе.

Когда Клара распрощалась съ своею воспитательницею и Жемимою, то просила Довнеса напомнить объ ней супругѣ своей. Онъ отвѣчалъ ей съ

смущеннымъ видомъ, что какъ Гжа. Довнесъ не знаетъ о дѣлахъ, призвавшихъ его въ Лондонъ, то онъ скрылъ отъ ней свою поѣздку, и даже просилъ ее не сказывать объ этомъ Франклину, для такихъ причинъ, примолвилъ онъ, коихъ онъ не могъ открыть ему. Клара сдѣлала ему поклонъ, и не стараясь проникнуть *сихъ причинъ*, кои она легко угадала, поѣхала, весьма недовольна будучи Гжею. Напперъ, а еще болѣе поведенїемъ ея дочери.

Клара, возвратившись въ Клафамъ, увѣдомила Гжу. Буржесъ о слышанномъ ею касательно до участи Генриховой. Какъ прїѣздъ Гжи. Дельморъ произвелъ въ нихъ надежду узнать объ немъ болѣе, то и отложили онѣ путешествїе свое въ Бристоль, и ожидали посѣщенїя, каковое Монтгомери обѣщалъ учинить Ревеккѣ. Однакожъ протекло нѣсколько дней въ неизъяснимыхъ безпокойствахъ, прежде нежели Монтгомери срядился навѣстить ихъ, и

прежде нежели исполнилъ обѣщаніе свое привезти въ Клафамъ Гжу. Несбитъ. Сія медленность столько разстроила здоровье Ревеккино, что она едва осталась въ живыхъ. Наконецъ толь желанная минута настала, когда онѣ пили кофе. По докладѣ о Монтгомеріи и сестрѣ его разсуждаемо было, особенно ли съ ними повидаться, или принять ихъ въ комнатѣ Ревеккиной; но мужъ ея, боясь, чтобъ неизвѣстность не была вреднѣе для здоровья жены его, нежели печаль при услышаніи худыхъ вѣстей, кои исторгли бы ея надежду, былъ такого мнѣнія, что лучше сдѣлать ее свидѣтельницею ихъ разговора.

Гжа. Несбитъ вошла, поддерживаема будучи своимъ братомъ. Стыдъ, угрызѣнія совѣсти и худое состояніе ея здоровья столько ослабили ее, что она едва могла итти. Клара встала. Хотя воспоминаніе о претерпѣнныхъ Генрихомъ нещастіяхъ и препятствовало ей сожалѣть о той,

которая была причиною оныхъ; однакожъ почувствовала жалость, что она отъ печали столько похудѣла, и не могла безъ горести смотрѣть на проливаемыя ею слезы. По всеобщемъ молчанiи, продолжавшемся нѣсколько минутъ, Гжа. Несбитъ сказала Кларѣ: вы видите предъ собою, сударыня, виновную Дельморъ, которая старалась отнять у васъ имѣнiе ваше. Я ничего не могу привести въ оправданiе свое; законъ отдалъ вамъ справедливость, а Небо послало мнѣ такое богатство, которое позволяетъ мнѣ возвратить вамъ тѣ деньги, кои я присвоила себѣ по смерти моего сына; но другiя обиды лишаютъ меня спокойствiя, и скоро вовлекутъ меня во гробъ. — Увы! сказала ей Клара, все то, что вы предприняли противъ меня, ничего не значитъ въ сравненiи съ тѣми нещастiями, кои жестокость ваша причинила любезнѣйшему . . . прекраснѣйшему. . . Она не могла докончить; вздохи помѣшали ей про-

изнесть имя Генрихово. — Сколько скорбь ваша имѣетъ прелестей! но сколько же она увеличиваетъ мученіе мое! отвѣчала ей Гжа. Несбитъ вздыхая. Я все услышала отъ Пуфарда, узнала отъ него о нещастіяхъ, кои преступленіями моими навлечены на жертву моего обмана, и увѣдомилась о всѣхъ приключеніяхъ его жизни съ того времени, какъ я оставила его, до того, какъ встрѣтилась съ нимъ на кораблѣ, которой обоихъ насъ привезъ въ Англію... — Боже мой! вскричала Клара, затрепетавши отъ радости и удивленія: какъ! онъ въ Англіи? Когда, около котораго времени видѣли вы его? не послѣ ли Ноября? Гжа. Несбитъ вздохнула, и вздохи ея возвѣщали о новыхъ нещастіяхъ. — Увы! возразила она, я не знаю, такъ какъ и вы, мѣста его пребыванія, а знаю только отъ Габа и жены его, что Генрихъ поѣхалъ на кораблѣ въ Индію по причинѣ нѣкоторыхъ шалостей, учиненныхъ имъ во время пребыванія

его въ ихъ домѣ. По томъ присовокупила она, что онъ весьма хорошо принятъ былъ Капитаномъ Манлїемъ; что она неизвѣстна была о причинахъ, принудившихъ его воротиться назадъ, но что оныя вѣрно не были худы, ибо Капитанъ самъ рекомендовалъ его шкиперу того корабля, на которомъ онъ возвращался. Я не знала, продолжала она, что носившїй на себѣ имя Конвая былъ тотъ достойной любви молодой человѣкъ, котораго я съ толикимъ старанїемъ искала... Добродушной Квакеръ, примѣтя нетерпѣливость жены своей узнать пообстоятельнѣе о похищенїи Генриха, прервалъ ее, сказавши ей: другъ мой! естьли раскаянїе твое искренно, то для чего отлагаешь ты признанїе въ проступкѣ твоемъ? Ты сказала намъ, что ты учинила такую обиду, которую труднѣе загладить, нежели ту, что ты лишила эту молодую дѣвицу родительскаго имѣнїя; ты обѣщаешься вознаградить ее за оную, но какимъ

образомъ загладишь ты то оскорбленіе, которое ты учинила достойному члену общества, которой чрезъ обманъ твой лишился родителей и друзей своихъ? Гжа. Несбитъ плакала. — Деньги ли твои, или твоя хитрость довела родителей его до вспомоществованія обольстительнымъ твоимъ поступкамъ? спросилъ у ней Буржесъ. — Нѣтъ, нѣтъ, вскричала она. . . — Естьли онъ былъ сирота, то по этому ты усыновила его для насыщенія своего сребролюбія, и чтобъ по томъ оставить его, когда ты не имѣла уже въ немъ нужды? Видъ и голосъ, съ каковыми Буржесъ дѣлалъ ей сіи вопросы, имѣли столь скорое дѣйствіе надъ нѣжными нервами Гжи. Несбитъ, что она упала въ обморокъ на руки къ Монтгомерію. Съ другой стороны Гжа. Буржесъ едва не задыхалась отъ безпокойства и тоски; Клара старалась привесть ее въ себя, между тѣмъ какъ помогали Гжѣ. Несбитъ. Когда обѣ онѣ очувствовались, то Монтгомери не

хотѣлъ допустить, чтобъ сестра его продолжала говорить о такой матеріи, которая вредна была для ея здоровья. . . — Жизнь моя зависитъ отъ той тайны, которую ты хочешь скрыть отъ насъ! вскричала Ревекка, и ты не хочешь, чтобъ она изъяснилась? Посмотри на это тѣло, похожее на скелетъ, сказала она Гжѣ. Несбитъ, показывая ей свою руку; ты - то, твоя-то жестокость довела меня до сего состоянія. Признайся въ своемъ преступленіи; скажи мнѣ, что ты сдѣлала съ моимъ сыномъ? За живостію, съ какою она говорила, послѣдовалъ другой обморокъ. Гжа. Несбитъ встала, увѣряя Клару, что мать Генрихова давно уже умерла, что и должно доказать Гжѣ. Буржесъ, говорила она ей, что Генрихъ не сынъ ея. Послѣ сего она вышла, примолвивши, что она пришлетъ къ ней на письмѣ всѣ подробныя обстоятельства сего дѣла, какъ скоро пріѣдетъ въ Лиссабонъ, куда Докторы посылали ее для по-

правленія ея здоровья. Монтгомери сказалъ тогда Кларѣ, что онъ заходилъ въ ту тюрьму, изъ коей Генрихъ ушолъ, и что не могши получить тамъ никакого объ немъ извѣстія, отчаявается о возвращеніи его. Это былъ громовой ударъ для Клары, и новой поводъ къ слезамъ для Гжи. Несбитъ, которая вышла отъ Клары, въ послѣдній разъ простившись съ нею.

Клара и Даніилъ Буржесъ воротились въ комнату Ревеккину, гдѣ оплакивали вмѣстѣ съ нею участь ея сына, и изъявляли ей желаніе свое узнать ту тайну, которая содержала ее въ нерѣшимости. Протекло много дней въ безполезномъ сѣтованіи о томъ, что они не послѣдовали за Гжею. Несбитъ, и не принудили ее изъясниться прежде ея отъѣзда. Они разговаривали еще объ этомъ, какъ подано было Кларѣ письмо слѣдующаго содержанія:

Государыня моя!

„Когда сіе письмо дойдетъ до „васъ, то я уѣду въ Португаллію. „Хотя я не могла снести суровыхъ „взоровъ друзей вашихъ, но, благо„даря Небо, могу увѣрить васъ, что „я не споспѣшествовала нещастіямъ „сей любезнѣйшей женщины, кото„рая столь же скоро, какъ и я, низ„ходитъ во мракъ гроба. Я остави„ла на свое имѣніе духовную, и раз„дѣлила оное между вами, моимъ бра„томъ и золовкою; я завѣщаваю каж„дому изъ васъ треть моего имѣнія, „а вамъ однимъ, сударыня, алмазы „мои и галантерейныя вещи, для „вознагражденія вины моей предъ вами. „Вы найдете здѣсь приложенное по„вѣствованіе о приключеніяхъ моихъ. „Хотя я имѣла намѣреніе пустить „оное въ публику не прежде, какъ „по смерти своей; но достойное со„жалѣнія состояніе вашей пріятель„ницы, и та печаль, которою вы, „кажется, пронзены, требуютъ, „чтобъ я поступила въ томъ иначе.

„Я столь изнурена, что не могу про-
„должить того удовольствія, како-
„вое имѣю въ разговариваніи съ
„вами. Простите, сударыня; будь-
„те щасливы, и примите за благо
„желанія и раскаяніе нещастной ва-
„шей тетки *Генріетты Несбитъ.*„

Исторія Генріетты Монтгомери, вдовы Г. Несбита, упомянутая въ вышеприведенномъ письмѣ.

„Дай Богъ; чтобъ, когда печали
„мои и угрызѣнія совѣсти будутъ
„извѣстны, послужили онѣ уро-
„комъ для тѣхъ, кои, такъ какъ
„я, предпочли богатство предъ
„спокойствіемъ незазорной совѣсти,
„и предъ тѣмъ щастіемъ, которое
„вкушаютъ въ добродѣтели. Сему
„только одному желанію одолженъ
„свѣтъ такимъ признаніемъ, кото-
„рое заставитъ гнушаться преступ-
„леніемъ и именемъ моимъ, и кото-
„рое покроетъ оное стыдомъ. Пусть
„узнаютъ всѣ мои проступки, и ока-
„жутъ мнѣ нѣсколько снизхожденія.

„Я была дочь одного Ирландска-
„го Полковника, по имени Монтго-
„мерія, коего имѣніе ограничивалось
„доходами его мѣста. У меня
„было четыре брата; старшій имѣлъ
„щастіе быть Секретаремъ Посоль-
„ства, и занималъ сіе мѣсто съ
„честію.

„Отецъ мой умеръ сорока че-
„тырехъ лѣтъ отъ роду, а мнѣ
„тогда было осьмнатцать. Я бы-
„ла пригожа, великоросла и стат-
„на, и имѣла всѣ пріятности тѣла
„и ума. Старшій братъ мой подру-
„жился съ однимъ молодымъ чело-
„вѣкомъ, съ коимъ онъ познакомился
„въ Парижѣ; имѣніе его и мяг-
„кое свойство произвели въ немъ
„мысль выдать меня за него; поче-
„му вызвалъ онъ меня въ Парижъ,
„помѣстилъ въ монастырѣ и привелъ
„ко мнѣ Г. Дельмора, которой и
„женился на мнѣ безъ вѣдома отца
„своего.

„Сиръ Генрихъ Дельморъ не пре-
„жде простилъ сына своего, какъ

„услышавши о моей беременности; „надежда имѣть наслѣдника, которой бы предалъ потомству имя его, „примирила меня съ нимъ. Съ сего „времени онъ имѣлъ ко мнѣ одно „только почтенїе, и принялъ насъ „въ своемъ помѣстьѣ, гдѣ мы и жили „съ нимъ. Я имѣла нещастїе ли„шиться тамъ моего мужа, которой „упалъ съ лошади на ловлѣ лисицъ. „Сиръ Генрихъ не долго пережилъ „нещастїе сїе; онъ умеръ, и оста„вилъ имѣнїе свое сыну моему; а „когда его не будетъ, то дочери „своей, супругѣ Г. Элтона, такъ „что въ духовной его не было упо„мянуто обо мнѣ.

„Сїе-то забвенїе внушило въ меня „то законопреступное намѣренїе, о „которомъ я столько сокрушалась. „Боясь лишиться вмѣстѣ съ сыномъ „своимъ и содержанїя своего, начала „я трепетать при каждомъ припад„кѣ, повреждавшемъ его здоровье; „наконецъ оспа довершила мое неща„стїе. Сынъ мой былъ при смерти,

„когда братъ мой возвратился изъ „Парижа и сталъ въ моемъ домѣ. „Политика научила его притворять-„ся, и наставила его вознаградить „удары судьбы такими поступками, „кои употребляются въ государст-„венныхъ дѣлахъ. Видя мое отчаянїе, „совѣтовалъ онъ мнѣ истребить „печаль мою, отослалъ меня тайно „въ Эпингской лѣсъ, и приказалъ „мнѣ наблюдать молчанїе, естьли „сынъ мой умретъ отъ своей бо-„лѣзни.

„Одна Ирландская служанка, „кормилица братьевъ моихъ, недавно „прїѣхавшая въ Лондонъ для свида-„нїя со мною, осталась при немъ „для вспомоществованїя ему въ на-„мѣренїи его подставить другаго „наслѣдника на мѣсто моего мла-„денца. Когда сїе печальное приклю-„ченїе совершилось, то братъ мой „отослалъ меня въ Кале, куда прї-„ѣхалъ онъ ко мнѣ съ мальчикомъ „однихъ лѣтъ съ моимъ сыномъ, и „которой столько похожъ былъ на

„него, что я съ трудомъ могла по-
„вѣрить въ томъ глазамъ своимъ. По
„изъявленіи моего удовольствія спро-
„сила я у брата моего, какимъ
„образомъ учинилъ онъ сіе воровство.
„Я бѣгалъ по окружностямъ Лондо-
„на, сказалъ онъ мнѣ, не имѣя
„надежды исполнить намѣренія сво-
„его, какъ по случаю увидѣлъ въ
„Вандсвортѣ мальчика, игравшаго
„у воротъ одного дому. Я навѣды-
„вался въ ближнемъ трактирѣ объ
„имени тѣхъ, кому принадлежалъ
„сей младенецъ, и не могъ ничего
„узнать, кромѣ что одинъ Квакеръ,
„по имени Шампіонъ, отдалъ его
„для воскормленія къ жившей въ семъ
„домѣ женщинѣ, но что почитаютъ
„его наслѣдникомъ хорошей фамиліи.

„Не смотря на отвращеніе моего
„брата отъ похищенія сего младенца
„у родителей его, не могъ онъ вос-
„противиться искушенію сохранить
„мнѣ спокойствіе и имѣніе мое на
„щетъ человѣколюбія. Онъ возвра-
„тился въ Лондонъ, сказалъ Ирланд-

„ской служанкѣ, по имени Аннѣ, чтобъ „она ѣхала съ нимъ въ Вандсвортъ, „ откуда они, воспользовавшись благо„пріятнымъ временемъ, похитили „его и привезли въ Кале. Мы про„были во Франціи три года, въ „теченіи коихъ тщетно старалась „Анна привыкнуть къ климату; „почему и возвратилась она въ Ирлан„дію, сказавши мнѣ, чтобъ я „смотрѣла за поведеніемъ моего бра„та, которой весьма коротко по„дружился съ горничною моею слу„жанкою.

„Эта дѣвка знала мою тайну, „и участь моя зависѣла тогда отъ „ея скромности. Я не смѣла жало„ваться, а еще менѣе сослать ее со „двора; и такимъ образомъ прину„ждена была молчать, и взять „ее съ собою въ Лондонъ. Имѣя серд„це, преданное всегдашнимъ безпо„койствамъ, долгое время была я „невольницею любовницы такого бра„та, которой употреблялъ во зло „страхъ мой, чтобъ меня мучить.

„Въ то время, какъ она имѣла надъ „нимъ неограниченную власть, при-„нудила она меня ввѣрить воспита-„нïе подложнаго моего сына достой-„ному презрѣнïя Пуфарду, коего она „была родственница. Генрихъ цѣлыя „пять лѣтъ носилъ въ сей школѣ „имя Сира Генриха Дельмора, такъ „что никто не думалъ спорить ему „въ ономъ. Преступленïе мое преда-„но бы было забвенïю, естьли бы „Небо попускало такïя несправедли-„вости: нечаянной прïѣздъ одной „служанки моего отца, на коей „братъ мой женился, сдѣлалъ оное „явнымъ. Она требовала правъ сво-„ихъ, получила ихъ, и принудила „его оставить любовницу свою, ко-„торая открыла Г. Элтону ту „роковую тайну, которая толико-„кратно лишала меня спокойствïя.

„Страхъ наказанïя воспрепятст-„вовалъ мнѣ противопоставить гоне-„нïямъ зятя моего хитрость. При-„томъ же видѣла я по награжденïямъ, „обѣщаннымъ доносщику въ воровствѣ,

„учиненномъ надъ младенцомъ въ „Вандсвортѣ, что онъ принадлежалъ „богатымъ родителямъ. Я узнала „также, что мать его, не могши „найти вора, умерла съ печали. Сіи „различныя обстоятельства и страхъ „понести наказаніе, каковое заслу„живало преступленіе мое, прину„дили меня молчать и покориться „судьбѣ своей, которая смертію „брата моего сдѣлалась несноснѣе. „Не имѣя болѣе ни друзей, ни по„кровителей, рѣшилась я бѣжать; „но какую могла я испросить по„мощь? Фамилія моя не приняла бы „обезчестившую ее злодѣйку; тщет„но стала бы я искать покровитель„ства у чувствительныхъ душъ; „оно не дается поступившимъ про„тивъ человѣчества. Будучи въ нерѣ„шимости и неизвѣстности, куда „направить шаги мои, взглянула я „на Газеты, лежавшія у меня на „столѣ, и прочла тамъ одну статью, „въ коей одна дама вызывала моло„дую женщину для компаніи во

„время путешествія ея въ Ин-
„дію.

„Надѣясь, что Небо посылало
„мнѣ сію милость для удержанія
„меня отъ другихъ преступленій,
„пошла я къ ней, и представила ей
„свои услуги. Какъ я имѣла щастіе
„понравиться ей, то она хотѣла
„знать, кто будетъ отвѣчать за
„меня. Увы! возразила я ей запла-
„кавши, я одна на землѣ, и есть-
„ли потребенъ вамъ отвѣтчикъ, то
„мнѣ должно умереть. Она сжалилась
„надъ моею печалію, взяла меня
„въ домъ свой, и увезла въ Бен-
„галы, гдѣ я вскорѣ лишилась благо-
„дѣтельницы своей. Нѣсколько вре-
„мени спустя по смерти ея, супругъ
„ея предложилъ мнѣ свою руку; я
„приняла ее, но скрыла отъ него
„имя моей фамиліи. Г. Несбитъ жилъ
„послѣ покойной своей супруги толь-
„ко два года; онъ завѣщалъ мнѣ все
„свое имѣніе, съ позволеніемъ распо-
„лагать онымъ по моей волѣ. Лишь
„только сдѣлалась я госпожею своей

„свободы, то и приняла намѣреніе „возвратиться въ Англію, обогатить „оставленнаго мною младенца, и „отдать его родителямъ. Одну часть „сего намѣренія я исполнила, но „Небо не допустило меня совершить „другую въ наказаніе мнѣ за оскор-„бленіе его. . . .„

Продолженіе отъ Г. Монтгомерія къ дѣвицѣ Элтонъ.

„Какъ сестра моя столько слаба, „что не въ состояніи сама продол-„жать повѣствованія своего, то она „препоручила мнѣ отписать къ вамъ, „сударыня, слѣдующее:

„Когда она сошла съ корабля, „привезшаго ее изъ Индіи, то и „поѣхала въ Ирландію для сысканія „тамъ Анны Макъ-Дугаль, которая „одна могла извѣстить ее объ уча-„сти Г. Дельмора. Нашедши ее, „пріѣхали онѣ вмѣстѣ въ Лондонъ, „и стали въ домѣ Г. Ганвеля, ко-„торой ходилъ къ Туфарду, чтобъ „навѣдаться о молодомъ Генрихѣ;

„но Пуфардо увѣрилъ его, что онъ
„не зналъ о мѣстѣ пребыванія его,
„и что никогда не видалъ его со
„времени выходу изъ дому его. По-
„слѣ сего Анна ходила къ ростов-
„щику, у коего былъ въ закладѣ
„портретъ Гжи. Дельморъ и Генри-
„ховъ; она купила его у обойщика,
„у котораго находились мебели Гжи.
„Дельморъ послѣ побѣга ея въ Индію.
„Ростовщикъ разсказалъ Аннѣ, что
„Г. Конвай увѣрилъ его, что порт-
„ретъ младенцевъ былъ его порт-
„ретъ, и что онъ сказалъ ему да-
„же имя писавшаго оной художника.
„Сестра моя, вспомнивши тогда,
„что черты Г. Конвая схожи были
„съ чертами младенца, написаннаго
„на сей картинѣ, не сомнѣвалась
„уже, чтобъ другъ мой Конвай
„не былъ тотъ самой Генрихъ Дель-
„моръ, коего она старается оты-
„скать. Сцена, случившаяся у Гжи.
„Напперъ, утвердила меня въ семъ
„мнѣніи, и принудила меня пови-
„даться съ Г. Габомъ, которой увѣ-

„домилъ меня, что какъ Дельморъ „учинилъ въ домѣ его нѣкоторыя „шалости, то онъ рекомендовалъ „его Капитану Манлїю, съ коимъ „онъ отправился въ Индїю. Потомъ „говорилъ онъ мнѣ о возвращенїи его, „и далъ мнѣ также знать, что „одинъ портной велѣлъ его взять „подъ караулъ за долги. Я тотчасъ „побѣжалъ къ кредитору его, кото„рой привелъ меня въ тотъ домъ, „въ коемъ держалъ онъ его колодни„комъ; но Генрихъ во время болѣзни „своей ушелъ изъ онаго, и я съ при„скорбїемъ долженъ сказать вамъ, „сударыня, что старанїя мои о сы„сканїи его не имѣли никакого успѣха. „Сестра моя столько же сокрушает„ся о томъ, сколько вы и я. Чув„ствуемая ею отъ того печаль по„нудила бы ее выѣхать изъ Англїи, „не видавшись съ вами, естьли бы „она могла воспротивиться желанїю „увѣдомить васъ о намѣренїяхъ сво„ихъ прежде поѣздки своей въ Лис„сабонъ. Суровость Г. Буржеса и

„тоска жены его столько тронули „ее, что она не могла сказать вамъ „о хорошихъ распоряженіяхъ, учи-„ненныхъ ею для васъ въ своей ду-„ховной; но будьте извѣстны, что „она ничего не опустила, чтобъ „только сдѣлать васъ щастливою. „Изъ сего повѣствованія почтенные „друзья ваши увидятъ, что мла-„денецъ, коего велѣла унести „сестра моя, не есть тотъ, коего „потерю они оплакиваютъ. Прощай-„те, сударыня! Я остаюсь съ глубо-„чайшимъ почтеніемъ, и пр. и пр.

Карлъ Монтгомери.

ГЛАВА 56.

Сокрушеніе матери.

Едва только дѣвица Элтонъ кончила чтеніе письма сего, то Ревекка вскричала: нещастной! сына моего похитила у меня сестра твоя! точно моего сына! Какъ скоро я его увидѣла, то природа говорила въ его пользу . . . Звукъ его голоса, черты

лица, поступь, все напоминало мнѣ потеряннаго мною супруга. Прости меня, любезной мой Буржесь! прости меня, добродѣтельнѣйшій изъ людей! ты знаешь мои мученія; ты извѣстенъ былъ о любви, каковую я имѣла къ отцу сего младенца; я все для него забыла, религію, дѣтскую покорность. . . . Но сіи отличности не пріемлются въ жилищѣ вѣчнаго спокойствія; тамъ-то я опять увижу дражайшій предметъ, которой я столько оплакивала . . . Ахъ, Буржесь! ты, коего душа есть святилище мудрости! по что попустилъ ты мнѣ разстаться съ моимъ сыномъ?

Сей упрекъ столь сильно тронулъ добродушнаго Квакера, что возбудилъ раскаяніе въ Ревеккѣ; она бросилась къ нему въ объятія, и снова просила у него прощенія: я хочу жить для тебя! вскричала она; такъ, для тебя, заслуживающаго мою нѣжность! Поѣдемъ въ Бристоль; поищемъ тамъ здоровья; съ сихъ

поръ я хочу жить для тебя одного . . . Но прежде отъѣзду позволь мнѣ съѣздить къ матери покойнаго моего супруга; я во все то время, когда оплакивала потерю моего сына, не видалась съ нею; пусть посѣщенїе сїе будетъ послѣднее! пусть оно прерветъ узы, соединяющїя меня съ фамилїею нещастнаго моего супруга! Тщетно воспротивились было сему намѣренїю; Ревекка непремѣнно хотѣла ѣхать къ своей свекрови, и положила на другой день съѣздить къ Графинѣ Белвуаръ, куда поѣхала съ нею и Клара.

Женидьба Лорда Креспиньи на дѣвицѣ Левизажъ поправила дѣла Графа Белвуара. Жена его и двѣ дочери прїѣхали въ Лондонъ, гдѣ онѣ и остались послѣ свадьбы, между тѣмъ какъ старой Лордъ и Графиня Эмилїя провожали новобрачныхъ въ помѣстье, которое онъ записалъ на имя своего внука. Съ самой преждевременной смерти Августа Макнамары, втораго его сына и отца Ген-

риха Дельмора, Графиня предпочитала уединенїе предъ столичными разсѣянностями; потому что она могла свободнѣе предаваться тамъ печали о потерѣ сына, коего она предпочитала предъ другими своими дѣтьми. Хотя время и облегчило скорбь ея, но она безпрестанно припоминала, что за письмомъ, увѣдомлявшимъ ее о женидьбѣ Августовой, вскорѣ пришло другое, извѣщавшее ее о смерти его. Она въ молчанїи оплакивала, что положенїе Ревеккино препятствовало ей жить въ ея домѣ; долгое время сокрушалась она, такъ какъ и Ревекка, о похищенїи своего внука; словомъ сказать, Графиня Белвуаръ столько же пролила слезъ, какъ и прекрасная Квакерша, объ учиненной ими потерѣ столь любезныхъ предметовъ. Равнодушїе, съ каковымъ Гжа. Буржесъ отвѣтствовала на ласки Графинины, прервало наконецъ всякое между ими сообщенїе; по сей-то причинѣ Графиня Белвуаръ не хотѣла было сначала принять

ее, когда она прїѣхала къ ней съ Кларою.

Доложи своей барынѣ, сказала Ревекка *одному* лакею, что Гжа. Буржесъ хочетъ поговорить съ нею. — Гжа. Буржесъ? возразила ему Графиня Белвуаръ, лежа на длинномъ своемъ стулѣ, на которомъ уже нѣсколько дней держалъ ее подагрической припадокъ; я не имѣю чести знать ее, и столько нездорова, что не могу принимать постороннихъ. Ревекка, вспомнивши тогда, что она не увѣдомила свекрови своей о второмъ своемъ замужствѣ, просила лакея воротиться: скажи Графинѣ, говорила она ему, что Ревекка Фри имѣетъ сообщить ей важное дѣло. Тотъ, на кого она возложила сїю коммисїю, смотрѣлъ на Клару улыбаясь, и дѣлалъ ей многїе знаки головою, къ коимъ она не оказала тогда вниманїя. Вскорѣ послѣ сего одинъ камердинеръ просилъ ихъ войти, а прежнїй лакей пошелъ за ними, и старался дать себя замѣтить

дѣвицѣ Элтонъ, которая столько была занята своею пріятельницею, что не могла соотвѣтствовать нетерпѣливости его.

Гжа. Буржесъ, подошедши къ комнатѣ Графининой, вошла туда запинаясь, и приближалась къ Графинѣ, имѣя глаза омоченные слезами и устремленные въ землю, сердце угнѣтаемое печалію, и колѣни трясущіяся отъ страха, чтобъ мать того, котораго она столько любила, не начала упрекать ее въ нещастіи своемъ. Не могши же снести жестокости своего состоянія, упала она подлѣ того стула, на которой просили ее садиться. Графиня Селина и дѣвица Элтонъ подбѣжали къ ней на помощь; Графиня Белвуаръ горько заплакала, увидя вдову своего сына, напоминавшую ей о взаимной ихъ потерѣ. Нѣсколько минутъ смотрѣли онѣ другъ на друга, не говоря ни слова: Графиня Белвуаръ оплакивая про себя тотъ вредъ, каковой причинила печаль красотѣ Ревекки-

ной; а сія помышляя о супругѣ, коего черты матери его приводили ей на память. Глаза ихъ, изображавшіе чувствованія души ихъ, вдругъ оживлены были желаніемъ обнять другъ друга. Графиня Белвуаръ простерла свои руки къ Ревеккѣ, которая и бросилась къ ней почти внѣ себя отъ радости; вздохи ихъ и слезы замѣняли живѣйшія выраженія нѣжности, и изъявляли чувствуемую ими при свиданіи своемъ радость. Когда высланы были служители, то Графиня просила Ревекку сѣсть подлѣ себя, и поговорить съ нею о сынѣ ея. Она старалась повиноваться ей, но не прежде могла начать о семъ рѣчь, какъ по неоднократныхъ усиліяхъ.

Между тѣмъ какъ Ревекка принимала изъявленія любви отъ свекрови, которую она почитала обиженною отъ себя, Клара примѣтила въ углу комнаты софу, на которой спалъ мущина. Онъ одѣтъ былъ мантиліею Графини Селины, и оборо-

тился лицемъ къ стѣнѣ. Руки его и ноги были столь сухи, что показывали или выздоравливанїе, или близкую смерть. Клара устремила на него глаза, какъ вдругъ всхлипыванїя Гжи. Буржесъ разбудили молодаго человѣка. Онъ встрепенулся, сдернулъ съ лица своего мантилїю и взглянулъ на Клару, которая, вскричавши: Боже мой! это Генрихъ! бросилась къ нему въ объятїя. Слабой голосъ повторилъ: это Клара! между тѣмъ какъ Гжа. Буржесъ упала въ обморокъ.

Ни Клара, ни Генрихъ не оказывали вниманїя къ окружавшимъ ихъ; радость, удовольствїе и страхъ заглушали всѣ способности души ихъ; они дѣлали другъ другу вопросы, не зная, что говорили. — Ахъ, Клара! какая восхитительная минута! вскричалъ Генрихъ; но вы за мужемъ! Смертная блѣдность заступила мѣсто румянца, покрывшаго на минуту лице его; силы оставили его, и онъ едва не умеръ

съ печали. Клара, вспомнивши тогда неблагоразумной свой поступокъ, не смѣла взглянуть на него. Слезы Генриховы омочали руку Кларину, которую онъ держалъ въ своей рукѣ. Увы! повторилъ онъ ей; за чѣмъ вы вышли за мужъ? — Я не за мужемъ, отвѣчала она ему, взглянувши на него съ нѣжностiю, и никогда не выду, кромѣ какъ за . . . Сердце ея говорило: *кромѣ какъ за Генриха*, но языкъ ея отказался быть переводчикомъ ея сердца. За симъ признанiемъ послѣдовали живѣйшiе радостные восторги; она повторяла то многократно, но Генрихъ хотѣлъ, чтобъ она изъяснилась, кого она выбираетъ супругомъ, и Клара наименовала *Генриха Дельмора*.

Между тѣмъ какъ отводили Ревекку въ ближнюю комнату, чтобъ дать ей перевести духъ, радостныя слезы текли изъ глазъ ихъ. Минуту спустя вошла Графиня Селина и сказала Кларѣ, что Гжа. Буржесъ спрашиваетъ ее. — Что значитъ сiя

скрытность? вскричалъ Генрихъ; за чѣмъ пріѣхала сюда Гжа. Буржесъ? Клара ничего не отвѣчала ему, и вышла, стыдясь, что забыла свою пріятельницу, занявшись своимъ любовникомъ. Лишь только онѣ вышли, то вошелъ Матвѣй Гудсонъ, который съ поспѣшностію сказалъ Генриху, что между дѣвицею Элтонъ и больною женщиною произходятъ странныя дѣла . . . — Что такое? спросилъ у него Генрихъ; но Матвѣй не зналъ, что отвѣчать, и сказалъ ему длинную рѣчь о лукавствѣ женщинъ, въ коей не пощадилъ онъ Лавиніи Ортодоксъ, и разсказалъ ему, какимъ образомъ оставилъ онъ службу у Лавиніи: горничная ея служанка, говорилъ онъ ему, возъимѣвши желаніе присвоить себѣ Г. Габа, увѣдомила его, что любовница его обманывала. Г. Габъ пожелалъ дѣвицѣ Ортодоксъ добраго вечера, и нанялъ для горничной служанки гораздо лучшіе покои, нежели тѣ, въ коихъ вы у насъ были. Узнавши,

что заяцъ ускользнулъ отъ насъ, сказалъ я ей: поѣдемъ въ Этеръ; увезите свои дѣла и галантерейныя вещи. Она посмѣялась надо мною, отослала меня и разбранила. Я былъ безъ мѣста, и не зналъ, какъ поступить, чтобъ сыскать другое; но болѣзнь одного Милордова лакея доставила мнѣ теперешнее мѣсто... Я никогда не забуду того дня, когда нашелъ я васъ на постелѣ... Приходъ Кларинъ съ Графинею Селиною помѣшалъ Матвѣю кончить свою повѣсть; онъ вышелъ оттуда съ неудовольствїемъ.

Задумчивой видъ Клары и смущенїе Графини Селины возбудили страхи Генриховы. Что такое сдѣлалось? спросилъ онъ у нихъ: не уже ли судьба предопредѣляетъ мнѣ новыя нещастїя? Клара наблюдала молчанїе, а Графиня Селина устремила на него нѣжные взоры. — Ради Бога, вскричалъ онъ, не продолжайте моего мученїя; неизвѣстность заставляетъ меня страшиться ужа-

снѣйшихъ бѣдствій . . . — Успокойтесь! вскричала Графиня Селина; вы знаете, что я столько люблю своихъ сродниковъ, что не могу видѣть ихъ въ мученіи . . . — Я не имѣю чести быть вашимъ сродникомъ, сказалъ ей Генрихъ вздохнувши; я объяснился уже вамъ, сударыня, что корыстолюбивая мать продала меня. . . — Нѣтъ, нѣтъ, дражайшій мой Августъ! вскричала Гжа. Буржесъ, бросившись къ нему въ объятія. . . Я мать твоя . . . ты внукъ Графини Белвуаръ. . . Ахъ, любезной мой Августъ! кто спасъ тебя отъ смерти? — Я! я! подхватилъ Матвѣй, которой изъ любопытства стоялъ у дверей, и горѣлъ отъ нетерпѣливости разсказать, какимъ образомъ Генрихъ зашелъ къ Лорду Белвуару; но не время было слушать его. Ревекка и сынъ ея находились въ такомъ состояніи, которое могло быть для нихъ пагубно: они были въ обморокѣ въ объятіяхъ другъ у друга, и по многихъ

уже усилїяхъ привели ихъ въ чувство. Генрихъ отнесенъ былъ въ свою комнату, а Ревекка отведена въ Графинину, гдѣ спокойствїе утишило ихъ чувства.

Между тѣмъ какъ Ревекка и сынъ ея привлекали на себя все вниманїе Графини Белвуаръ, Графиня Селина разсказала Кларѣ, какимъ образомъ Генрихъ зашелъ въ домъ своей бабушки. Когда онъ вышелъ изъ проклятаго жилища Трапова, говорила она ей, то бѣгалъ по Лондонскимъ улицамъ, не зная, куда онъ шелъ. Проходя чрезъ Сент-Джемсь-Скверъ, нашелъ онъ здѣсь отворенныя ворота, и не встрѣтившись ни съ кѣмь, кто бы удержалъ его, вошелъ въ комнату одного Француза, находившагося въ службѣ у Лорда Креспиньи. Въ сей день отецъ мой давалъ балъ новобрачнымъ, и отъѣзжалъ съ ними въ деревню. Французъ, которой есть камердинеръ Лорда Креспиньи, жившїй подлѣ покоевъ своего барина, приказалъ Матвѣю, недавно вступив-

шему къ намъ въ услуженіе, прибрать его комнату прежде его возвращенія. Матвѣй съ трудомъ повинулся слугѣ Французу, и безъ сомнѣнія по нерадѣнію не заперъ дверей у сей комнаты. Наконецъ пошедши для исполненія своей должности, услышалъ онъ на постелѣ кого-то многократно повторяющаго: *пусть приготовятъ мнѣ коляску; я ѣду въ Шотландію.* Объялъ его страхъ; онъ кликнулъ на помощь, подошелъ къ постелѣ, увидѣлъ на ней человѣка, коего взоръ ужаснулъ его, и увѣдомилъ насъ, что на постелѣ Г. ле Мерсіера лежитъ чортъ. Матушка моя и я въ провожаніи людей нашихъ вошли въ комнату. Какое же было наше изумленіе, увидѣвши тутъ посторонняго человѣка, коего черты схожи были съ чертами брата моего Августа! Матушка моя была тѣмъ столько тронута, что едва могла держаться на ногахъ: она пристально его разсматривала, и тотчасъ узнала, что жестокая горячка

причиняла безпорядокъ въ его чувствахъ. Докторъ подтвердилъ ея догадки; мы велѣли ходить за больнымъ, какъ бы онъ былъ нашъ родственникъ, и нѣсколько времени отчаявавшись въ его излѣченіи, наконецъ имѣли пріятное удовольствіе видѣть его выздоравливающаго. Матвѣй, узнавши его, сказалъ намъ, что онъ видѣлъ его въ домѣ Г. Франклина, коего мы и увѣдомили о состояніи его. Какъ Франклина не было тогда въ Англіи, то мы дожидались возвращенія его для лучшаго извѣщенія его о положеніи, въ какомъ онъ находился у насъ, и чтобъ принудить его опять взять его къ себѣ; но какъ Генрихъ, или лучше сказать Августъ, разсказалъ намъ о главныхъ приключеніяхъ своей жизни, то мы отложили исполненіе сего намѣренія до пріѣзда Графа Белвуара. Впрочемъ мы должны были вознаградить обиду, причиненную достойному молодому человѣку близкою родственницею моей матушки.

Вы можетъ быть не знаете, возразила Клара, тѣхъ нещастїй, кои навлекъ на племянника вашего обманъ Гжи. Дельморъ, невѣстки моей матери? — О сей-то женщинѣ и хочу я съ вами говорить, отвѣчала ей Графиня Селина покраснѣвши. Вы можетъ быть также не знаете, что Гжа. Дельморъ есть дочь младшаго брата моей матери, и моя двоюродная сестра? Молва, каковую произвело приключенїе ея, и невозможность быть ей полезною, принудили Графиню Белвуаръ прервать съ нею всякую связь: мы почли себя обязанными совершенно предоставить ее нещастной ея участи. Когда Генрихъ открылся намъ въ тѣхъ печаляхъ, каковыя онъ перенесъ по милости двоюродной моей сестрицы, то онъ сдѣлался намъ милѣе, а особливо моей матушкѣ, которая почитала себя нашедшею изображенїе умершаго своего сына. Казалось тогда, что жизнь ея сопряжена была съ соблюденїемъ жизни Генриховой, и

только сей день позволилъ ему Докторъ сойти въ покои моей матушки. Безпокойство отъ разговора, каковой мы имѣли вмѣстѣ предъ вашимъ прїѣздомъ, принудило его лечь на софѣ, на которой онъ и заснулъ, когда сказали намъ о васъ. Онъ безъ сомнѣнїя не надѣялся имѣть по пробужденїи своемъ такое щастїе, и чтобъ Промыслъ предназначилъ ему утѣшительное удовольствїе увидѣть себя въ нѣдрѣ своей фамилїи.

Клара и Графиня Селина разговаривали еще между собою о достойныхъ почтенїя качествахъ Генриховыхъ и о его нещастїяхъ, какъ пришли сказать имъ, что больной хочетъ съ ними видѣться. Графиня Белвуаръ, Графиня Селина, Ревекка и Клара пошли въ его комнату. Клара разсказала Генриху о обстоятельствахъ брака Гжи. Буржесъ съ Августомъ Макнамарою. Сїе повѣствованїе исторгло слезы у слушавшихъ ее, а особливо у Ревекки и Графини Белвуаръ. Генрихъ былъ тѣмъ столько

же тронутъ, но онъ видѣлъ Клару, имѣлъ надежду жениться на ней, и печаль его была не столь велика, какъ печаль его матери.

Между тѣмъ какъ каждой предавался тѣмъ чувствованіямъ, коими кто пронзенъ былъ, Г. Буржесъ, безпокоясь объ отсутствіи жены своей, прилетѣлъ въ Сент-Джемсъ-Скверъ, и вошелъ въ комнату Генрихову въ ту минуту, какъ Ревекка держала его въ своихъ объятіяхъ. Посмотри, сказала она ему, вотъ тотъ, кого я столько оплакивала; это мой сынъ, чадо печали! Буржесъ раздѣлилъ радость жены своей, и напомнилъ Генриху о приключеніи въ кофейномъ домѣ по прочтеніи имъ извѣстія о бракѣ Кларином съ Сиромъ Джемсомъ Рестивомъ. Они разговаривали нѣсколько времени вмѣстѣ о приключеніяхъ Генриховыхъ и о тѣхъ нещастіяхъ, коимъ подвергло Генриха сребролюбіе Гжи. Дельморъ. Ахъ, сударыня! вскричала Ревекка къ Графинѣ Белвуаръ: могу ли я забыть,

что жестокость твоей племянницы лишила меня такого щастія, коимъ я не буду долго наслаждаться? Я искала смерти, но теперь хочу жить; однакожъ чувствую, что скоро надобно мнѣ будетъ разстаться съ супругомъ и сыномъ моимъ. Всякъ старался ободрить ее; всякъ противопоставлялъ ей причины, основывающіяся на перемѣнѣ, каковую настоящее ея положеніе могло произвести въ ея здоровьѣ. Графиня Белвуаръ приглашала ее остаться при Генрихѣ, и самъ онъ просилъ ее не оставлять его; но Ревекка возразила имъ, что какъ она имѣетъ нужду въ спокойствіи, то лучше ей возвратиться въ свое уединеніе. Послѣ сего разпрощалась она съ своею свекровью, съ прискорбіемъ вырвалась отъ обожаемаго ею сына, и въ провожаніи Клары и своего супруга уѣхала въ Клафамъ.

ГЛАВА 57.

Перемѣна въ поведенїи стараго волокиты.

Лишь только Гжа. Буржесъ уѣхала изъ Сент-Джемсъ-Сквера, то прїѣхалъ домой изъ деревни Лордъ Белвуаръ. Нетерпѣливость увидѣться съ пятнатцатилѣтнею своею любовницею понудила его ускорить временемъ своего возвращенїя.

Милордъ вошелъ въ комнату жены своей въ то самое время, когда Графиня пожимала Генрихову руку. Взоры ея изъявляли живѣйшую нѣжность, а на лицѣ ея напечатлѣно было удовольствїе. Изумившись, увидя ее сидящую подлѣ молодаго человѣка, остановился, и казался въ нерѣшимости, итти ли ему впередъ, или оставить ее, не сказавши ей ни слова. Но узнавши въ похудѣломъ Генриховомъ лицѣ черты предпочтеннаго соперника, перемѣнилъ свое мнѣнїе, и началъ мыслить о жестокомъ мщенїи. Естьли бы нравы Милордовы были столь же чисты, какъ

нравы жены его, то сей разговоръ одинъ на одинъ не разсердилъ бы его; да естьли бы онъ и имѣлъ причину на то жаловаться, то собственное его поведенїе не должно ли было научить его быть снизходительнымъ къ слабостямъ другаго? Вмѣсто того, чтобъ скрыть свое неудовольствїе, спросилъ онъ у Генриха съ яростнымъ видомъ: что ты здѣсь дѣлаешь? По томъ, бросивши презрительной взглядъ на жену свою, сказалъ ей: удивляюсь чрезмѣрному вашему снизхожденїю; я не зналъ еще въ васъ сего добраго качества.

Графиня, обезпечиваемая лѣтами своими и добродѣтелїю, не оказывая вниманїя къ гнѣву Милордову, взяла его за руку и посадила подлѣ Генриха. По томъ разсказала ему о всѣхъ подробностяхъ, относящихся до его рожденїя, и просила его посмотрѣть, не найдетъ ли онъ въ чертахъ его образа ихъ сына, коего потерю столь часто они оплакивали. Милордъ подтвердилъ оное; Генрихъ

бросился къ ногамъ его, и наконецъ былъ обнятъ дѣдомъ своимъ съ довольнѣйшимъ видомъ.

Однакожъ то воспоминанїе, что Генрихъ старался перебить у него любовницу, помрачило радость, почувствованную Милордомъ, что нашелъ своего внука. Стыдъ его, что онъ при концѣ своей жизни имѣлъ такїе пороки, кои едва прощаются и юношеству, сдѣлалъ его задумчивымъ и пасмурнымъ. Графиня Белвуаръ, примѣтивши то, спросила у него, не уже ли онъ не радъ сему щастливому случаю? Милордъ отвѣчалъ ей, что онъ чрезмѣрно тому радъ; но важной его видъ доказывалъ противное тому.

Старой Графъ, нечувствительно размысливши, что чрезъ сїе открытїе достанется Белвуарову дому богатое имѣнїе Гжи. Буржесъ, сталъ спокойнѣе. По мѣрѣ, какъ вычислялъ онъ выгоды, кои произойдутъ изъ того для его фамилїи, увеличивалъ онъ любовь къ Генриху, и прежде

нежели легъ спать, возчувствовалъ наконецъ къ своему внуку всю нѣжность отца.

Лордъ Белвуаръ, проводивши Генриха въ его комнату, прошелъ въ свою библїотеку. Естьли этотъ молодой человѣкъ разскажетъ о моихъ слабостяхъ, говорилъ онъ самъ въ себѣ, то я потеряю добрую свою славу, которую прїобрѣсть стоило мнѣ толикихъ трудовъ . . . . Жена моя и до сихъ поръ еще не знаетъ о моихъ проступкахъ, отъ коихъ долженъ я краснѣть. По томъ началъ онъ размышлять о любовныхъ своихъ дѣлахъ съ Лавинїею, и въ первой еще разъ почувствовалъ отъ страха угрызѣнїе совѣсти. Онъ и вправду думалъ уже о перемѣнѣ своихъ нравовъ, какъ вдругъ увидѣлъ на письменномъ своемъ столѣ письмецо отъ дѣвицы Фебы Кларкъ, новой своей любовницы. Отложимъ до другаго дня намѣренїе быть умнымъ, сказалъ онъ тогда самъ въ себѣ, посмотрѣвши на письмецо : . . .

Однакожъ нечаянная встрѣча со внукомъ не напоминаетъ ли мнѣ, что время уже бить къ отступленію? . . Посмотримъ прежде, что пишетъ ко мнѣ пригоженькая эта дѣвчоночка... Надобно почти угадать, что она говоритъ; но она столько привлекательна . . . О! это будетъ послѣдняя женщина, которая приметъ отъ меня жертву. По томъ, разломивши печать, съ досадою увидѣлъ, что дѣвица Феба предопредѣлила сіе письмецо для другаго любовника. Она изъяснялась такимъ образомъ:

„Феба Кларкъ посылаетъ свой „поклонъ Г. Джонсону; ей весьма до„садно, что не можетъ она принять „его симъ вечеромъ по причинѣ ста„раго Лорда, коего она ждетъ въ „тотъ же самой часъ, въ которой и „милаго своего Джонсона. Однакожъ „естьли ему угодно, то онъ можетъ „притти повидаться съ нею завтра „въ пять часовъ: обветшалой ея лю„бовникъ въ сіе время всегда ѣздитъ „по другимъ гостямъ.„

Прекрасно! вскричалъ Милордъ: и такъ ты, Феба, предпочитаешь предъ Аглинскимъ Перомъ лакея сына его Епископа! Милордъ многократно видалъ сего лакея въ томъ домѣ, которой онъ нанималъ для дѣвицы Кларкъ, и даже изъявлялъ ей подозрѣніе свое на частыя посѣщенія молодаго человѣка, отмѣннаго по своему стану; но какъ молодая его любовница увѣрила его въ томъ отвращеніи, каковое она по словамъ ея имѣла къ шалостямъ сего рода, то Милордъ и не говорилъ уже ей о томъ ни слова. Ободрившись симъ успѣхомъ, безъ принужденія принимала она своего любовника, и даже писала къ нему въ ту самую минуту, когда послала и къ Милорду весьма нѣжное письмецо, которое ошибкою отдано было его сопернику. Другой на мѣстѣ Лорда Белвуара наказалъ бы вѣроломную, подвергнувши ее заслуженному ею презрѣнію, но старой Графъ иначе поступилъ. Сожегши письмецо, завернулъ онъ

въ бумагу десять гиней, кликнулъ своего камердинера, приказалъ ему отнести ихъ къ дѣвицѣ Фебѣ на другой день рано поутру, по томъ легъ спать, окутавшись въ одѣяло, и не думалъ уже о пятнатцатилѣтней дѣвушкѣ, столь недостойнымъ образомъ обманувшей его.

Гжа. Буржесъ на самомъ развѣтѣ прислала навѣдаться о своемъ сынѣ, и велѣла сказать ему, что какъ здоровье ея позволяетъ ей выѣзжать, то она прiѣдетъ къ нему послѣ обѣда. Въ самомъ дѣлѣ она прiѣхала къ Графинѣ Белвуаръ, но въ толь слабомъ состоянiи, что при входѣ въ Генрихову комнату показалась умирающею. Графиня, не хотя, чтобъ она подвергла себя въ другой разъ такимъ же безпокойствамъ, отвезла внука своего въ Клафамъ, гдѣ хотѣлось ей, чтобъ онъ остался до совершеннаго выздоровленiя своей матери. Присутствiе Ревеккино и Кларино скоро поправило здоровье Генрихово; но спокойствiе и щастiе,

коимъ они трое наслаждались, не произвели никакой щастливой перемѣны надъ здоровьемъ его матери: медлительной ядъ печали весьма давно уже изнурялъ ее; смерть ожидала только предписанной минуты для увлеченія добычи своей во гробъ.

Но какъ сей ужасной ударъ неизвѣстенъ былъ Генриху, то къ благополучїю его недоставало только того удовольствїя, чтобъ раздѣлить оное съ Франклиномъ. Какъ скоро силы его позволили ему писать, то онъ и сдѣлалъ ему подробное описанїе неожиданнаго приключенія, возвратившаго его родственникамъ. Франклинъ по полученїи письма сего полетѣлъ бы въ Клафамъ, естьлибъ подагра дала ему свободу ѣхать. Въ первой еще разъ съ нетерпѣнїемъ сносилъ онъ болѣзнь, низпосланную на него Небомъ, и роптaлъ на своенравїе сестры своей, которая неутѣшна была о томъ, что бросила литтературу для такого супруга, которой ее оставилъ. Довнесъ, не

кончивши еще мнимыхъ дѣлъ, удерживавшихъ его въ Лондонѣ, продолжалъ тамъ пребыванїе свое, чтобъ быть въ отдаленїи отъ такой жены, которою онъ гнушался.

Между тѣмъ какъ Гжа. Довнесъ бѣсила брата своего въ Этерѣ, Лордъ Белвуаръ представлялъ въ Лондонѣ внука своего ближайшимъ своимъ родственникамъ. Въ числѣ принявшихъ его благосклонно была Графиня Маргарита Макнамара, которая, досадуя, что не могла уговорить брата своего жениться на той дѣвицѣ, которую она ему назначала, дала свою руку одному Ирландскому Офицеру, не имѣвшему къ ней такого уваженїя, какого она отъ него ожидала. Какъ своенравїе распоряжало ея выборомъ, то скука заставила ее въ томъ раскаяться. Будучи оставлена своимъ супругомъ и брошена своею фамилїею, скоро почувствовала она нужду имѣть друзей, и нашла ихъ въ обществѣ Клары и Генриха. Будучи же повелительна и въ тѣхъ

самыхъ намѣренїяхъ, кои касались до щастїя другаго, оказалась она таковою и въ намѣренїи присоединить дѣвицу Элтонъ къ своему дому, и до тѣхъ поръ не успокоилась, пока не назначенъ былъ день брака ея съ двоюроднымъ ея внукомъ. Клара и Генрихъ столько же того желали, сколько и она; но болѣзнь Ревеккина сдѣлала еще препону соединенїю ихъ, и Графиня Маргарита принуждена была умѣрить свою горячность.

Между тѣмъ какъ она безпокоилась объ окончанїи дѣла, составлявшаго всю ея заботу, Клара спокойно провождала дни свои у Ревекки вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ. Однимъ утромъ воспользовавшись свободою своею разговаривать вмѣстѣ, сѣли они подъ липою, гдѣ Клара занялась рукодѣлїемъ, а Генрихъ читалъ ей нѣкоторыя мѣста изъ Шакеспира. Вдругъ подошелъ къ нимъ одинъ молодой человѣкъ, одѣтой въ черное платье; Генрихъ взгля-

нулъ на него, и подбѣгая къ нему: ты ли это, Монтгомери? вскричалъ онъ, схвативши его въ свои объятія. — Я самъ, отвѣчалъ ему мореходецъ, обнявши его съ нѣжностію. Когда прошли первые радостные восторги, тогда Монтгомери разсказалъ Кларѣ и Генриху, что Гжа. Несбитъ умерла на дорогѣ изъ Лондона въ Лиссабонъ, и что онъ принесъ дѣвицѣ Элтонъ копію съ ея духовной. Клара пролила слезы о смерти своей тетки, а Генрихъ вспомнилъ только, что Гжа. Несбитъ была сестра его друга.

Когда они оплакали съ Монтгомеріемъ преждевременную смерть благодѣтельницы своей, то Генрихъ заговорилъ съ нимъ о дѣвицѣ Габъ. При семъ толь любезномъ имени глаза Монтгомеріевы изъявили тѣ чувствованія, коими сердце его было наполнено. Желалъ бы я попросить ее въ супружество, сказалъ онъ Генриху, но боюсь, чтобъ родители ея не отказали мнѣ въ ней . . . . — Развѣ

забываете вы, что вы племянникъ Графининъ и двоюродной братъ Лордовъ? возразилъ ему Генрихъ. Вѣрьте мнѣ, что Гжа. Габъ не устоитъ противъ толикихъ выгодъ, и отдастъ за васъ дочь свою, чтобъ взбѣсить своихъ сосѣдей. Чтожъ касается до ея мужа, то я имѣю средство получить его согласіе: и такимъ образомъ я почитаю это дѣло конченнымъ. Но пойдемъ къ Графинѣ Белвуаръ, и упросимъ ее проводить насъ къ Гжѣ. Габъ: гербы, написанные на ея каретѣ, еще лучше будутъ говорить въ вашу пользу, нежели все Перуанское золото. Монтгомери не смѣлъ сказать Генриху, что наговоры Капитана Эсанса раздражили тетку его на него. Однакожъ онъ поѣхалъ съ нимъ въ Сентъ-Джемсъ-Скверъ, изъяснился съ Графинею Белвуаръ, и по прозьбѣ Генриховой, которой говорилъ о поведеніи его съ величайшею похвалою, примирилась она съ нимъ. Графиня одобрила замышляемой имъ союзъ, и согласилась ѣхать съ ними въ Дов-

гетъ-Гилъ. Они пріѣхали туда почти въ то самое время, какъ и Графиня Креспиньи вошла къ Гжѣ. Габъ. Причиною посѣщенія ея была гордость, чтобъ показать ей придворное свое платье, и разсказать о ласковомъ пріемѣ, учиненномъ ей отъ Королевской фамиліи въ день ея представленія ко Двору.

ГЛАВА 58.

Какимъ образомъ молодой человѣкъ, надѣясь составить себѣ щастіе, погубляетъ себя? Возвращеніе въ Этеръ и заключеніе.

Графиня Креспиньи нашла Гжу. Габъ въ залѣ съ своимъ сыномъ, самозванымъ Капитаномъ, хвалившимъ нарядъ ея Гжа. Габъ слушала его съ удовольствіемъ, которое увеличивало краску въ лицѣ ея; но придворное платье заставило ее поблѣднѣть, и веселость ея перемѣнило въ тайную досаду, что ей не можно было блеснуть въ такомъ же уборѣ. Послѣ того, какъ двѣ дамы осмотрѣли

другъ друга съ головы до ногъ, и нашли тысячу недостатковъ въ выборѣ своихъ матерій и въ наколкѣ своихъ алмазовъ: я хочу представить вамъ мою невѣстку, сказала Гжа. Габъ Графинѣ Креспиньи; она одерживаетъ верьхъ надъ нами въ уборѣ и осанкѣ. Нѣтъ нужды говорить объ ней, что она Лордова дочь; это можно увидѣть при первомъ на нее взглядѣ. Симъ вечеромъ сдѣлаетъ она мнѣ первой свой визитъ . . . Сынъ мой Капитанъ (то есть Прапорщикъ) познакомился съ нею на одномъ балѣ, и не зная ее, почувствовалъ къ ней жестокую страсть. Бѣдной молодой человѣкъ былъ невольникомъ одной Италїянки, которая пожирала все его имѣнїе, и которую не смѣлъ онъ оставить по причинѣ ея запальчивости. Теперь, благодаря Бога, освободился онъ отъ ней, женившись на знатной дѣвицѣ . . . Разскажи Графинѣ, какимъ образомъ началось ваше знакомство, и по какому щастїю успѣлъ ты понравиться ей.

Надобно знать, сударыня, продолжалъ Капитанъ Габъ, что на одномъ маскированномъ балѣ имѣлъ я щастіе понравиться одной женщинѣ, переодѣтой въ монахиню, которая просила меня дать ей руку. Мы долго съ нею разговаривали; я сказалъ ей, кто я таковъ, и она также по милости своей увѣдомила меня, что она дочь одного Шотландскаго господина, и называется Графиня Вина; что по смерти отца ея дядя, которой былъ опекунъ ея, хотѣлъ ее принудить выпти за своего сына; что она освободилась отъ сего союза бѣгствомъ, и опасаясь, чтобъ не употреблено было власти для соединенія ея съ молодымъ человѣкомъ, коего она ненавидѣла, наблюдала *инкогнито*, и рѣдко показывалась въ публикѣ. Посудите, что послѣ сей довѣренности я чрезмѣрно влюбился въ нее. Щастіе мое совершенно, сказалъ я матушкѣ, естьли я достигну до того, что возрожу въ ней любовь къ себѣ.

Матушка думала, такъ какъ я; я послѣдовалъ ея совѣтамъ, и при концѣ мѣсяца, проведеннаго мною въ постоянныхъ ей услужливостяхъ, имѣлъ честь сдѣлаться зятемъ Лордовымъ.

Гжа. Габъ не перестала еще удивляться расторопности своего сына, какъ пріѣхала Графиня Вина Габъ. Послѣ того, какъ свекровь и невѣстка другъ друга поздравили съ тѣмъ щастіемъ, что онѣ породнились, Графиня Вина поклонилась Графинѣ Креспиньи, которая едва кивнула ей головою. Бросивши другъ на друга наглые взоры, взяли онѣ участіе въ разговорѣ съ разсѣяннымъ видомъ. Сіе жеманство прервано было ударами бича на дворѣ, что возвѣщало о важномъ посѣщеніи. Радость, почувствованная отъ того Гжею. Габъ, воспламенила красное лице ея; но она едва не упала въ обморокъ отъ удовольствія, когда сказали ей о пріѣздѣ Графини Белвуаръ, Г. Макнамары и Г. Монтгомерія. Графиня

Креспиньи, досадуя, что бабушка ея нашла ее въ толь худой компаніи, закрыла лице свое вѣеромъ; Графиня Вина покраснѣла, а смущенная и трепещущая дѣвица Габъ осталась недвижима на софѣ, на коей она сидѣла.

Какое для меня щастіе, что вы удостоиваете меня своего посѣщенія! вскричала Гжа. Габъ, бѣгучи для принятія Графини... Потомъ устремивши глаза свои на Монтгомерія, не уже ли это шутка? продолжала она... Не тотъ ли это морской Офицеръ, которой приходилъ навѣдываться о... — Я думаю обо мнѣ, возразилъ Генрихъ, сдѣлавши ей низкой поклонъ. — Гжа. Габъ поблѣднѣла: удивляюсь я, Г. Конвай, или Г... Богъ васъ знаетъ, какъ ваше настоящее имя! что вы имѣете дерзость являться ко мнѣ, сказала она ему хрипливымъ голосомъ... Не сердитесь, сударыня, отвѣчала ей Графиня Белвуаръ; позвольте мнѣ поговорить съ вами о томъ заблуж-

денiи, которое заставляетъ васъ говорить такимъ образомъ, и я изъясню вамъ ту причину, которую онъ имѣлъ скрывать отъ васъ свое имя... — Я не имѣю нужды въ изъясненiи! вскричала Гжа. Габь; это побродяга.. — Это мой внукъ, возразила ей Графиня такимъ тономъ, которой присѣкъ у Гжи. Габъ языкъ... — Вашъ внукъ, сударыня! какъ это можетъ статься? мы кормили его Христа ради.. — Вы можетъ быть оказывали ему милость, но однакожъ не менѣе то справедливо, что Г. Конвай есть Августъ Макнамара и единственной сынъ моего сына, коего я лишилась въ Америкѣ. Графиня разсказала ей нѣкоторыя другiя обстоятельства о рожденiи Генриховомъ, кои примирили съ нимъ Гжу. Габъ, которая, стараясь съ своей стороны возвысить блескъ своего дому, представила Графинѣ Белвуаръ супругу Капитана Габа, своего сына. Генрихъ и Монтгомери до сего времени занимались только Софiею; но пыш-

ное титло *Графини Вины* привлекло ихъ вниманіе на даму, которую Гжа. Габь выдавала за наслѣдницу Шотландскаго Пера. — Боже мой! вскричалъ Генрихъ: что это? Графиня Вина есть Лавинія Ортодоксъ? — А! это вы, Г. Дельморъ, отвѣчала она ему съ небрежнымъ видомъ. — Что я слышу? вскричала Гжа. Габь: какъ! такъ вы не дочь Лордова? Генрихъ улыбнулся; Монтгомери сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо, а Капитанъ кусалъ себѣ ногти. — Нѣтъ, сударыня, отвѣчала ей Лавинія съ безстыднымъ видомъ, ниже наслѣдница великаго имѣнія, а законная супруга вашего сына, и ваша покорнѣйшая невѣстка. . . — Выдь отсюда, бездѣльница! сказала ей Гжа. Габь, задыхаясь почти отъ гнѣва: ты погубила меня, обезчестила мое имя и моего сына. . . — Что касается до этого, сударыня, возразила она ей съ холодностію, то Г. Дельморъ можетъ вамъ сказать, что фамилія Лавиніи Орто-

доксъ лучше фамиліи Прапорщика Габа; женщинѣ позволено употребить хитрость, чтобъ выттти за глупца; но естьли я и учинила проступокъ, то разсудите, что я оказала вамъ услугу, освободивши вашего сына отъ опаснѣйшаго общества, нежели каково мое. Естьли вы умны, то будете поступать со мною хорошо; естьли же не такъ, то я возъимѣю прибѣжище къ законамъ; я буду просить о разводѣ, и вы принуждены будете содержать меня какъ жену своего сына. Я не намѣрена принуждать его; онъ воленъ слѣдовать за мною, или остаться у васъ. Вы должны выбирать любое, сказала она Капитану вставши. Онъ запинался, взглянулъ на свою мать, и пошелъ за своею женою, которая съ поспѣшностію вышла. Гжа. Габъ осыпала его ругательствами; но онъ боялся болѣе гнѣва своего отца и бѣшенства Италіянки, нежели запальчивости презираемой имъ матери.

Графиня, успокоивши Гжу. Габъ, потребовала отъ ней тайнаго разговора, въ коемъ положили онѣ о бракѣ Софїи съ Монтгомерїемъ. Гжа. Габъ вошла въ залу съ довольнымъ видомъ. Ожиданїе на другой день обѣда у Графини Белвуаръ заставило ее забыть о нещастїи своего сына. Гости разъѣхались, и Гжа Габъ, нетерпѣливо желая увѣдомить мужа своего о новой важности, каковую придастъ ей замышляемой союзъ, желала скораго его возвращенїя.

Безпорядочное Габово поведенїе принудило его возъимѣть прибѣжище къ Батскимъ водамъ: онъ прїѣхалъ въ Лондонъ въ то самое время, какъ Графиня уѣхала отъ жены его. Габъ ласкался найти у себя супругу своего сына, которую должно было представить ему по его возвращенїи; но досадное приключенїе, испровергшее надежду его дома, помѣшало Гжѣ. Габъ говорить съ нимъ о сынѣ его: она говорила только о бракѣ Софїиномъ, и подробно изчисливши всѣ вы-

годы, сказала ему: это такой союзъ, которой намъ принесетъ честь... — Ты ничего не говоришъ о томъ союзѣ, въ которой вступилъ твой сынъ, возразилъ ей Габъ. Тогда желанїе говорить одержало верьхъ надъ причинами, кои она имѣла молчать. Гжа. Габъ дала свободу языку своему, и разсказала ему самомалѣйшїя подробности женидьбы сына своего на распутной женщинѣ. Габъ слушалъ ее съ задумчивымъ видомъ; досада его, что онъ имѣетъ такую невѣстку, коей благосклонности онъ покупалъ, воспрепятствовала ему упрекнуть жену свою въ томъ участїи, каковое она имѣла въ безславїи Капитановомъ. Тогда-то почувствовалъ онъ неблагоразумїе собственнаго своего поведенїя, и нужду отца семейства побуждать дѣтей своихъ примѣромъ своимъ къ добродѣтели.

Возчувствованныя отъ того Габомъ угрызѣнїя совѣсти сдѣлали его пасмурнымъ и задумчивымъ, и мало способнымъ ѣхать къ Графинѣ. Гжа. Габъ, примѣтя сїе, не давала ему

заснуть во всю ночь, боясь, чтобъ онъ не отказался отъ сопутствованїя ей, и столько наскучила ему, что онъ долженъ былъ уступить, особливо когда и Софїя къ докукамъ своей матери присоединила и свои прозьбы. Ты, Софїя, любишь сего молодаго человѣка, сказалъ онъ ей, и я радъ тому; но бѣдной братъ твой! . . . . Опредѣли ему доходъ на прожитокъ, и сошли его съ женою въ деревню, отвѣчала ему Гжа. Габъ вставая. По томъ посмотрѣвши на часы свои: пойдемъ поскорѣе къ нашему туалету, продолжала она, оборотясь къ Софїи; а вы, сударь, постарайтесь одѣться благопристойнымъ образомъ. Когда сїе важное дѣло приведено было къ концу, то Габъ, жена его и дочь поѣхали къ Графу Белвуару, гдѣ тотчасъ согласились о бракѣ Софїиномъ съ Монтгомерїемъ и о Клариномъ съ Генрихомъ; но смерть Гжи. Буржесъ отсрочила то время, которое назначено было для торжествованїя ихъ свадебъ.

Радость о найденіи сына сдѣлалась для Ревекки столь же пагубною, каковою была и печаль о незнаніи его участи. Ни слезы супруга, ни старанія Кларины, ни нѣжныя ласки Генриховы не могли укротить тиранку, коей все уступаетъ: Ревекка изпустила духъ въ ту самую минуту, когда всѣ ласкались о скоромъ ея выздоровленіи. Сей плачевной ударъ жестоко опечалилъ Генриха, коего приверженность къ своей матери равна была съ любовію его къ Кларѣ: онъ горько плакалъ о лишеніи ея, и долгое время сохранялъ воспоминаніе объ ней въ сердцѣ своемъ.

По смерти Гжи. Буржесъ Клара Элтонъ, не могши изъ благопристойности жить въ томъ домѣ, въ коемъ жилъ любовникъ ея, велѣла попросить дѣвицу Напперъ сотовариществовать ей въ Этеръ къ Франклину. Графиня Белвуаръ предложила было Генриху ѣхать въ Дербиширскую свою вотчину; но онъ пред-

почелъ остаться съ Г. Буржесомъ, которой имѣлъ нужду въ утѣшенiи. Франклинъ, извѣщенной Кларою о чрезмѣрной ихъ печали, прiѣхалъ въ Лондонъ, чтобъ уговорить ихъ ѣхать къ нему въ деревню. Въ день ихъ выѣзда Графъ Белвуаръ съ своимъ семействомъ оставилъ столицу и также уѣхалъ въ провинцiю, гдѣ Графиня обыкновенно проводила лѣто. Графиня Маргарита Макнамара осталась въ Лондонѣ, до того времени, какъ она почтетъ за благо, говорила она Франклину, сдѣлать ему визитъ въ его пустынѣ.

Когда Франклинъ, Буржесъ и Генрихъ прiѣхали въ Этеръ, то встрѣчены тамъ были радостными восклицанiями поселянъ; при чемъ изъявила несказанную радость Гжа. Гудсонъ, коея сынъ былъ тогда камердинеромъ у молодаго Макнамары, прежде сего Генриха Дельмора. Ортодоксъ и жена его ожидали ихъ у воротъ для поднесенiя Генриху Латинской оды, въ коей ученой Пасторъ

воспѣвалъ щастливую перемѣну, случившуюся въ его состоянiи. Франклинъ спросилъ у нихъ о сестрѣ своей, но съ печалiю услышалъ, что она уѣхала въ Лондонъ, гдѣ мужъ ея все еще находилъ причины для продолженiя тамъ пребыванiя своего.

Генрихъ удивился, не видя Гжи. Кадоганъ въ числѣ старавшихся поздравить его. Подумавши, что она больна, велѣлъ онъ сказать ей, что онъ придетъ къ ней, какъ скоро будетъ ему свободно. Но Гжа. Кадоганъ не смѣла явиться въ замокъ безъ приглашенiя; услышавши же оное, тотчасъ прибѣжала, и показала Кларѣ и Генриху опыты, что сердце ея было имъ предано.

Протекли многiя недѣли въ праздниствахъ и невинныхъ деревенскихъ забавахъ, прежде нежели Генрихъ началъ говорить Франклину о бракѣ своемъ съ Кларою.

Однакожъ онъ съ нетерпѣливостiю ждалъ минуты, долженствовавшей соединить ихъ, и вдругъ

прервавши молчаніе, сказалъ однимъ днемъ Кларѣ и Франклину: неуже ли надобно, отлагая совершеніе моего щастія, увеличивать печаль мою о лишеніи любезной матери? Клара покраснѣла, Генрихъ сдѣлался докучливъ, Франклинъ подкрѣплялъ убѣжденія его, но пріѣздъ Графини Маргариты Макнамары преодолѣлъ всѣ затрудненія. Мнѣ надобно ѣхать въ Шотландію, сказала она имъ, но я не хочу отсюда уѣхать, прежде нежели вы будете обвѣнчаны. Цѣль пріѣзда моего сюда состоитъ въ томъ, чтобъ быть на свадьбѣ у того, которой будетъ единственнымъ моимъ наслѣдникомъ. Я назначаю все мое имѣніе двоюродному моему внуку; во ожиданіи же того, какъ онъ будетъ моимъ наслѣдникомъ, даю вамъ обоимъ спасительной совѣтъ: не слѣдуйте никогда принятому въ публикѣ мнѣнію. Я была невольницею онаго, такъ какъ и многіе другіе, и весьма уже поздно примѣтила, что я спокой-

ствïемъ своимъ пожертвовала химерамъ. Вѣрьте мнѣ, дѣти мои, что истинная мудрость состоитъ въ томъ, чтобъ хватать щастïе, какъ скоро оно намъ представляется, и стараться соблюсти оное столь долго, сколько мы можемъ вкушать прïятность онаго. Философïя Графини Маргариты столь согласна была съ желанïями слушателей ея, что она не имѣла труда въ убѣжденïи ихъ. Такимъ образомъ назначенъ былъ день ихъ свадьбы, и Клара соединилась наконецъ съ предметомъ всѣхъ своихъ желанïй.

Естьлибъ я дала свободу перу моему, то нашла бы въ *неблагоразумныхъ поступкахъ юношества* много такого, о чемъ бы можно было написать цѣлые Томы *in folio*; но не надобно скучать Читателямъ моимъ. И такъ я откланяюсь, сказавши нѣсколько словъ о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ, игравшихъ ролю въ сей исторïи. Начнемъ съ важнаго Пастора Ортодокса, кото-

рой жилъ до возраста, столь хорошо описаннаго Шакеспиромъ, то есть, до того предѣла, *когда человѣкъ, уподобляясь въ слабости младенцу, прозябаетъ лишенный зрѣнія и употребленія другихъ чувствъ.* Ортодоксъ, не могши унести съ собою сокровищъ своихъ, раздѣлилъ ихъ между женою и обѣими дочерьми своими. Кадоганъ заступилъ Пасторское его мѣсто въ Этерѣ, но онъ по неискусству своему возвратился въ Европу столь же бѣднымъ, каковымъ и выѣхалъ изъ оной. Капитанъ Манли не былъ проворнѣе его: тотъ и другой слѣдовали по пути чести, и презирали тотъ путь, которой ведетъ къ щастію постыдными средствами. Генрихъ, или лучше сказать Августъ Макнамара упросилъ выбрать Манлія Членомъ Парламента, и по знатности своей доставилъ ему почтенное мѣсто въ морской службѣ.

Гжа. Кадоганъ продолжала быть другомъ и наперсницею Клариною до конца жизни своея.

Лордъ Белвуаръ расположился жить въ деревнѣ къ великому сожалѣнію молодыхъ людей, веселившихся на его щетъ съ содержимыми имъ любовницами. Смерть постигла его въ то самое время, когда склонность къ волокитству побудила его вступить въ любовные переговоры съ дочерью одного сельскаго откупщика.

Графиня Белвуаръ терпѣливо сносила свое вдовство въ сообществѣ двухъ своихъ дочерей, кои, не будучи молоды и пригожи, нравились еще умомъ своимъ.

Графъ и Графиня Креспиньи были совершенно щастливы; они жили безъ принужденія, и ненавидѣли другъ друга превыше всякаго выраженія.

Графиня Маргарита Макнамара жила столь долгое время, что усыновила старшаго сына двоюроднаго своего внука; она завѣщала ему часть своего имѣнія, отдала Кларѣ великолѣпной домъ, выстроенной ею въ Дублинѣ, а супругу ея загородной свой домъ, лежащій на берегахъ

Килларнея, съ тѣмъ условїемъ, чтобъ онъ проживалъ въ ономъ нѣкоторую часть года.

Капитанъ Габъ и Лавинїя назначили себѣ жилищемъ Лондонъ, гдѣ и бранились они на свободѣ, и утѣшались въ томъ такъ, какъ было прилично ихъ свойству. Расточительность одного и распутство другой скоро разорили бы ихъ, естьлибъ Г. Габъ не учредилъ въ томъ порядка, завѣщавши дѣтямъ ихъ истинный капиталъ, съ коего сынъ его получалъ только проценты.

Габъ умеръ мало спустя времени послѣ брака дочери своей съ Монтгомерїемъ; а Гжа. Габъ, вдова его, имѣя пятьдесять восемь лѣтъ отъ роду, вышла въ другой разъ за мужъ за Г. Петра Мартина, имѣвшаго двадцать пять лѣтъ, положившись на обѣщанїе, данное ей Монтгомерїемъ, чтобъ выхлопотать ему дворянство.

Жемима вышла за Прапорщика Вельса, и заступила мѣсто стараго

Довнеса, когда онъ отказался отъ онаго, боясь, чтобъ не открыты были плутовства его. Гжа. Напперъ продолжала жить доходомъ отъ своей школы, между тѣмъ какъ Гжа. Вельсъ, дочь ея, оказывала свое кокетство всѣмъ молодымъ людямъ въ Этерѣ.

Великій Пуфардо продолжалъ быть оракуломъ *малаго* сельца, которое онъ удостоилъ своимъ жительствомъ; онъ долгое время къ досадѣ своей видѣлъ, что жену его почитали болѣе его. Голкомбъ уѣхалъ въ Ямайку, гдѣ неспособность его къ приказному званію превратила его въ прикащика отца своего, которой былъ директоромъ одного плантажа.

Гжа. Довнесъ, узнавши, что поведеніе ея мужа противно было супружескимъ обѣтамъ, подала на него прозьбу, и получила позволеніе развестися съ нимъ; они учинили сдѣлку посредствомъ прожиточнаго дохода, которой она ему дала, и съ коимъ поѣхалъ онъ въ Парижъ представлять петиметра. Какъ скоро

Гжа. Довнесъ освободилась отъ пренебрегавшаго ее супруга, то опять вдалась въ литтературу: она сочиняетъ теперь книгу противъ Монархїи въ защиту Аристократическаго правленїя. Какъ слава ея имени дала знать Американскимъ ученымъ людямъ о рѣдкихъ ея дарованїяхъ, то сказываютъ, что она располагается сдѣлать имъ визитъ, чтобъ помочь имъ въ сочиненїи книги законовъ для тринатцати соединенныхъ провинцїй. Сїя великая исторїографка привлекла уже на себя вниманїе ученыхъ, законодателей и Философовъ въ той и другой гемисферѣ, и естьли надобно вѣрить ласкателямъ ея, то составитъ со временемъ украшенїе своего вѣка.

Софїя и Клара щастливы въ брачныхъ своихъ узахъ; супруги обожаютъ ихъ, и существующее между ими дружество увеличиваетъ ихъ щастїе.

Г. Олдамъ находитъ въ покровительствѣ Клариномъ облегченїе сво-

имъ нещастіямъ; а Анна, обогащенная благодѣяніями Гжи. Несбитъ, нетерпѣливо ожидаетъ въ Ирландіи, чтобь смертъ Мак-Дугалева позволила ей вытти за третьяго мужа.

Франклинъ и Буржесъ жили многіе годы, и оба были образцемъ добродѣтели и благотворительности, и утѣшителями нещастныхъ. По смерти своей оставили они имѣніе свое супругу Кларину, которой чрезъ сіи подарки учинился богатѣйшимъ человѣкомъ въ Англіи и Ирландіи. Честь всегда была путеводительницею его и распоряжала всѣми его дѣйствіями. Жена его и онъ имѣли попеченіе о воспитаніи дѣтей своихъ; ибо они узнали на собственной свой щетъ, что одни только хорошія правила, натверженныя во младенчествѣ, предохраняютъ отъ *неблагоразумныхъ поступковъ юношества.*

Конецъ второй и послѣдней Части.